

ЯПОНИЯ

БЕЗ
РЕТУШИ

ВАДИМ КАССИС

1975

«ИЗВЕСТИЯ»

ЯПОНИЯ БЕЗ

ВАДИМ КАССИС

РЕТУШИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЗВЕСТИЯ», МОСКВА, 1975

Вадим Борисович Кассис родился в 1925 году в Москве. Великая Отечественная война застала его курсантом артиллерийской спецшколы. Он участвовал в обороне столицы, откуда с боями прошел до Одера. Там ему был вручен орден Отечественной войны II степени.

В мирное время после окончания высшего учебного заведения В. Кассис начинает

заниматься журналистикой. И вот уже более четверти века публикуются его очерки, репортажи, книги. Как корреспондент „Комсомольской правды“, а затем „Известий“ (с 1961 года), он объездил многие страны Юго-Восточной Азии, бассейна Тихого океана. Во время этих командировок В. Кассису довелось побывать в Японии. Длительное знакомство автора с этой страной началось в 1972 году, когда он приступил там к работе в качестве собственного корреспондента „Известий“.

Предлагаемая читателям книга — „Япония без ретуши“ рассказывает о сложной, противоречивой, насыщенной событиями современной жизни „страны восходящего солнца“, ее политике, экономике, культуре. Наблюдательность, умение анализировать факты, журналистское мастерство позволили автору дать многоплановую картину японской действительности, добавить к нашему знанию Японии много новых интересных деталей и штрихов.

ТРЕТЬЯ ВСТРЕЧА

В этой книжке я расскажу о своей третьей встрече с Японией. Две первые краткосрочные командировки в эту страну поразили воображение, но не позволили в рамках времени оглядеться, осмыслить увиденное. Помню, дальше дневниковых заметок я так и не рискнул ничего на-

писать. Слишком уж легко было поддаться соблазну скорописи, но больше того — риска наделать ошибок, неточностей в оценках явлений и каждодневных событий.

И вот я снова вдыхаю воздух Токио, стоя у таможенной стойки международного аэропорта Ханэда. Впрочем, Ханэда — это еще не Токио. И не Япония. Странно? Ничуть. В этой стране нет недостатка в парадоксах. И, пожалуй, начинаются они сразу же здесь, у воздушных ворот нашего дальневосточного соседа.

Ханэда раскинул сеть своих пассажирских, грузовых, таможенных, иммиграционных служб и взлетно-посадочных дорожек на насыпной, отвоеванной у Токийского залива территории. Четыреста гектаров земли. Около двадцати лет назад, когда за Ханэдой прочно укоренилось международное признание, начался судебный процесс по делу «Номото против министерства транспорта». Номото — так зовут японца, который заявил, что земля под Ханэдой принадлежит ему, что это его частная собственность.

Процесс продолжается и не известно, чем закончится. Во всяком случае, Номото продолжает считать землю в районе Ханэда своей, грозитя распорядиться ею по-своему. А министерство транспорта, уже не тратя даром золотого времени, завершило чуть подальше от Токио строительство нового международного аэропорта возле города Нарита (префектура Тиба). Но и здесь произошла осечка. Твердь, по которой нужно проложить трубопровод из порта к приангарным емкостям для перекачки горючего, тоже оказалась в руках частновладельцев. Дело зашло в тупик. Торжественное открытие нового аэропорта отложено на неопределенный срок.

Я умышленно сделал это отступление. Земельная проблема в Японии — одна из острейших. Подробнее мы коснемся ее в одной из глав книги. А пока, миновав, наконец, таможенный зал, коридорчики с сувенирными киосками и рыночную толчею аэропорта, я занял свое

место в автобусе, следующем в Токио. Знакомые дорожные указатели подсказывают путь к столице. Широкая, вознесенная на бетонные опоры магистраль № 1. Да, она первая, по праву. Рядом, параллельно бежит монорельсовая электричка. Она тоже связывает центр Токио с аэропортом. Ее построили еще к Олимпийским играм.

Грустная осенняя вуаль над Токийским заливом, робкий налет желтизны на деревьях, волнистые шлейфы дыма заводских труб, порталные краны, краны, краны... Эти приметы времени года и века научно-технического прогресса движением автомобиля стремительно отбрасываются назад. Девиз здешних водителей прост и, я бы сказал, безысходен: лети, выжимай из лошадиных сил мотора все, пока есть перед бампером свободное пространство, пока не оборвалась вольготная нить эстакадного шоссе. Ты приобрел проездной билет, заплатил за эту отчаянную радость скорости. Так пользуйся случаем, лети, ликуй и помни: на каждого токийского жителя приходится каких-то жалких сорок квадратных сантиметров уличной площади...

Сорок квадратных сантиметров. Первая цифра. На новичка в Японии, пожалуй, прежде всего как некая стихия обрушивается водопад цифр. Здесь высоко почитают и ценят статистику. Расчетами и подсчетами с избытком заполнены страницы газет, журналов, рекламные и туристские проспекты. Одни цифры морально убивают заезжего иностранца, другие — заставляют задуматься, третьи — вызывают к себе уважение. По ним складывается первое представление о Японии, они служат как бы исходным путеводителем по этой многоликой стране.

Вам внушают: в мировой системе капитализма Япония по валовому национальному продукту обогнала Англию, Францию, ФРГ и заняла второе место после США... Но Япония застыла где-то на 12 месте в списке государств нашей планеты по жизненному уровню населения. Вам говорят: в области внешней торговли Япония занимает

третье место на капиталистическом рынке... Но в Токио, Нагое или Осаке, например, не найдешь ничего дороже обычного глотка чистого воздуха. Те же промышленные предприятия, которые вываливают на внешнеторговый конвейер автомашины, радиоприемники, танкеры, телевизоры, отбросили страну своими промышленными отходами на одно из первых мест в мире по загрязнению воздуха и воды.

Вам с гордостью напоминают (министерство внешней торговли и промышленности): японские инвестиции в экономику развивающихся стран в 1972 году достигли 2140,5 миллиона долларов. Эта цифра на 17,4 процента выше показателей предыдущего года... Но тогда почему же бывший премьер-министр Малайзии Абдул Рахман как-то заявил японским корреспондентам в Токио, что правящие круги Японии имеют тенденцию одной рукой давать, а другой — забирать вдвое больше?!

...Быстро отскакивают назад ореховой скорлупой двухскатные, четырехскатные крыши серых невысоких домов токийского пригорода. Чем ближе к центру, тем меньше скорость машины, но выше здания города. В этом гигантском котле из дерева, камня, бетона, стекла, стали и алюминия расквартировано более 12 миллионов человек. Добавьте к этой цифре еще пять миллионов тех, кто ежедневно по утрам буквально ввинчивается в тело столицы на поездах, автомашинах, автобусах по своим служебным и личным делам, и вы получите некоторое представление о Токио наших дней. Бурлящем Токио.

Однако невероятная скученность — не первопричина, а скорее следствие его исторического развития. Всего лишь сто с небольшим лет назад сюда перебрался императорский двор. Этот акт стал отправным моментом, превратившим провинциальный городок близ замка Эдо в столицу. Но разве могла эпоха Мэйдзи помышлять о сегодняшней азартной промышленной гонке с крупнейшими государствами по ту и другую сторону океана?!

Еще до войны в Токио свили гнезда штаб-квартиры ведущих монополий — «Мицуи», «Мицубиси», «Ито»... Облик сегодняшней столицы Японии немыслим без рекламных щитов тех старых «классических» и относительно новых компаний — «Мацусита», «Сони», «Фурукава», «Хитати» и многих других. Статистика утверждает, что в стране насчитывается около двухсот монопольных гигантов. Это на их предприятиях создается свыше пятидесяти процентов японской продукции, которую в трюмах океанских лайнеров перебрасывают на рынки США и Западной Европы, государств Азии, Африки и Латинской Америки.

Я смотрю на вздыбленные над крышами осенней столицы рекламные иероглифы финансово-промышленных компаний. За последние лет двадцать мне довелось частенько соприкоснуться с «визитными карточками» японских монополий в разных странах. В Бейруте, например, компания «Тоёта» решила побить рекорд рекламного бизнеса, водрузив ярко-красную легковую машину своего производства на крышу двенадцатиэтажного здания возле площади Плас де Канон. В Сингапуре я как-то оказался невольным свидетелем помпезной церемонии по поводу завершения строительства судоремонтного дока в Джуронге концертном «Исикавадзима-Харима». На Бахрейне правительственные чиновники говорили мне, что одна японская фирма подрядилась намыть искусственную отмель для расширения границ столицы этого островного государства Персидского залива — у японцев в этом отношении накоплен солидный опыт (вспомните аэропорт Ханэда!). В Кувейте мне довелось посетить японскую нефтяную компанию отнюдь не с японским названием «Арабиэн ойл компани» близ городка Хафджи...

Иные философствующие эстеты пытаются опоэтизировать на свой вкус и лад некоторые черты характера современного японца. Ходячей притчей стала история о

том, как однажды грузовик превратил в щепки тележку уличного торговца. Толпа замерла: человек в одну секунду лишился всего, что он имел. Однако вместо того, чтобы поносить лихача-водителя или проливать слезы, торговец начал смеяться. Его смехом постепенно заразилась и толпа прохожих зевак. В Европе бедолагу-торговца в лучшем случае называли бы чудаком. В Японии такое считается чуть ли не нормой. Находят тому объяснение: человек, мол, не имеет права ставить окружающих в неловкое положение своим поведением (слезы, ругательства), не должен «терять лицо». Лучше потерять собственную жизнь. Именно так и закончилась удивительная история с торговцем. Вернувшись домой, он покончил жизнь самоубийством. Возможно, в этой истории и есть доля правды...

«Терять лицо». Как-то в Таиланде, в порту, я встретил немолодого японца. Поинтересовавшись, что этот человек делает столь далеко от родины, выяснил следующее. Он — представитель одной транспортной японской фирмы. Круг его обязанностей невелик — внимательно осматривать тару, в которой его фирма поставляет в Таиланд товары, и регулярно сообщать результаты проверки. Если ящик треснул, он телеграфирует, с какой стороны. Если поржавел железный обруч, телеграфирует, сколько дней контейнер находился в пути. И так далее.

Средний заработок японского рабочего — 70—90 тысяч иен в месяц. Мой представитель фирмы получал во много раз больше. Вот здесь-то термин «терять лицо» звучит и толкуется, пожалуй, именно так, как ему подобает. Фирма не хочет «терять свое лицо», терять клиентов, а следовательно, и прибыль. Капитал опрокидывает эстетствующих резонеров. Думается, что современному японцу прежде всего присущи трезвый рационализм, дисциплина и далеко идущая деловитость. Без этих качеств не было бы нынешней промышленно высокоразвитой Японии.

Бросим взгляд на Токио с 47-го этажа одного из самых высоких небоскребов столицы — «Кэйо плаза отель».

Город охвачен строительным бумом. Спешат фирмы, спешат архитекторы, спешат арматурщики, спешат штукатуры. Высотному строительству столицы был дан старт в 1963 году. Когда-то здесь запрещалось возводить дома выше тридцати метров — уровень диктовался частыми землетрясениями. Японские зодчие разработали схему сейсмоустойчивой «гибкой» архитектуры и смело взялись за дело. Токийские этажи быстро устремились в небо.

Проблема градостроительства волнует многих японцев. Ей посвящаются книги, статьи, проводятся совещания заинтересованных лиц, рождаются дерзкие планы, проекты, модернистские теории. Кэндзо Тангэ, автор многих монументальных сооружений, построенных в Японии, в том числе олимпийского спортивного комплекса в Токио, несколько лет назад силой своего недюжинного воображения увидел Токио городом 1984 года. Его идея — преобразовать центростремительную структуру столицы в линейную. Разработаны и другие заманчивые предложения. Конечно, как считают сами японцы, утопичность иных наметок очевидна. Помимо чисто архитектурных инженерных решений следует учитывать характер социальной структуры общества, частнокапиталистический фактор, постоянно диктующий цены на ту же землю. А стоимость земельных участков в Токио каждый год рвется ввысь быстрее, чем возводятся сами высотные здания. При составлении планов развития городов экономистам приходится предусматривать на приобретение земельных участков от 50 до 80 процентов общего бюджета. И все же отраднo видеть, что люди думают, смотрят вперед, пытаются более рационально использовать достижения науки и техники применительно к существующему положению вещей.

Приезжего в Токио поражают подземные многоярусные автостоянки. Но автомобильные «подземелья» это уже день вчерашний. В 1975 году намечено завершить строительство подземного пятиэтажного железнодорожного вокзала. Он примет на себя комбинированную функцию конечного пункта магистралей дальнего следования и пригородных электричек. Вокзал сооружается внушительный — 735 метров в длину и более сорока в ширину.

Под землю подобные сооружения загоняются все теми же проблемами неимоверной скученности населения, все теми же лабиринтами токийских кварталов, где трудно разминуться двум встречным машинам, все теми же жесткими 40 квадратными сантиметрами уличной площади на каждого жителя столицы. В какой-то степени эти факторы плюс общая динамика жизни Японии заставляют инженерную мысль работать и в плане увеличения скорости транспорта, прежде всего железнодорожного. Вдумайтесь: немногим более ста лет назад, 14 октября 1872 года, из Токио в Иокогаму пришел первый железнодорожный состав. Двигался он со скоростью черепахи. В токийском музее железнодорожного транспорта я видел этот древний, как мир, паровозик.

В сегодняшней Японии вряд ли кто упустит случай промчаться на суперэкспрессе «Хикари». Его скорость превышает двести километров в час. Но и это не предел. Подсчитано, что за тридцать лет (1936—1967 гг.) пассажирские перевозки выросли в Японии в 5,9 раза — с 4,2 тысячи до 24,7 тысячи человек в сутки на километр пути. Можно ли выпутаться из этого заколдованного круга? Оказывается, можно. Любителей острых ощущений ждет сюрприз (к 1980 году). В Японии закончились модельные испытания железнодорожного состава, развивающего скорость до 500 километров в час!

Взлет научно-технической революции, совершаемой ежедневно в Японии, тесно связан с ростом движения

демократических сил в стране, с их усиливающимся влиянием на весь уклад жизни японского народа.

Демократические силы Японии выступают против так называемого японо-американского «договора безопасности», требуют положить конец заходам атомных подлодок США в японские порты. Япония не забыла августовскую Хиросиму 1945 года. В инициативе Советского Союза по созданию системы коллективной безопасности в Азии прогрессивные силы Японии видят реальную возможность создания в этом регионе атмосферы прочного мира, сотрудничества и добрососедства.

В Отчетном докладе XXIV съезду Коммунистической партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул большие возможности для дальнейшего расширения взаимовыгодного сотрудничества нашей страны с Японией, в интересах народов обоих государств, укрепления мира на Дальнем Востоке.

✱ ✱ ✱

Мой третий визит в Японию не на неделю, не на месяц и даже не на год позволил в какой-то степени заглянуть в гущу жизни японского народа, познакомиться с добрыми друзьями нашей страны, увидеть растущие экономические, культурные, научно-технические связи. Пришлось столкнуться и с негативными сторонами жизни Японии в разных ее проявлениях и аспектах. Естественно, я не могу претендовать в этих записках на исчерпывающую картину, не берусь дать полный политико-экономический анализ Японии начала семидесятых годов. Я лишь попытался нарисовать ее портрет без ретуши и прикрас.

ВОЛНЫ СТАЧЕЧНОЙ БОРЬБЫ

Раннее утро. Над Токио стелется влажная дымка. День обещает быть пасмурным и прохладным. Прохожие — в плащах и с зонтиками. Но весна уже вступила в свои права. Вот и главная ее примета: цветущая сакура, которая стала для японцев символом пробуждения природы.

Вся страна с нетерпением ожидает национального праздника — «Дня любования сакурой». Он совпадает с другим всенародным событием — весенним наступлением трудящихся.

Возле серого двухэтажного особняка в узком переулке одного из центральных районов Токио толпятся люди. Строительные рабочие в брезентовых спецовках и ярко-желтых касках, молодые ребята — выпускники школ, железнодорожники, домашние хозяйки. Одни входят в здание, другие спешат на улицу с пачками бумаг, со свернутыми в трубочку плакатами, свежими номерами газеты «Сохио симбун». Читают на ходу, переговариваются. К подъезду лихо подкатывает сине-белый автобус. Его решетчатая крыша похожа на капитанский мостик корабля: поручни вокруг, по углам мощные прожекторы и репродукторы. Это агитмашина.

Генеральный совет профсоюзов Японии (СОХИО) начинает свой обычный трудовой день. Впрочем, в этом особняке размещается не только аппарат работников СОХИО, насчитывающий около 80 человек. Здесь находится и штаб Объединенного комитета совместной борьбы японского пролетариата для развертывания весеннего наступления. Оно знаменует собой гребень стачечной волны. Однако оговоримся сразу: на этом борьба не прекращается, она сразу же вступает в новый этап. Весеннее наступление — лишь вырванный в трудной борьбе промежуточный финиш.

Поднимаюсь на второй этаж. Стены увешаны диаграммами, плакатами, схемами. Они разного цвета, формы, размера, но на каждом — иероглифы, обозначающие очень емкое и грозное для предпринимателей понятие — «рабочий класс». Сегодня рабочий класс Японии, как никогда, полон решимости отстаивать свои права, бороться за улучшение жизненных условий. С этого и начался у меня разговор с руководителем Объединенного комитета совместной борьбы, в который входят СОХИО,

Совет связи независимых профсоюзов, а также представители 173 отраслевых профсоюзных организаций, объединяющих свыше 8,2 миллиона человек.

Моего собеседника зовут Такаси Мацуо. Свою трудовую жизнь он начал еще до второй мировой войны. Работал учеником в слесарных мастерских в Киото, собственными силами выбился в люди — получил квалификацию слесаря. Рабочие уважали его за смекалку, деловитость, веру в простых людей. Потому и выдвинули на профсоюзную работу. Было время, когда Мацуо мог совмещать работу с общественным поручением. Но постепенно профсоюзная деятельность захватила его целиком. Он стал одним из руководителей профсоюза металлистов и принимал участие в организации самого первого весеннего наступления трудящихся Японии. Тогда удалось объединить восемь отраслевых профсоюзов. Сегодня — другие масштабы.

— В тот памятный год мы откликнулись на призыв Международной организации труда, — вспоминает Мацуо, — призыв к единству и сплоченности, и нашли собственную форму борьбы с капиталом — ежегодные весенние наступления. Весенняя борьба 1973 года, естественно, отличается от наших первых действий. Она обещает быть более острой, чем даже в боевом 1972 году.

В те памятные сентябрьские дни состоялось небывалое по масштабу выступление железнодорожников. 673 пассажирских и товарных поезда не вышли из депо в самый первый день стачки. 300 тысяч железнодорожников отстаивали свои права, и администрации пришлось пойти на уступки. В ноябре того же года бастовали почтальоны Токио, Саппоро, Киото и других городов страны.

10 января 1973 года Объединенный комитет начал первый раунд переговоров с правительством по поводу ухудшающихся жизненных условий трудящихся. Второй раунд был вызван валютным хаосом на биржах капиталистических стран в феврале. В том же месяце прошла

общенациональная стачка почти 2,5 миллиона служащих государственных учреждений и коммунальных предприятий. А затем началась новая забастовка рабочих и служащих государственных железных дорог. Правда, она имела другую, отличную от сентябрьской форму.

Дело в том, что еще в 1948 году по указанию командующего оккупационными войсками США в Японии генерала Макартура был принят закон, запрещающий работникам государственных учреждений, предприятий и организаций проводить забастовки. В явное нарушение принципов 87-й конвенции Международной организации труда японские монополии получили долгожданную возможность держать в руках самые крупные и наиболее активные профсоюзы страны — железнодорожников, служащих муниципальных органов, связистов, преподавателей. Все эти профсоюзы до сих пор лишены юридического права на забастовку. Вот почему они постоянно изыскивают различные формы легальной борьбы, чтобы иметь возможность публично выражать свои требования, не подвергаясь репрессиям. Именно такую тактику избрали железнодорожники, проведя забастовку под лозунгом «Работать строго по правилам».

Любопытно, что буквально накануне администрация государственных железных дорог поместила во всех газетах рекламу — объявление о своей «многолетней и безупречной деятельности на благо народа». Судя по всему, в эту «безупречность» так никто и не поверил. За саморекламой, которая призывала вместо забастовок «ладить с администрацией», — растущая из года в год интенсификация труда при замороженной заработной плате. Против этого и выступили тысячи транспортников. Штабы железнодорожников — профсоюзы Кокуро и Дорро — ответили на пропагандистскую затею администрации острым и злободневным памфлетом-плакатом. Он тоже обошел всю центральную прессу: над чашкой с лапшой высилась огромная цифра «98». Только 98 иен

рабочий или служащий может позволить себе истратить на обед — сумму, на которую невозможно купить даже миску лапши!

«При нынешних ценах и инфляции каждому из нас не хватает ежемесячно по меньшей мере 34 тысячи иен на жизнь,— говорилось в памфлете-плакате,— и если нас задабривают к концу года премией, то она почти целиком уходит на погашение бесчисленных долгов. Единственное наше оружие — забастовка. В свое время по милости генерала Макарура нас лишили и этой привилегии! За справедливую борьбу нас подвергают гонениям и репрессиям. Несмотря на это, мы будем бастовать и требовать восстановления права на стачки, повышения заработной платы!»

В те дни мне неоднократно доводилось бывать на железнодорожных станциях. Скрупулезно, до мелочей железнодорожники выполняли предписания и административные правила, действующие на 68 узлах страны. «Нормальная работа» немедленно породила хаос на магистральных. Поезда безнадежно опаздывали. На станциях ежедневно скапливалось огромное число пассажиров. Они осаждали кабинеты начальников вокзалов в Токио, Осаке, Хиросиме, Ниигате, засыпали градом писем администрацию железных дорог, парламент. А железнодорожники продолжали «работать по правилам», то есть без сверхчеловеческого напряжения.

Это был ответ на массовые репрессии, обрушившиеся на головы их товарищей за прошлые забастовки; это был ответ на драконовский закон, лишаящий права на забастовку; это был ответ на безудержно растущую интенсификацию труда при постоянном сокращении штатов.

Я спрашиваю у Мацуо, каковы особенности выступлений трудящихся последних лет.

— Вы знаете,— неторопливо говорит он,— что у нас прошел съезд СОХИО. Стаечная борьба, весеннее на-

ступление — эти вопросы оказались в центре внимания съезда. Мы приняли декларацию, где требуем изменения экономической политики страны. Сегодня эта политика служит интересам капиталистов. Меры по спасению доллара, к которым прибегли Соединенные Штаты в феврале 1973 года, усугубили трудности японской экономики, ориентирующейся прежде всего на американский рынок. Это затронуло ряд отраслей японской промышленности, и особенно сильно — мелкие и средние предприятия. Предприниматели, естественно, решили «спасаться» за счет все тех же рабочих. Ссылаясь на то, что введение «плавающего» курса иены ослабило конкурентоспособность японских товаров на внешних рынках, они поначалу отказывались даже разговаривать о повышении зарплаты. Это, в сущности, определило главную задачу — идти в наступление, крепче взявшись за руки, теснее сплотив ряды.

Мацуо рассказывает, что Объединенный комитет выдвинул ряд экономических и политических лозунгов весеннего наступления.

— Вы их, очевидно, видели, — говорит он, — когда входили в наше здание.

Да, я видел свисавшие от самой крыши до земли белые полотнища, испещренные иероглифами. Вот они, эти главные требования: увеличение зарплаты с установлением ее гарантированного минимума во всех отраслях промышленности, сокращение рабочей недели, пересмотр социального и пенсионного обеспечения, восстановление права на забастовки для рабочих и служащих государственных учреждений и коммунальных предприятий.

Наряду с экономическими пролетариат выдвигает и политические требования. Он полон решимости добиваться ликвидации японо-американского «договора безопасности», американских военных баз на японской территории, сокращения расходов на вооружение.

— Должен заметить,— продолжает Мацуо,— что в нынешней Японии экономические и политические лозунги тесно взаимосвязаны. Судите сами: бюджетные ассигнования на так называемую четвертую оборонную программу развития вооруженных сил растут ежегодно. В то же время бюджетные расходы на социальное обеспечение у нас в два-три раза ниже, нежели в других промышленно развитых капиталистических государствах. И когда мы выступаем за коренное улучшение пенсионного обеспечения, то требуем сделать это за счет сокращения ассигнований на военные нужды. Как видите, две проблемы и два требования взаимосвязаны.

Одна из важных задач нашей борьбы — добиться упорядочения пенсионного обеспечения. До сих пор этот вопрос никогда еще не ставился столь остро. По решению СОХИО ежегодно 15 сентября, в национальный «День почитания престарелых», мы проводим массовые митинги трудящихся Токио в поддержку пожилых людей, зачастую лишенных элементарных условий для существования. Эти мероприятия также стали прелюдией к весеннему наступлению.

...Проходя однажды мимо здания министерства финансов в Токио, я обратил внимание на пожилого человека, сидевшего в скорбной позе на каких-то отрепьях. Судя по всему, он не покидал этого места и ночью, рядом стояла кружка с водой и лежали несколько сухарей. Позже мы познакомились. Это был Сейфу Хаяси, 67-летний пенсионер.

Запутанная система пенсионного обеспечения привела к тому, что стариков, подобных Хаяси, рассчитывающих лишь на нищенское подаяние, оказалось в Японии около 1160 тысяч человек. Их возраст, как правило, от 67 до 69 лет. Как отмечала газета «Джапан таймс», по существующему законодательству все эти люди должны дожидаться 70-летия, чтобы получить немного более высокую пенсию «по другой пенсионной категории». Что можно

купить в нынешней Японии на 5 тысяч иен, которые ежемесячно получает Хаяси, когда бифштекс в обычном ресторане стоит 4—5 тысяч?

Хаяси вступил в организацию «Мы больше не можем терпеть». Требования старика весьма скромны. Он хочет, чтобы правительство выплачивало ему пособие не на один, а хотя бы на два бифштекса в месяц. «На большее рассчитывать просто невозможно»,— говорит он.

В штабе весеннего наступления меня познакомили с «Белой книгой» по проблемам зарплаты. Ее подготовили сотрудники Объединенного комитета совместно с представителями профсоюзных центров на местах. В преамбуле подчеркивается, что значительный перевес экспорта над импортом привел к аккумуляции в стране крупных валютных резервов. Расширять экспорт можно лишь за счет увеличения выпуска продукции. Анализ деятельности ведущих фирм показывает, что предприниматели вкладывают огромные деньги в обновление оборудования заводов, фабрик, в разработку и внедрение новой технологии и полностью игнорируют вопросы социального обеспечения и заработков трудящихся.

В целом средняя заработная плата рабочих и служащих в Японии в три раза ниже, чем в Соединенных Штатах, в полтора раза — чем в Западной Германии и Англии. В газетных комментариях и статьях подчеркивается главная мысль: японский рабочий, творец материальных ценностей, трудится гораздо больше, а получает значительно меньше, чем рабочие в других экономически развитых странах. Бедственное положение трудящихся обостряется ростом цен на товары первой необходимости и продукты питания, усилившейся инфляцией.

Для повышения производительности труда применяется великое множество «систем», как заимствованных за границей, например в США, так и типично японских. К последним можно отнести так называемую систему «заполнения ткани рабочего времени», в соответствии

с которой предприниматели искусственно сокращают обеденный перерыв, запрещают выкурить лишнюю сигарету, отойти от станка в туалет... Весь рабочий процесс, время, затрачиваемое слесарем или жестянщиком на переходы в цехе от одной точки до другой, способность быстрой ориентировки — все контролируется специальными учетчиками, в распоряжении которых имеются компьютеры.

Стоит вспомнить об опубликованной в Токио «Программе по труду», подготовленной в недрах научно-исследовательского института правящей либерально-демократической партии (ЛДП). Авторы «программы» пытаются сгладить растущие противоречия между трудом и капиталом, призывают к соглашательству и, по существу, к отказу от стачечного движения.

События, однако, свидетельствуют, что расколоть рабочее движение Японии с каждым годом становится все труднее.

— Вместе с тем,— говорит Мацуо,— приходится констатировать, что до сих пор между ведущими профсоюзными объединениями — СОХИО и «Тюрицу рорэн», с одной стороны, и Японской конфедерацией труда (ДОМЭЙ) — с другой, имеются разногласия. Мы настойчиво предлагаем создать единый фронт профсоюзной борьбы, однако руководители ДОМЭЙ продолжают гнуть свою линию.

Мне приходилось встречаться и беседовать с представителями этого профсоюзного центра. В общих чертах их политическое кредо вполне соответствует «Программе по труду». ДОМЭЙ ратует за «сотрудничество труда и капитала», за переформирование пролетарского фронта на правооппортунистической основе. Выражая интересы большого бизнеса, ДОМЭЙ выступала против пятидневной рабочей недели, что стало одним из главных боевых лозунгов весеннего наступления Объединенного комитета 1973 года. В этом вопросе руководство ДОМЭЙ

занимало одну позицию с влиятельной Федерацией японских предпринимателей («Никкэйрэн»).

Однако, замечает мой собеседник, многое изменилось в тактике руководителей ДОМЭЙ за последние годы.

— Если раньше они резко критически относились к весеннему наступлению трудящихся, то теперь под давлением широких масс ежегодно организуют весеннее наступление одновременно с нашим. Да это и понятно. Ведь заботы у рабочих общие: рост цен, низкая заработная плата, инфляция, плохие жилищные условия.

Стачечная борьба японского пролетариата продолжается. Люди с белыми повязками на головах шагают по улицам промышленных центров, набережным, причалам, осаждают штаб-квартиры монополий, дают отпор правым реформистам. Они полны решимости еще выше поднять знамя пролетарской солидарности, продемонстрировать боевое единство и сплоченность.

ПОЧЕМУ УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ КИМУРА

**«ФУРУ-
КАВА
КОГЕ»**

Такаси Кимура, 49-летний горняк, решил свести счеты с жизнью. Узнав о приговоре, который заочно вынесли ему хозяева, он поздним вечером бросился в реку Кинугава. Его тело, прибитое к берегу, обнаружили через несколько дней.

В прокуренной комнатухе поли-

цейского участка на комиссара испуганно-отрешенно смотрели глаза вдовы погибшего:

— У него открылся процесс силикозного туберкулеза,— торопливо говорила Хироэ,— лечение затянулось. Но он еще надеялся спуститься в шахту, ведь ничего другого Кимура не умел делать. А когда объявили, что рудник закрывают, он не выдержал и...

Этот трагический случай имеет конкретный адрес: меднорудные разработки Асио, принадлежащие крупной японской компании «Фурукава когё».

История зарождения «Фурукава когё» относится к 1877 году. Процветающий купец Итибэй Фурукава, нажившись на торговле шелком-сырцом, приобрел богатый медной рудой участок земли в префектуре Тотиги. Через одиннадцать лет он уже успешно вел добычу на 12 медных рудниках, добывал серебро, намывал золото. Уже тогда его называли «горнорудным королем». К концу второй мировой войны «Фурукава когё» имела 84 предприятия с капиталом в 960 миллиардов иен.

Особенно значительный спрос на медь у военной промышленности. Вот почему, когда в июне 1950 года разразились корейские события, США стали использовать Японию для производства некоторых видов военных материалов. Немалый куш перепал тогда в руки «Фурукава когё». Компания процветала.

Однако недобрая слава о рудниках Асио распространялась по стране быстрее, нежели росли прибыли «Фурукава когё». Газеты шумно писали о так называемом деле «Горный яд Асио». Речь шла о яде, которым медеплавильные предприятия отравляли свою и соседние префектуры — Гумма, Сантама, Ибараки, Тиба. Крестьяне посылали в Токио, где находится штаб-квартира «Фурукава когё», ходоков с петицией, требуя от правительства принять срочные меры для ликвидации отходов производства, которые сбрасывались в реку Ватарасэ. Во вре-

мя паводков отравленная отходами медеплавильных печей и выбросами газа вода растекалась по полям, губя посевы.

Еще в 1891 году за жителей округа вступился депутат парламента от префектуры Тотиги Сёдзо Танака. Однако компания «Фурукава когё» оказалась сильнее парламентария. Через несколько лет безуспешной борьбы против загрязнения окружающей среды он, в знак протеста, подал в отставку и попытался обратиться с петицией лично к императору. И тут-то компания решила окончательно заткнуть ему рот: Танака был брошен за решетку.

В сегодняшней Японии народ хранит память о патриоте-парламентарии. Его жизни и гражданскому подвигу посвящаются статьи, книги. Помнит о нем народ, но не желают и слышать хозяева монополий. Им больше по душе гимны компаний, которые исполняют перед началом трудового дня их рабочие и служащие. Гимны, превозносящие «мудрость» администрации, ее дальновидность и величие.

Парадоксально звучит нашумевшая история, связанная с нефтехимическим комбинатом в Йоккаити (остров Хонсю). Директор школы, находившийся в дружеских отношениях с хозяевами комбината, повелел своим юным подопечным ежедневно петь хвалу этому предприятию. Дети послушно пели. Пели подряд несколько лет. А когда учащиеся один за другим начали заболевать астмой, врачи выявили причину: вредоносные отходы все того же нефтехимического предприятия.

Гимны перестали звучать в классах. Школу пришлось закрыть и срочно оборудовать воздухоочистительными установками. Однако эта мера уже не могла помочь пятидесяти серьезно больным школьникам. Всего же в городе Йоккаити зарегистрировано более 800 человек, пораженных тяжелым недугом. Около 60 граждан погибли в результате отравления отходами предприятий.

В Асио эти цифры, может быть, и не столь разительны. По данным официального обследования, в префектуре Тотиги 288 человек больны силикозом (из них около 200 горняков). Однако опасность распространения болезни возрастает из года в год. Крестьяне этой префектуры потребовали от компании «Фурукава когё» возместить убытки, которые они понесли оттого, что отходы медеплавильных печей постоянно губят урожаи. И вот, прижатые к стене, хозяева компаний решили закрыть рудники. Правда, пытаясь сохранить хорошую мину при плохой игре, администрация начала распространять слухи, будто прекращение добычи меди вызвано исключительно «нерентабельностью шахт», их значительной глубиной, высокими температурами в штреках.

На деле же японские промышленники исходят прежде всего из собственных корыстных интересов. А расплачиваются за это люди — подобные Такаси Кимура.

ОТРАВ- ЛЕННОЕ МОРЕ

Ученые считают, что Токийский залив — один из самых загрязненных в мире. Почти вдоль всего его побережья тянутся бесконечные ряды заводов, фабрик, мастерских. Дым тысяч труб окутывает пригороды столицы, которые давно уже намертво спаялись с Иокогамой, Кавасаки и другими промышленными центрами. Здесь человеку трудно дышится и трудно живется.

До 1967 года в Японии вообще никто всерьез не думал об охране окружающей среды. Издающийся в Гонконге журнал «Фар Истерн экономик ревью» в статье «Страны Азии и проблема загрязнения окружающей среды» зловеще предупреждает: «Государствам Азии придется столкнуться с такой угрозой, как попытка Японии решить свою проблему загрязнения окружающей среды за счет раз-

мещения предприятий обрабатывающей промышленности в других странах этого региона».

Иными словами, вместе с экспортом в другие страны капиталов, необходимых для строительства особенно вредных типов предприятий, планируется и экспорт опасных для здоровья человека ядовитых отходов производства. Японские промышленники считают нерентабельным сооружение дополнительных очистных сооружений. Лучше, мол, выплачивать пострадавшим компенсацию, чем тратить средства на то, чтобы покончить с губительным загрязнением земли, прибрежных вод и рек.

Проведенное в одном из районов Токио, где сосредоточено особенно много мелких заводиков, обследование показало, что загрязнение воздуха гарью составляет 50 тонн на квадратный километр в месяц. 34,8 процента освидетельствованных жителей этого района страдают от различных легочных недугов.

Специалисты справедливо говорят, что довольно быстрые темпы индустриализации Японии достигнуты во многом за счет отказа от капиталовложений в программы по охране окружающей среды и социальное обеспечение трудящихся.

В целом же этот курс привел сейчас к реальной угрозе, нависшей над Японией. К 1975 году в том количестве нефти, которую страна будет импортировать, содержание серы при ее переработке составит около 3 миллионов тонн. Если бы эта лавина мгновенно обратилась в сернистый газ, он покрыл бы все японские острова «простыней» в 6 метров толщиной.

Выросший в огромную проблему рост загрязнения окружающей среды начинает внушать жителям Токио и других городов страны страх. Происходят бурные схватки в стенах парламента, проводятся различные дни «без автомашин», недели «по очистке промышленных тер-

риторий». Однако, судя по всему, добиться хотя бы мало-мальски положительных результатов пока не удается.

Учитывая, что концентрация автомашин в Токио достигла такого уровня, когда от выхлопных газов в городе буквально нечем дышать, столичные муниципальные органы решили обязать всех владельцев гаражей, а также водителей такси и личных машин установить на моторах специальное устройство — каталитический конвертор. Не тут-то было! Сущность капиталистического ведения хозяйства проявилась и здесь. Давно уже миновали сроки, когда владельцы машин лишались права выезжать из гаража без отметки в техническом паспорте о том, что мотор оборудован конвертором. Предприниматели, не желая истратить на этот прибор лишнюю тысячу иен, безнаказанно нарушают постановление, продолжают загрязнять атмосферу. Создается впечатление, что и дорожная полиция смотрит на многотонные чадающие грузовики сквозь пальцы.

То же самое происходит и в лагере владельцев крупных промышленных предприятий. Они по-прежнему выбрасывают в заливы и моря, омывающие Японские острова, отходы производства, нещадно отравляя прибрежную акваторию.

Дело дошло уже до того, что при обследовании выловленной рыбы во внутреннем Японском море в ней были обнаружены токсичные химические вещества. Средний улов рыбы в Японии составляет около десяти миллионов тонн в год. Таким образом, в среднем на одного японца приходится до ста килограммов рыбы. И хотя в послевоенные годы японская семья стала больше употреблять мяса, рыба все еще составляет 50 процентов месячного рациона.

Управление рыболовства опубликовало данные обследования четырнадцати водных бассейнов, в которых

ведется промысловый лов рыбы, поступающей на стол японцев. По этим данным управление вынуждено было запретить лов в восьми бассейнах из-за повышенного содержания в рыбе токсичных веществ. Однако, замечает газета «Асахи», инструкция управления не имеет законной силы, и остается единственная надежда лишь на разумный и здравый подход к этой жизненно острой проблеме самих рыболовецких кооперативов. Газета указывает, что данные обследования не вскрывают главного: в них не указаны адреса тех предприятий, которые постоянно отравляют морскую воду, не называются имена тех, кто несет ответственность за это преступление, против кого следует вести решительную борьбу.

Данные обследования, которые провели специальные научно-исследовательские институты при участии губернаторства Токио, еще более красноречивы. Химический анализ рыб, выловленных в устье реки Тама, показал, что 71 процент пойманных рыб содержит токсичные вещества. Губернаторство издало специальное распоряжение, требующее от всех рыболовецких кооперативов немедленно прекратить продажу рыбы.

«Раньше из реки Тама, протекающей по Токио, брали воду для питья. Про красоту другой реки Токио — Сумида поэты складывали песни. Сейчас обе реки превратились в огромные сточные канавы. Сохранившаяся рыба несъедобна: она содержит опасное для здоровья количество ртути и других ядовитых веществ», — пишет японская журналистка К. Камогава.

Тревожные вести поступают также из министерства земледелия и лесоводства. При выборочном обследовании рисовых полей и плантаций земляных орехов в зернах и орехах обнаружены те же вредные химические вещества, что и в рыбе. Полагают, что они заносятся в почву вместе с водой и удобрениями.

ЧЕРНЫЕ ИЕРО- ГЛИФЫ

Я был свидетелем огромной манифестации трудящихся перед зданием префектурального суда Кумомото, где закончился судебный процесс по так называемому «делу Минамата».

«Дело Минамата» — необычное преступление, оно началось еще в 1907 году, а стало достоянием гласности лишь через полвека.

В 1907 году химическая компания «Тиссо» приобрела участок земли в небольшой рыбацкой деревушке Минамата на острове Кюсю. Шло время. Заводчики обогащались на производстве удобрений, из года в год расширяя производство.

В 1925 году местные рыбаки обнаружили в заливе несметное количество погибшей рыбы и обратились к властям за разъяснениями. Ответ, как и следовало ожидать, был уклончивым.

И вот в 1956 году в поселке Минамата внезапно заболел пятилетний ребенок. У девочки отнялись ноги, была парализована речь, появились признаки безумия. Заболело еще несколько детей. За ними — взрослые. Симптомы были одинаковые. Доктор Хосакава пришел к выводу: недуг вызывался параличом центральной нервной системы. Причина — отравление организма ртутью. Ее обнаружили при анализе воды в отходах завода «Тиссо».

Новая болезнь получила название «минамата». Гибли люди, скот, птица. В прибрежной полосе ртутью был отравлен весь ил, перестала водиться рыба. А компания продолжала приумножать прибыли.

Наконец 138 жителей округа, пострадавших от отравления, обратились в судебные органы с иском к заводчикам «Тиссо». Судопроизводство длилось без малого

четыре года. Компания-миллиардер «Тиссо» делала все, чтобы спустить «дело» на тормозах. По существу она добилась этого. Суд вынес решение, согласно которому компания должна была выплатить инвалидам 937 миллионов иен — почти в два раза меньше, чем требовали истцы. Решение суда было встречено гробовым молчанием пострадавших.

Окончание процесса по «Делу Минамата» вызвало широкий резонанс в Японии. В парламенте премьер-министр Танака и министр по делам охраны окружающей среды Мики обещали принять надлежащие меры. Но обстановка не разряжалась. Демонстранты оставались ночевать возле здания суда и утром снова поднимали с мостовых транспаранты, требующие наказать виновных заводчиков.

Из города Кумомото эти стихийно возникшие манифестации перекинулись в Токио, к штаб-квартире компании «Тиссо».

Люди в скорбном молчании несли плакаты с огромным черным иероглифом «Проклинаем!». Среди них было немало рыбаков, которые приехали в столицу из рыбопловецких кооперативов.

Под нажимом широких кругов общественности власти вынуждены были предпринять некоторые шаги, направленные на усиление контроля над производством, связанным с применением ртути, а также частично компенсировать убытки рыбаков.

Одновременно планируется «изучить вопрос о новом законодательстве по борьбе с загрязнением окружающей среды», создать специальное научное общество и т. д. Насколько действенны эти меры, покажет будущее.

Пока же во многих семьях не решаются подавать на стол рыбу, креветки, съедобные ракушки — традиционные блюда японцев.

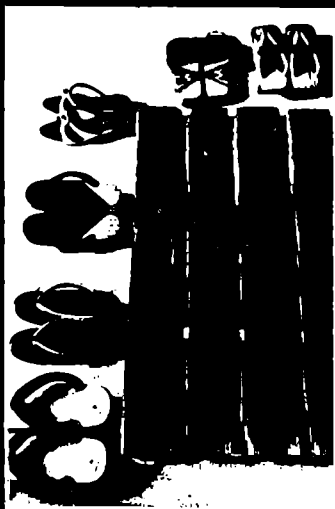
ДЕЛО АСИО НЕ ЗАКРЫТО

Но вернемся к проблеме мединорудных разработок «Фурукава когё». Правление префектуры Гумма, где от отходов предприятий компании постоянно гибнут посевы, вынесло специальное решение, требующее привлечь к ответственности администрацию компании. В воздухе запахло порохом. Как избежать крупного скандала? Вот о чем прежде всего думали в штаб-квартире «Фурукава когё».

Пока жертвой капиталистического ведения хозяйства на разработках Асио пал один горняк — Такаси Кимура, который отдал тяжелому труду на руднике более 30 лет. Пока скорбит о погибшем только одна вдова Хироэ. Но что будет завтра, еще неизвестно. Вот почему жители городка открыто выражают возмущение произволом компании. Стараясь избежать дополнительных конфликтов с профсоюзами, «Фурукава когё» щедро рассыпает обещания пристроить безработных... «на туристских объектах». Японская печать с нескрываемым сарказмом пишет о том, что неподалеку от рудников расположены горячие источники и старинный храм Никко.

«Нельзя умереть, не увидев храма Никко», — гласит японская пословица. Горняк Такаси Кимура трагически ушел из жизни, так и не побывав в старинном храме Никко. Он редко видел даже обычное небо. С утра до вечера оно было скрыто от глаз рабочего сводами огнедышащих штреков рудника. Они отняли у него силу, здоровье, жизнь. И будут, по мнению врачей, еще долго отравлять существование местных жителей. Вот почему японцы говорят, что дело о «Горном яде Асио» не закрыто. Оно продолжается. Трудящиеся требуют привлечь к ответственности хозяев «Фурукава когё».

ДОМИК НА ДОРОГЕ

Суперавтостраду прокладывали с размахом, как строят современные автомобильные магистрали в Японии. Высокий технический уровень работ позволял удесятить запас ее прочности, а деньги налогоплательщиков — откупить у владельцев столицы драгоценную землю под ее бетонное ложе.

Метр за метром дорога уходила все дальше, растаптывая и безжалостно поглощая на своем пути вполне приличные дома и ветхие домишки. Там, где совсем недавно цвели кусты жасмина, росли карликовые сосны, в почти игрушечных озерцах плавали красноперые рыбки, а с миниатюрных «гор» струились прозрачные ручейки, теперь лежал серый бетон. Тончайшей пеленой его покрывала цементная мука, у обочины виднелись остатки опалубки. По дороге № 8 еще не прошла ни одна машина.

Начавшись где-то на юго-западных подступах к Токио, она, по замыслу проектировщиков, должна была прошить по диагонали окраинные районы, чтобы разгрузить центр столицы от захлестывающего его транспорта. Дорогу ждали. Ведь ежедневно только по скоростным магистралям Токио, общая протяженность которых составляет 100 километров, проносится 438 тысяч автомобилей. Кроме того, три междугородных скоростных автодороги Токио — Нагоя, «Тюо» и Токио — Йокогама пропускают каждые 24 часа в черте города соответственно 56 тысяч, 19 тысяч и 63 тысячи автомашин. И это ревущее на перекрестках стадо плодится из года в год!

Трассу прокладывали одновременно с двух сторон, как это делают при проходке подземных туннелей. Уже назывался день встречи бригад, а следом за ним и сдачи автостреды, готовились по сему случаю официальные торжества с банкетом за счет муниципалитета, мастерская «Акита» получила срочный заказ на изготовление памятной медали. Все было взвешено, предусмотрено. Кроме одного...

Лет тридцать назад, когда население Токио не превышало трех миллионов, из эмиграции вернулась семья мастерового Окубо. Он поселился в пригороде, обзавелся нехитрым инструментом. Пустил корни. Его мастерская ютилась в пристройке к деревянному домику. Порожек в две ступеньки отделял рабочее место Окубо

от соломенного татами, на котором он коротал ночи. Здесь никогда не выветривался запах карбида, окалины, серной кислоты и керосина, которым семья обогревалась в зимние ночи.

Окубо умел лудить металлическую посуду, чинить дверные замки, паять старые лампы, править бритвы и точить самурайские мечи. Он брался за любую работу, старался ладить с конкурентами, которых в округе теснилось все больше и больше...

Пристроившись на перевернутом ящике из-под краски, я оглядываю этот ничем непримечательный и в то же время необычный дом — его нежилую половину. Она так и осталась мастерской. Верстак, обитый толстым листом жести, тиски, набор напильников. В центре земляного неприбранного пола чугунная буржуйка. Дверь, ведущая в комнату, приподнята на две ступеньки над уровнем мастерской. Там теплее. Левее некое подобие кухни. Пожилая женщина готовит обед на газовой горелке.

Поржавевшая с отбитой эмалью раковина прохудилась. Жиденькая струйка сочится в помойное ведро, мешает разобрать, о чем так возбужденно беседует по телефону хозяин дома и, я бы добавил, положения. Да, он на сегодня хозяин положения. Окубо не разрешил сломать свою мастерскую, не позволил снести дом, нажитый честным трудом и оставленный ему в наследство отцом. Об этом стало известно утром: сообщило радио. Следом за ним токийские газеты в миллионах экземпляров размножили фотографию «дома-крепости». Прямая, жесткая, как стрела, суперавтострада вонзилась шершавым острием бетона в почерневшие деревянные стены дома и обломалась, словно обессилев и потеряв прочность от долгого бега. Снимок был сделан эффектно, с верхней точки: кто-то не поскупился на вертолет. «Сенсация!!!» — заголовками вопят первые страницы газет.

Проходит день первый, второй, третий... Позади неделя. Он не сдаётся. Его атакуют. В колонки газетных репортажей втискивается почасовой дневник жизни обитателей осажденной мастерской. Неумолчно трезвонит телефон. Хозяина шантажируют, запугивают, сочувствуют, упрашивают, подбадривают. В его дом почтальон приносит письма, телеграммы сочувствия, скромные денежные пожертвования. Они — от таких же, как он сам, от мастеровых. Власти размахивают пачками купюр в расчете сломить, наконец, его волю, ведут базарный торг за каждую тысячу иен.

«Нет, не согласился. Извините, меня ждут...» — хриловатый голос хозяина доносится через приоткрытую дверь. Слышу, как он бросает телефонную трубку на рычажки. Тишина. Шаркающие шаги. Вот и он сам. Здоровается, несмело, будто он здесь не свой, подсаживается к буржуйке. Уважительно, кликнув пожилую женщину, просит подать чай. Окубо невысок, с благообразным лицом. Очки в паутинной позолоченной оправе. Внешне этот человек больше похож на конторского служащего. Потомственного работягу выдают только руки, покрытые мелкими ссадинами, с вздувшимися синими жилками на узких кистях. На слова скуп.

Вопрос — ответ, вопрос — ответ.

Наконец разговор заходит о главном: если власти гарантируют ему компенсацию за дом и предоставляют участок земли под застройку, почему он упорно отказывается переезжать? Надо же, видимо, войти и в положение муниципалитета, который прокладывает автостраду не для собственного удовольствия...

— Это все так. Но представьте себе ситуацию... — И Окубо начинает объяснять то, что, на его взгляд, неизвестно иностранцу, что накипело у него на душе.

Во-первых, мастерская много лет связана с соседним заводом, от которого он зависит материально. Пере-

браться в другое место, значит потерять клиентуру, доходы. Во-вторых, город борется с загрязнением окружающей среды. Мастерская Окубо могла бы не коптить небо, но у ее хозяина нет средств на очистительное устройство. Потратиться на него он не сумеет и на новом месте. А тогда ему не разрешат вообще строить мастерскую.

— Где же выход? — спрашивает он, словно ища у меня поддержки, защиты, а в крайнем случае — элементарного человеческого понимания.

Конфликтность ситуации очевидна.

Бороться за чистоту воздуха пора давно. Окись углерода уже перенасытила атмосферу столицы. Несколько лет назад в Токио начали измерять силу уличного шума. Теперь измеряют содержание окиси углерода в воздухе. Движение за чистую атмосферу идет снизу, а не сверху. Пионером стала общественность. Не удивительно: от фотохимического смога страдают дети, взрослые. Можно ли молчать, если школьные классы приходится оборудовать кислородными баллонами, а на перекрестках с особо интенсивным движением регулировщики управляют потоком машин в кислородных масках?! Множатся случаи отравления пешеходов, уличных торговцев. Одних удастся спасти, для других дело заканчивается трагедией.

В Токио 87 процентов средних и мелких предприятий — цехов с числом рабочих от 5—10 до 25—30 человек. Полукустарные мастерские, к которым причастен и «дом на дороге», посыпают землю пеплом и чернят небо тысячами труб. Не проще ли их уничтожить, чтобы разом покончить с этим злом? Символами современной промышленной Японии считаются всемирно известные компании «Мицубиси», «Сони», «Хитати». Но никому и в голову не приходит, что без тысяч рассыпанных по японскому архипелагу мелких и средних предприятий не было бы концернов, что без их помощи Япония не смог-

ла бы двигать вперед ни микроэлектронику, ни строить самые большие в мире танкеры. Убогие мастерские, подобно мельчайшим капиллярам, питают плоть промышленно-финансовых объединений.

Вспоминается сборочный конвейер электронной империи «Мацусита». Низко склонившиеся над бесшумно скользящей лентой головы, доведенные до автоматизма движения рук. Винтики, проводнички, сопротивления. Представитель администрации поясняет: «Детали поступают на конвейер с подсобных предприятий. Здесь осуществляется только их сборка. Такая система снижает себестоимость продукции». «За счет чего?» Чиновник артистически выдерживает паузу: «За счет более низкой оплаты труда надомников».

А коль скоро они надомники, для них не существует ни пенсий, ни пособий по болезни или в случае производственной травмы. Со всех точек зрения выгодная для монополистов категория рабочих. Кто поднимет на них руку? Обитатели «дома на дороге» так и тянули бы свою лямку, их никто пальцем не тронул бы, не окажись они в злополучной зоне строительства автомагистралей.

— Я храбрюсь, но понимаю: рано или поздно дом сломают,— говорит хозяин.— Они сильнее. У них — бульдозер...

— Вы еще молоды, энергичны,— я пытаюсь заведомо шатким аргументом успокоить нахохлившегося человека,— вы найдете применение своим рукам!

Окубо задумчиво качает головой:

— Знали бы, как это не просто! В солидную компанию — опоздал, не возьмут. Перевалило за тридцать. Туда устраиваются после школы или института и на всю жизнь. А если уйдешь — всякий знает,— карьера загублена. На тебя уже смотрят как на человека ненадежно-

го...— Он загнул палец на руке.— Устроиться в большой фирме временно — значит получать за ту же работу половину того, что имеют постоянные рабочие,— он старательно загнул еще один палец.— А жить надо. Вот я и цепляюсь, словно утопающий, за свою мастерскую.

Существующая в Японии почти полувековая система пожизненного найма рабочих на крупных предприятиях по существу превращает человека в современного раба своего хозяина, способствует созданию замкнутой, «семейной» атмосферы в цехе, на заводе. Эта система — суть феодальная формула взаимоотношений старших и младших, отцов и детей: «оябун-кобун», примененная к нынешним условиям.

Десятки нигде не зафиксированных, но существующих для подчиненных обязанностей и предписаний строгой учитываются в этой невидимой иерархической пирамиде при найме человека на работу, его повышении по службе, прибавке к зарплате и т. д. Система «старших» и «младших» членов якобы единой «семьи» имеет строгую социальную направленность. Она служит нуждам капиталистического производства.

Может ли вызвать чувство сострадания судьба мастерового Окубо, например, у хозяев заводов «Мацуситы»? Никогда. Он для них посторонний. Он «рос» в чужой «семье», отдавал силы десятому или двадцатому конкуренту, а стало быть, врагу, сопернику «Мацуситы». Его можно научить исполнять гимн компании, но преданного владельцу фирмы патриота из него уже не воспитать. Поздно. Нужен податливый, как воск, материал. А если человек осмелился запретить сломать свой дом, если он скрестил меч с властью имущими, он уже потенциально опасен для патерналистских устоев компании, политически «неблагонадежен».

О существовании и бедах Окубо до сего времени не ведали в муниципалитете. Он своим трудом боролся за

место под солнцем, понимая, что в случае несчастья помощи от работодателей не дождаться. Никто и не вспомнит, если его растопчет, сотрет своими жерновами в порошок огромный город, если в двенадцатимиллионном Токио прекратит существование еще одна полукустарная мастерская. Он ничего не значащий, но работающий на износ винтик, крошечная шестеренка в гигантской машине. Однако блага, которые она производит, достаются не ему.

Окубо задумчиво смотрит на свои крепкие руки, будто видит их так близко впервые, и с тоской думает о бульдозере, который может появиться в любую минуту и раздавить всю прожитую им жизнь.

ТАЛИСМАН ЗА ТРИСТА ИЕН

**ВИД
С ГОРЫ
МИТАКЭ**

В мозаичной мишуре рекламных щитов, каскадами падающих с крыш вывесок, каких-то призывов, назиданий жухнут дорожные указатели. Объявлений — масса: на телеграфных столбах, бензоколонках, трансформаторных будках. Носят они порой частный, порой общественный

характер. Например: «Остерегайтесь простуды. Если заболели, в аптеке такой-то можно купить лекарство». Так сказать, общественное уведомление. А вот частное: «Четыре татами — 100 тысяч иен. Звонить: 47-07-88... (далее неразборчиво)». Это значит, при необходимости вы можете связаться по данному телефону с владельцем татами. Ничего таинственного в татами нет. Это толстый прямоугольный мат из соломы. Такими «коврами» японцы застилают пол в своих жилищах. Размер татами — немногим более полутора квадратных метров. В японском обиходе это слово прочно обрело право считаться мерой жилой площади.

Нередко встречается другое слово: «цубо». Цубо состоит из двух татами и равно 3,3 квадратных метра.

Поджидая машину, я изучал объявления и старался представить себе тех людей, которые могут раскошиться на обычную квартиру. Нет, рядовому труженику она не по карману. А если говорить о домах государственной корпорации, то очередности приходится ждать по пять-семь лет. Да и окончательная система распределения жилья «по жребию» не сулит ничего утешительного. Один мой знакомый, А. Кудо, восемнадцать раз испытывал свое счастье и на девятнадцатый, наконец, ему повезло: он вытянул талончик на квартиру в доме без элементарных удобств, расположенном в двух часах езды от центра города. «Нам приходится отапливать квартиру керосиновой печуркой, — говорил мне А. Кудо. — Она больше чадит, чем греет. Но иного выхода нет. Зима в Токио прохладная. К тому же раздобыть керосин — дело не простое».

Я вспомнил этот разговор и невольно поежился. На дворе стоял первый день января и было действительно холодно.

Прошедшей ночью ливень смыл с улиц города следы праздничного новогоднего гулянья, навел чистоту в парках, освежил атмосферу густонаселенного города-гиган-

та. Проглядывавшее сквозь рваные облака солнце поблескивало в лужицах, отражалось в стеклах витрин модных павильонов, ресторанов, магазинов. Редкие прохожих задерживались возле них, подолгу рассматривая выставленные напоказ бронзовые, фаянсовые, деревянные, а то и просто тряпичные фигурки тигра.

Древняя система японского летосчисления, которая наряду с григорианским календарем еще широко бытует в народе, состоит из двенадцати циклов. Каждый год цикла носит название одного из двенадцати зодиакальных животных. И если, например, 1973 год по этому календарю прошел в Японии под знаком коровы, то год 1974-й значился годом тигра. Изображение тигра разошлось многомиллионными тиражами, появилось на календарях, бутылочных этикетках, в рекламных передачах телевидения. Не преминули «обыграть» тигра и газетчики.

Но солидные и серьезные политические обозреватели обычно воздерживаются от юмора, когда речь заходит об экономических отношениях Японии с внешним миром или внутренних проблемах. Да и не только экономических. Анализируя обстановку последних лет, они вынуждены отметить неблагоприятную для Японии ситуацию. Стремление правящей либерально-демократической партии превратить страну в «сильную экономическую державу» обернулось для народа снижением жизненного уровня, ростом цен, инфляцией, обострившимся жилищным кризисом.

Подошла машина. Шофер, поздоровавшись, спросил:

— Видели сегодняшнюю «Асахи»? — И он ткнул пальцем в карикатуру. — Прекрасно сделано! Символично!

На рисунке был изображен взъерошенный тигр с раскрытой пастью, в которой уже наполовину исчезли острова японского архипелага. На шкуре тигра значилось одно слово: «Монополии».

— Если так пойдет дальше, то мы совсем останемся без земли, — закончил свою мысль шофер.

Мы ехали уже минут сорок. День был воскресный, и хотелось провести его на природе, познакомиться с окрестностями Токио.

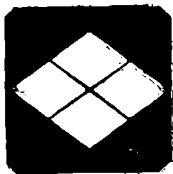
Миновали города Хоя, Такаси. Наконец сквозь бисерную сетку дождя прорезались акварельно размытые контуры предгорий. Начался подъем. Метров через триста дождь сменился снегом, белизна изменила ландшафт.

Снежные шапки залихватски сидели на соломенных крышах хижин деревеньки Окутама, венчали разлапистые ветви столетних сосен. Шоссе неожиданно оборвалось возле крошечной станции фуникулера. Рассекая надрезом лесистый склон под углом градусов в сорок пять, взмывала под облака канатная дорога. Девушка за низеньким прилавком предложила купить талисманы: «от пожара», «от землетрясения», «от дорожных происшествий». Цена за штуку — 300 иен!

В вагончик подъемника набилось человек двадцать японцев. Они непринужденно болтали, устраиваясь на скамьях, обтянутых бордовым плюшем. Парень с девушкой, мастеравые, старик с фотоаппаратом, в грубых башмаках, очках и рюкзаком за спиной, по-видимому любитель горных походов, молодая чета с девочкой лет пяти...

Вагончик затрясся, нетерпеливо пополз вверх. Через несколько минут мы уже стояли на вершине горы перед храмом Митакэ-дзиндзя. Его выкрашенные суриком стены, узорчатый фронтон живописно контрастировали с белоснежной поляной. По обеим сторонам лестницы, ведущей к главным воротам-ториям, возвышались высеченные из камня светильники. На веревках из рисовой соломы, развешанных возле этой синтоистской святыни*, ветер трепал серпантинные полоски бумаг с сокровенными думами верующих.

* Синтоизм — одна из религий, бытующих в Японии.

ЖИЛИЩ- НЫЙ ГОЛОД

Японии не грозит голод от недостатка социологических исследований. Они проводятся частными и правительственными центрами в самых различных сферах общественной жизни. Последние по времени относятся к социальным проблемам Токио. Результаты исследования прозвучали настоящим приговором отцам города: половина опрошенных жителей столицы заявила о своем желании переселиться в другие места (были бы средства!). Причина? Неимоверно стесненные

жилищные условия, бесперспективность строительства, скученность, загрязненность воздуха. Считают, что за последние пятнадцать лет цены на землю в Японии повышались в 13 раз быстрее, чем на другие предметы движимости и недвижимости. А в 1972 году, например, они возросли на 32 процента!

Я молча смотрел на прихожан, на беспечно гуляющих молодых, доморощенного покорителя вершин в тяжелых башмаках. Все они приехали сюда, чтобы полюбоваться просторами лесистых кряжей, видами горных долин, послушать нескучную песнь бьющего о скальный гранит водопада.

Даже не верилось, что всего каких-то два часа назад мы с трудом прокладывали себе путь в железобетонных ущельях 12-миллионного Токио, где отыскать участок незастроенной земли почти немыслимо.

По оценкам экономистов, четвертая часть всей земельной площади Японии является собственностью государства. Ему, государству, принадлежит 22 процента национальных богатств страны. Однако значительная их часть используется в интересах могущественных финансово-промышленных кругов. А этим определяется многое.

Строят японцы быстро, умело, добротнo и красиво. Но в основном это относится к административным зданиям, будь то столица или заштатная провинция. Что же касается жилищного фонда, то эта проблема не волнует власти. В среднем по Японии жилая площадь на человека не превышает шести квадратных метров, а в Токио эта цифра в полтора раза меньше. Бедственное положение с жилищным фондом усложняется еще и тем, что непомерно раздутые цены на землю не позволяют большинству людей приобретать участки под строительство собственных домов. Сейчас, по данным налогового управления, самая дорогая земля в Японии официально зарегистрирована в токийском районе Синдзюку: цубо стоит 6750 тысяч иен.

Одна из главных причин дороговизны земельных участков кроется в чрезвычайно высокой плотности населения в крупнейших городах страны. И чем шире разрастается тот или иной город, тем больше он должен пожирать прилегающих земель по все более круто растущим ценам. А это в условиях нерегулируемого капиталистического хозяйства приводит к эпидемии земельных спекуляций. Крупные монополии и принадлежащие им банки вкладывают капиталы в земельные участки, заведомо зная, что земля принесет самый урожайный доход. В условиях инфляции японские промышленники и финансисты спешат скупить участки по всей стране, чтобы завтра продать их по более высоким ценам.

Примеров, в том числе буквально анекдотических, хоть отбавляй. Когда на острове Хоккайдо был разработан проект расширения аэропорта Титосэ и выделены средства для приобретения участка под взлетно-посадочную полосу, вдруг выяснилось, что эту землю... уже успели перекупить другие фирмы. Там же, на Хоккайдо, при строительстве промышленного комплекса Томако-маи было запланировано сооружение жилого микрорайона на сорок тысяч человек. На плане, вычерченном с

точностью до одного квадратного миллиметра, земля была. А в природе ее не существовало (участок площадью в восемьсот гектаров успели откупить какие-то приткие дельцы).

Не менее разительный случай зафиксирован в центре Токио. Известному врачу здесь принадлежал участок земли, где он собирался строить клинику. Но пока доктор Коуяма копил деньги, его участок был продан по подложным документам главарем крупной гангстерской шайки Кэндзи-ро Исии. Правда, полиции удалось своевременно схватить за руку его сообщника, разоблачить всю махинацию и восстановить доктора в правах на землю. Но самого Исии не поймали. Он успел убежать в одну из стран Юго-Восточной Азии, прихватив с собой сто миллионов иен и любовницу.

Подобных примеров в досье соответствующих министерств и ведомств Японии накопилось великое множество.

ОПТОМ И В РОЗНИЦУ

Серое, ничем не примечательное семиэтажное здание корпорации «Эн-эй-кей» выходило фасадом на широкую улицу в одном из центральных районов Токио. Его знали многие. Здесь размещался мозговой центр радио- и телепередач, которые идут на всю страну и за ее пределы. Десятки зарубежных делегаций ежегодно приезжали в этот дом, чтобы послушать обстоятельное сообщение руководства корпорации о качестве и количестве ее передач. Но вряд ли кому из гостей приходила в голову мысль спросить: сколько в вашем доме полезной площади и почему нынче ее квадратный метр?

Но вот эти цифры стали предметом широкой и ожесточенной дискуссии на разных уровнях, включая правительство. Обратимся к этим цифрам и мы. Итак, весь

участок, который занимала «Эн-эйч-кей», составлял 10 500 квадратных метров. По своей номенклатуре земля относилась к «первой категории делового района». Согласно официальной оценке комиссии при министерстве строительства, один ее цубо стоил 4500 тысяч иен. А продали участок на двадцатиминутных торгах по 11 112 100 иен. Иными словами, каждый кусочек земли размером с почтовую открытку обошелся покупателю в 50 тысяч иен (170 долларов)!

Это известие прозвучало подобно грому среди ясного неба. Помалкивал и ухмылялся про себя лишь покупатель — крупнейшая компания по сдаче в аренду и купле-продаже недвижимости «Мицубиси дзисё». Ведь она собиралась переуступить землю по еще более вздутой цене новым клиентам.

Премьер-министр срочно вызвал к себе министров строительства и связи и потребовал принятия необходимых мер по расторжению контракта между «Эн эйч кей» и «Мицубиси дзисё». Но после изучения вопроса выяснилось: юридически правительство не имеет права аннулировать сделку.

Когда мы стояли на поросшей могучими соснами поляне возле храма Митакэ-дзиндзя, я подумал: как хорошо, что хоть горцам, живущим в этих дивных местах, не угрожают последствия перенаселенности, что над ними не висит дамоклов меч спекулятивного «земельного бума». Но я глубоко заблуждался.

Возвратившись в Токио, я купил свежий вечерний выпуск «Асахи ивнинг ньюс». Внимание привлек риторический заголовок: «Для благосостояния трудящихся или для приумножения собственного капитала?» Автор статьи рассказывал о том, что глава одной из крупнейших нефтяных компаний страны «Ниппон сэкию» Т. Такигути решил наконец осуществить свою голубую мечту. Он заявил: «Для улучшения благосостояния служащих нашей компании я куплю горы, реки, равнины в комплексе».

Такигути нацелился отхватить — ни больше, ни меньше — миллион квадратных метров! «Мы не станем обрабатывать землю. Пусть все останется так, как есть в природе. Хочешь — лови рыбу, хочешь — гуляй... Вся идея обойдется мне в шестьсот миллионов иен. Но разве не стоит пойти на такие расходы ради удовольствия своих служащих?!»

Другая заметка рассказывала о том, что солидная текстильная компания «Тэйдзин» приобрела большой участок земли у подножия священной для каждого японца горы Фудзи за 1200 миллионов иен. Цель? Хозяева компании намерены проводить там, «вдали от шума городского», занятия с рабочими «по повышению квалификации».

Корреспонденция заканчивалась тремя цитатами. Их стоит привести, ибо они проливают свет на сам характер капиталистического общества современной Японии.

Х. Сэки, доцент Токийского педагогического института: «Оптовая скупка фирмами гор и лесов — не что иное, как средство сокрытия капиталов. Она связана со стратегией компании: держать при себе земельный участок, да побольше. К благосостоянию трудящихся это никакого отношения не имеет».

Миядзаки, директор крупной нефтехимической компании «Асахи касэй»: «При такой инфляции мы должны запастись землей для самозащиты».

Автор корреспонденции: «Закупка земли служит одной из форм «сколачивания» коллективов. Чем крепче коллектив, тем у него более высокая производительность труда. А стало быть, хозяин может положить в свой карман большую прибыль».

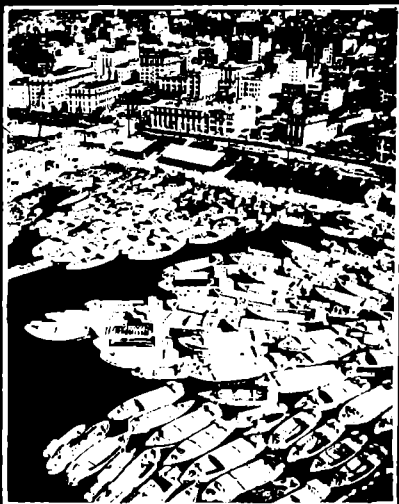
...Вечерело. Снова лил дождь. Ветер яростно швырял под колеса машины снопы радужной от рекламных огней водяной пыли. Мы проезжали мимо бывшей американской военной базы Татикава. Фары выхватывали из влажных сумерек ряды колючей проволоки, силуэты во-

енных грузовиков. Незадолго до этого по мостовым прошли колонны демонстрантов города Татикава, выступивших против незаконного решения властей разместить на базе «силы самообороны» Японии.

Дело в том, что жители Татикавы хотели по-своему распорядиться огромной территорией базы, в два раза превышающей площадь «Экспо-70». Они хотели разбить здесь парк, построить университет, кварталы жилых домов, магазины. Не желая открытых столкновений, управление национальной обороны Японии под покровом темноты перебросило солдат на вертолетах и распахало по казармам. По меткому выражению одного из демонстрантов, управление национальной обороны «гусеницами танков раздавило их хрупкую мечту».

У тех, кто в нынешней Японии носит военные мундиры или спекулирует землей, свои планы, далекие от интересов простого человека. Труженику же щедро «даруется» одно право — приобрести за триста иен талисман «от дорожных происшествий», совершить паломничество в храм и высказать перед глиняным изваянием божества свою сокровенную мечту, чтобы потом с олимпийским спокойствием раздавить ее гусеницами танков.

ДЕЛО О МИЛЛИОНАХ МАЦУМОТО

Я получил приглашение на съезд Всеяпонского профсоюза учителей «Никкёсо». Его делегаты, представляющие 580-тысячный отряд преподавателей этой прогрессивной организации, собрались в здании префектурального собрания Гуммы. Силы реакции давно, но безуспеш-

но пытаются подорвать профсоюз изнутри, угрозами и шантажом стремятся запретить педагогам заниматься политической деятельностью. С этой целью было даже решено провести среди преподавателей школ и вузов переаттестацию, принимая прежде всего во внимание не их профессиональное мастерство, а «политическое кредо», отношение к правящей либерально-демократической партии.

И хотя благодаря отпору учителей эта затея провалилась, противники прогресса продолжают строить козни против преподавателей, всячески препятствуют их работе по воспитанию молодого поколения.

В японской школе учатся 12 лет. Из них — шесть в начальной школе, три года в средней школе первой ступени и три года в средней школе второй ступени. Для всех детей обучение в начальной и средней школах первой ступени является обязательным и бесплатным. Что ж касается учебников, то 86,9 процента их общего количества выпускаются частными издательствами.

Самое крупное из них — «Маруи кёку тосё» — было основано еще в 1948 году в Нагое. Оно имело баснословный доход — полмиллиарда иен в год! Частными издательствами умело пользуются в Японии реакционные элементы для протаскивания своих идей и взглядов. Выступавшие на съезде гневно осудили порочную практику издания учебных пособий, которые, наряду с потоком сомнительной книжной продукции, гангстерскими фильмами, воспеванием культа силы и суперменов на экранах телевизоров, калечат молодежь.

Не лучше обстоит дело и во многих вузах Японии. Не счесть скандальных историй, которые попадают в печать. И неизвестно, сколько их остается нераскрытых, упрятанных под сукно администраторами. Об одной из них я впервые услышал на учительском съезде и хочу рассказать.

...Институтский двор походил на разворошенный улей. Возбужденные студенты то стекались к входным дверям, где устроители забастовки с красными повязками на рукавах выкрикивали лозунги, то разбивались на группки и громко обсуждали ситуацию. Администрация медицинского факультета при частном университете Кэйо повысила плату за обучение студента до 500 000 иен в год. Негодованию не было предела.

— Полмиллиона иен,— кричал худой юноша.— Для того чтобы внести такую сумму, родители должны по крайней мере иметь приличную рисоводческую ферму в полтора гектара и расплачиваться с администрацией вуза каждый раз годовым урожаем. В условиях земельного голода Японии сами знаете, что это такое. Мыслимо ли это?!

Мне приходилось слышать, что в Японии чуть ли не самый высокий уровень образования среди капиталистических стран мира. Вам могут с гордостью показать небольшой домик Кинка в Токио, где в 1873 году открылась одна из первых японских начальных школ. В 1949 году в стране насчитывалось 130 тысяч студентов. Сейчас — 1 миллион 800 тысяч. Называют еще одну цифру: в 1973 году каждый четвертый молодой японец был студентом.

Однако существует и другая статистика, свидетельствующая о растущих социальных катаклизмах в области системы образования, ее неприглядных теневых тенденциях.

В министерстве просвещения признают, что три четверти студентов страны обучаются в частных вузах. Государственные университеты способны вместить лишь 25 процентов желающих. Там на каждого выдержавшего экзамен приходится от 6 до 11 провалившихся. Тот, кто остается за стенами государственного вуза, делает попытку поступить в частный.

В Японии лишь несколько частных вузов считаются привилегированными учебными заведениями, то есть такими, которые позволяют выпускнику получить приличное место и в конечном счете преуспеть в жизни. И все же при поступлении на работу любые двери открывает прежде всего диплом бывших императорских университетов — Токийского и Киотского. Статистика показывает, что большинство членов кабинета министров, приблизительно третья часть парламентариев, заправилы крупного бизнеса — выпускники именно этих двух вузов.

Учебный год в Японии начинается первого апреля. Поэтому март для молодых людей особенно горячая пора: идут приемные экзамены. Конституция и законодательство об образовании предоставляют равные права и возможности всем японским детям. А на деле все решает имущественный ценз родителей.

По старинной японской традиции, весь семейный клан, включая близких и дальних родственников, старается оказать юному отпрыску материальную помощь. При этом учитывается, что лишь через привилегированный детский сад можно попасть в такую же школу, а затем в соответствующий университет. Помимо конкурсных экзаменов, на подготовку к которым уходят немалые средства, приходится платить за поступление сначала в среднюю школу второй ступени (начальная школа и первая ступень средней — бесплатные) и за то, чтобы переступить институтский порог.

Изучая японскую прессу, невольно обращаешь внимание на растущее число самоубийств подростков и юношей в период подготовки и сдачи вступительных экзаменов. В записке, оставленной тринадцатилетней Макико Отаке из префектуры Фукусима, девочка жаловалась на свою слабую подготовку и страх перед экзаменами. Пятнадцатилетний токиец Масато Хидедзима не сдал экзамены в среднюю школу второй ступени и тоже покон-

чил жизнь самоубийством. Общественность была потрясена историей матери, которая, обезумев из-за того, что ее сын Макото Танака провалился на вступительных экзаменах в институт, убила его.

Личных драм много, но каждая из них обретает значение общественной, уходящей корнями в социальный строй самого общества, их порождающий. Поэтому стоит вновь вернуться к проблеме частных вузов, создание которых зачастую связано с грязными махинациями и скандальными историями.

Подсчитано, что, если бы правительство решило национализировать систему образования, поставить ее на государственную основу, ему пришлось бы расходовать минимум на 50 процентов больше средств на образование, чем сейчас. Частные вузы функционируют главным образом за счет самих студентов. «Получить разрешение на создание института так же легко, как на открытие универсального магазина», — говорит профессор К. Фукуда. Иными словами, для того, чтобы открыть в Японии частный вуз, нужно иметь предпринимательский склад ума да первоначальный капитал. Впрочем, по свидетельству сведущих людей, капитал может быть фиктивным.

По неписаным законам и сложившейся практике абитуриент, подавший заявление в частный медицинский институт, должен внести плату за первый год обучения и обязательный вступительный взнос в размере полутора миллионов иен. Помимо этого институт под видом «пожертвований» требует от студента от пяти до шести миллионов.

Соблазнившись заманчивыми перспективами личного обогащения, выпускник токийского зубоучебного института Ягасаки решил открыть свое «дело». В небольшом городке Сёдзири (префектура Нагано) он приглядел участок земли, пригласил в компанию нескольких однокашников и вступил в переговоры со строительной фирмой «Тайсэй-кэнсэцу». Суть переговоров состояла в том,

чтобы фирма выдала ему фиктивный документ на якобы внесенную сумму денег под строительство здания вуза. Ягасаки посулил хозяевам фирмы хороший куш и тотчас, получив от них расписку, представил ее министерству просвещения.

Ничего не подозревая, министерство выдало ловкачу документ, разрешающий основать институт. Сам же Ягасаки не сомневался, что сможет расплатиться с фирмой в течение нескольких лет за счет будущих студентов, с которых он решил взимать уже не по пяти-шести миллионов под видом «пожертвований», а по десяти. В конце концов дело об открытом им институте Мацумото попало в прокуратуру и было предано гласности.

Разоблачая преступную практику организации частных медицинских институтов, популярный журнал «Сюкан-синтё» подчеркивал, что истории большинства вновь открытых вузов связаны с махинациями, напоминающими дело Мацумото. Дельцы от медицины умело играют на том, что в Японии по-прежнему острой проблемой остается нехватка врачей, медицинских сестер, что люди неделями не могут получить квалифицированной медицинской помощи.

В различных злоупотреблениях замешаны руководители вновь открытых крупных медицинских институтов — Сайтама, Айти, Нагоя. Журнал привел высказывание одного из членов правления частного университета, не пожелавшего раскрывать своего имени. Он заявил: «Министерство просвещения смотрит сквозь пальцы на проблему учреждения частных вузов. Допустим, вы решили основать институт. Но у вас нет ни земельного участка, ни здания. Вопрос решается просто: надо заполучить документ, удостоверяющий наличие вашего собственного капитала. Делается это так. Вы занимаете, например, 100 миллионов иен. Вкладываете деньги в банк. Банк выдает вам расписку. Через неделю вы перезакладываете все те же сто миллионов в другой банк. Операцию

повторяете пять раз — и в ваших руках документ на несуществующие 500 миллионов иен. С ним вы отправляетесь в министерство просвещения, и дело с концом. То же самое с покупкой земли. Надо заключить временный контракт на приобретение участка, а потом, предъявив его соответствующим органам, расторгнуть. Любая строительная фирма возьмется строить здание института в кредит, так как там тоже знают: если разрешение министерства есть, можно смело браться за осуществление проекта. Ведь если с каждого из ста студентов хозяин будущего вуза получит по 10 миллионов иен, в его руках уже немалая сумма — миллиард. Для начала — неплохо!»

На учреждении некоторых учебных заведений в частном секторе Японии греют руки не только их инициаторы, но и подвизающиеся на подмостках сомнительных сделок строительные фирмы. Та же компания «Тайсэй-кэнсэцу», заключившая контракт на сооружение зубоучебного института Мацумото, оказалась замешанной и в нашумевшей истории со строительством нового здания токийской школы Адзабу гакуэн. И хотя дело было передано в прокуратуру, опытные предприниматели «Тайсэй-кэнсэцу» опять вышли сухими из воды. Журнал «Сюкан-синтё» в этой связи приводит заявление заместителя начальника отдела развития образования министерства просвещения М. Кокубо. Он отмечает, что министерство — не полицейское управление, оно не вправе производить проверку бухгалтерских книг компании «Тайсэй-кэнсэцу».

По закону оно, возможно, и так. Но общественность не может понять другого: ведь по свидетельству того же журнала пост члена правления в медицинском институте Нагои занимает бывший министр просвещения Т. Кэнноки, а членом правления зубоучебного института Мацумото является Т. Цудзита — бывший начальник департамента начального и среднего образования министерства просвещения. И если бы прокуратура не занялась следст-

вием, никто, в том числе и само министерство, никогда не узнал о нечистых на руку чиновниках.

М. Кокубо высказывается против открытых взяток при приеме абитуриентов в частные вузы, хотя он считает, что в принципе жизнедеятельность этих вузов должна основываться на «пожертвованиях» самих учащихся. Где же границы этих «пожертвований»? На этот вопрос ответа нет. Если же прислушаться к мнению профессора Кэн Огата из университета Хосэй, то в настоящее время «определить в частные институты своих детей могут лишь родители с самым высоким доходом».

Профессор по образованию, по опыту — финансист. Он знает, о чем говорит.

ЭХО АВТОМО- БИЛЬНОЙ ВОЙНЫ

Из дорожного полицейского управления в токийский корпункт «Известий» пришла открытка: «Предлагается в обязательном порядке оборудовать двигатель вашей автомашины № 39-53 прибором для очистки выхлопных газов. В противном случае выезд на линию будет запре-

щен». В тот же день газеты опубликовали красноречивые цифры: в столице от загрязнения воздуха страдают тяжелыми заболеваниями 20 тысяч токийцев в возрасте до 15 лет.

Подсчитано, что треть вины за загрязнение окружающей среды приходится на выхлопные газы автотранспорта. В разных странах конструкторы уже не первый год предпринимают попытки создать «чистый» автомобиль. В США предлагают заменить топливо: бензин на природный газ. Западногерманский концерн «Сименс» выдвинул идею нового карбюратора, способного на 35 процентов сокращать выброс опасных для человека азотистых соединений. Японские инженеры разработали и внедрили в производство автомобиль с роторным двигателем Ванкеля. Пальма первенства принадлежит автомобильной компании «Тоё когё». Она уже продала на рынках Запада несколько сот тысяч роторных машин «Мазда АП-2».

Группа конструкторов «Тоё когё» удостоена специальной премии газеты «Майнити». Один из выставочных залов на токийской Гинзе был целиком отведен под популяризацию двигателя. Посетители могли наглядно познакомиться с принципом работы роторного мотора, посидеть за рулем внешне скромного седана «Мазда АП-2» и бесплатно посетить... оранжерею. Плакат над входом гласил: «В Токио очень мало зеленых насаждений. Этим уголком живой природы мы вносим свой скромный вклад в защиту окружающей среды. Служащие нашей фирмы производят «чистый» двигатель и выращивают под искусственным солнцем огурцы, помидоры. Присоединяйтесь к нам!» На банках, кадках, горшках написаны имена рабочих, служащих «Тоё когё». Девушка-экскурсовод сказала мне:

— Да, да. Вы тоже можете записаться в очередь. Список желающих вырастить в нашей оранжерее собствен-

ный огурец достиг нескольких сот человек. Это не беда. Растения быстро набирают силу. Зато потом о ваших успехах могут рассказать в телепередаче...

Поистине изобретательность сотрудников рекламного отдела «Тоё когё» не знает границ. И следует признать, реклама своего достигает. Так, городские власти Токио уже решили заменить свой автопарк моделью «Мазда АП-2». Подумывают о том же и другие ведомства. И хотя оборудование для обработки выхлопных газов обходится владельцам в несколько тысяч раз дешевле стоимости нового роторного автомобиля, существуют еще и престижные соображения. А они очень сильны в мире крупного японского бизнеса.

«Тоё когё» не единственная автомобильная компания в Японии. Самой могущественной с мировым именем считается «Тоёта». Эта группа объединяет 13 автомобильных компаний страны. Рядом с ней стоит «Ниссан». Она еще до войны, в начале тридцатых годов входила в концерн «Ниссан», слыла процветающей и перспективной. Главная компания группы «Ниссан мотор» тесно связана с Промышленным банком Японии, который выступает ее основным кредитором. За последние десять лет обе группы быстро расширялись на основе переплетения деловых, семейных и финансовых связей. «Тоёта» и «Ниссан» фактически подмяли под себя 75 процентов внутреннего рынка. «Тоё когё» по выпуску машин занимает третье место. Затем следуют «Мицубиси мотор», «Хонда», «Исудзу» и несколько более мелких.

Не лишены интереса следующие цифры. В 1949 году Япония выпустила 1070 легковых автомашин. Из них десять было экспортировано. В 1959 году выпуск автомобилей составил 78 598 штук, из которых 4884 экспортированы.

По данным японской ассоциации автомобильной промышленности, экспорт автомобилей в 1972 году достиг небывалой цифры — 1 965 404 единиц. Автомобили в об-

щем экспорте страны заняли второе место после стали. В то же время благодаря политике протекционизма на внутренний рынок Японии в 1972 году попало всего лишь 23 743 иностранных автомобиля.

В условиях быстрорастущей автомобильной промышленности Японии с каждым днем обостряется конкуренция между ведущими компаниями внутри страны и такими зарубежными гигантами, как «Дженерал моторс», «Форд», ФИАТ, «Рено». Схватки соперников носят ожесточенный характер, обнажая непримиримые противоречия в мире большого бизнеса, отражая процесс неравномерности экономического развития капиталистических стран. Корпорации продолжают заглатывать своих конкурентов, расширяют торговую экспансию. Ими движет жажда наживы, помноженная на тактику приспособленчества к конкретной обстановке.

За семью замками конструкторских бюро и лабораторий «Мицубиси мотор», «Хонда», «Тоё когё» люди не спали ночами, добиваясь лучших вариантов «чистого» двигателя. Талантливым инженерам сопутствовала удача. Появился роторный двигатель (на его разработку и доводку ушло 15 лет); поршневые моторы оснастили каталитическими конверторами, которые превращают выхлопные газы в безвредные соединения. Идея, ее воплощение в жизнь заслуживает всяческого одобрения. Но с каких позиций к той же проблеме подошли, например, хозяева фирмы «Хонда»? Оказывается, с сугубо утилитарных. Не забота об охране внешней среды руководила ими, когда пришлось выделять средства на научные эксперименты, а стремление к увеличению сбыта продукции за границу, прежде всего в США. Только так можно истолковать рекламу компании, в которой она заверяет потенциальных потребителей, что новый двигатель полностью отвечает требованиям американского стандарта.

Дело в том, что принятый в Соединенных Штатах закон, запрещающий с 1975 года эксплуатацию машин

с превышением определенной нормы выброса углеводорода, непосредственно затронул интересы автопромышленников Японии. Они всполошились. Надо было срочно искать выход. Ведь по импорту японских автомобилей США продолжают удерживать первенство.

К издержкам, вызванным американским законодательством, для японцев добавились новые неприятности — встречная девальвация доллара и фактически ревальвация иены, что автоматически ведет к понижению конкурентоспособности промышленной продукции на внешних рынках. «Тоёта», «Ниссан», да и другие компании мрачно предсказывают, что сбыт их машин в США неизбежно сократится примерно на одну четверть.

А впереди, по мнению наблюдателей, еще более жестокие схватки. Возникшая из-за текстиля японо-американская торговая война перекинулась в семидесятом году на цветные телевизоры, уголь, а теперь и на автомашины. «Продать во что бы то ни стало — вот та политика, которая ввергла Японию в перманентную экономическую битву с Америкой. И если прошлую войну развязала военщина, то в роли генерала Тодзио * на сей раз выступает министерство внешней торговли и промышленности», — пишет журнал «Сюкан асахи».

В США японцы создали немало аванпостов своего бизнеса. По свидетельству журнала «Ньюсуик», только в Нью-Йорке сосредоточено около 6 тысяч представителей японских торговых фирм. Среди них — немало ловких и опытных коммивояжеров автомобильных корпораций. Несмотря на это, японским автомобильным королям все труднее отражать атаки вашингтонской администрации, которая требует сократить ввоз четырехколесной продукции в США, ликвидировать разрыв в торговом балансе, сложившийся в пользу Японии.

«Короли» щедро рассыпают устные обещания «выру-

* Один из оголтелых представителей японского милитаризма.

чить Америку», помочь ей избавиться от торгового дефицита. А сами тем временем, не ослабляя натиска на американский плацдарм, расширяют запасные позиции, захватывают рынки сбыта во всех частях света. Они весьма успешно сбывают свои «дацуны», «тоёты», «седрики» более чем в 100 странах. Судя по всему, Япония намерена лишить США господствующего положения в автомобилестроении не только путем вывоза готовой продукции, но и с помощью создания за рубежом широкой сети автосборочных заводов, предприятий по производству моторов, мопедов, мотоциклов, запчастей. Группа «Тоёта» заключила выгодный контракт с Австралией на сооружение завода новейших двигателей под Мельбурном. В статье «Будущее японо-американской войны» газета «Асахи симбун» подчеркивает, что недалеко то время, когда конкуренты-автомобилестроители двух стран перегрызут друг другу глотки за обладание рынками сбыта своей продукции.

Посещая автомобильные заводы Японии, я старался выяснить, каким образом страна, не имеющая своей железной руды и других природных ресурсов, стала автомобильной державой. Ведь в 1972 году, например, здесь выпущено 6294 тысячи автомашин. Страна прочно занимает второе место после США по выпуску легковых машин, а по производству грузовиков почти сравнялась с Америкой (Япония — 2272 тысячи, США — 2474 тысячи). Как это могло случиться?!

Если суммировать беседы, мнения, точки зрения специалистов, то можно сказать следующее. В последние годы правящие круги Японии обращали самое пристальное внимание на три области в промышленном производстве: металлургию, судостроение и автомобилестроение. Эта «троица» приносила Японии доллары, она давала возможность хорошо заработать на внешних рынках. Автомобилестроение находилось в числе фаворитов.

Отличает производство машин в Японии несколько факторов. Во-первых, их относительно низкая себестоимость прежде всего за счет низкой оплаты труда рабочих в этой отрасли промышленности. Во-вторых, сравнительно низкие цены на сталь — основной вид сырья в автомобилестроении. В-третьих, современная оснастка автозаводов позволяет экономить время, сокращать технологический процесс, повышать качество продукции и вместе с понижением себестоимости поднимать ее конкурентоспособность на рынках сбыта.

Прирост продукции японских автозаводов в последние годы неизменно составлял более 30 процентов. Сейчас автопарк Японии достиг 23 миллионов единиц. Ожидается, что через пять-шесть лет он вырастет до 30 миллионов. Правда, следует оговориться: внутри Японии есть явные признаки того, что рынок уже насыщен. Спрос упал, хотя цены на машины продолжают расти. Причины, на мой взгляд, две. Первая связана с разразившимся топливным кризисом. Ограничение подвоза нефти привело к росту цен на все материалы, из которых производятся автомобили. Вторая причина — в неразрешимых дорожных проблемах (пробки, заторы, аварии).

Трудно сказать, какую из этих проблем решить легче. Они обе в достаточной степени серьезны. Муниципальные власти, например, надумали бороться с заторами на дорогах с помощью дополнительных налогов на владельцев автотранспорта. Если человек решил приобрести скромный автомобиль за 500 000 иен, то ему предстоит еще выплатить около 170 000 иен налогов в первый же год. Сумма эта будет расти и в последующие четыре года. Более того, при покупке новой машины будущий владелец обязан представить справку о наличии гаража. А это в условиях Токио почти безнадежное дело. Захочешь ли после таких предварительных условий связываться с машиной? Из предмета, украшающего жизнь,

она становится непомерной обузой. И тем не менее производство машин увеличивается, все большее внимание уделяется комфортабельности салонов, мощности двигателей и другим техническим новинкам, которые помогают японцам побивать рекорды конкурентоспособности в других странах.

На завод «Ниссан сатаи» в городе Хирацука, входящий в группу «Ниссан», я приехал в разгар рабочего дня. Визит был втиснут в железные рамки заранее предписанной программы. Не была лишь учтена случайная встреча со старой женщиной — уборщицей, которую гид довольно грубо и бесцеремонно прогнал с дороги. А так все минута в минуту. Чаепитие, беглый осмотр поточной линии сборочного цеха — «здесь можно фотографировать, здесь нельзя»; снова чаепитие и проводы по всем правилам японского этикета — со многими поклонами. Беседы с рабочими само собой исключены: конвейер движется, отвлечет человека, значит нарушить трудовой ритм всего цеха. Вопросы представителям администрации не возбраняются, хотя это не означает, что на них всегда даются четкие ответы.

— Сколько машин выпускает компания в месяц?

— В январе — 142 427.

— Ваш основной торговый партнер?

— США.

— На заводе много молодых рабочих. Имеют ли они возможность повышать квалификацию?

— Это зависит от индивидуума...

— В условиях конкуренции удастся ли вам хранить секреты производства?

(Этот вопрос я задал не случайно. Десять лет назад, когда здесь была разработана новая модель машины «ФЭар лэди», чертежи ее узлов оказались сфотографированными и попали в руки предпринимателей «Общего рынка». «Ниссан» и сейчас выпускает автомашину «ФЭар лэди», но уже вариант «240». Под этой маркой она посту-

пает в продажу на внутренний рынок. А на внешнем такие машины называются «Дацуп-240».)

— Мы прячем новые образцы продукции в особом помещении под замком.

— На какой рынок компания делает главную ставку — на внутренний или внешний?

— Можно считать, что внутренний приближается к насыщенности.

— Какие лозунги выдвигает администрация для увеличения производства продукции?

— Безопасность — прежде всего!

Время диалога истекло. Благодарим хозяев, идем к выходу. Из окна открывается вид на просторный заводской двор. Он содержится в идеальном порядке. Металл, заготовки, крыши, рамы — все имеет свою постоянную «прописку», доставляется в цеха мобильными автоподъемниками. Людей на территории почти нет.

Невидимыми нитями они привязаны к потогонному конвейеру. Зазевавшегося ждет возмездие. Для начала «промывает мозги» мастер (такую сцену мы видели в укромном уголке). А потом за дело принимается специальный отдел администрации. С ним шутки плохи. Это знает каждый рабочий компании. Особенно велик спрос с механиков, которые работают на испытательных стендах. Механик проверяет работу двигателя на всех режимах, тормозную систему, электрооборудование и дает машине путевку в жизнь. Малейший недосмотр может привести к далеко идущим последствиям.

В связи с этим расскажу такой случай. Некто Кадзуо Сасаки приобрел в магазине за 1 860 000 иен у «Ниссан» спортивную машину «Фэар лэди-240». Через некоторое время он пригнал ее к подъезду главной конторы группы «Ниссан» в Токио и предъявил рекламацию: «Мотор постоянно перегревается». Бросив машину, Сасаки исчез, а затем вдруг объявился и потребовал от администрации 10 миллионов иен, пригрозив, что, если «Ниссан» не вы-

платит означенную сумму, он предаст гласности историю сбыта бракованной продукции.

Понимая, что лучше откупиться и замять скандал (машина действительно оказалась неисправной), хозяева «Ниссан» вручили Сасаки трехмиллионный «задаток». Правда, шантажист был тут же схвачен. Он оказался «правой рукой» главаря известной гангстерской банды «Сасаки гуми». Полиция не посчиталась с интересами компании и передала материал для печати, что, естественно, вызвало переполох в правлении «Ниссан».

Сказать, кто оказался в роли стрелочника — механик испытательного стенда или еще кто, — трудно. Участники «автомобильной войны» не любят скандальных разоблачений. Ведь каждое такое дело ставит под удар их престиж, а вместе с ним и прибыли.

...Медленно ползет конвейер сборочного цеха. Но это так лишь кажется. Молодые рабочие с трудом управляют на каждой операции. Их движения должны быть отточены и безошибочны, доведены до автоматизма. Они спешат. Спешат модельеры. Спешат мотористы. Спешат заводчики. Компания уже разработала новый план на новый год. Он выше прежнего. А конъюнктура ниже. Вывод один: борьба за рынки сбыта будет еще острее.

БРИЛ- ЛИАН- ТОВЫЙ КЛУБ «МИЦУБИСИ»

Броская геометрическая комбинация из трех кроваво-красных ромбов олицетворяет могущественную финансово-промышленную группу Японии «Мицубиси» — «Три бриллианта». Может быть, в дни основания компания — а это было лет сто назад — ее капитал и соответствовал

стоимости трех бриллиантовых зернышек. Утлые каботажные суденышки в порту Нагасаки не позволяли первым хозяевам «Мицубиси» выколачивать солидные прибыли.

Сегодня в сигарном дыму званных приемов директора «Мицубиси» с улыбкой иронии и самодовольного превосходства вспоминают своих родоначальников. Конечно, они не могут отказать предкам в благодарности за удачный старт.

Как-никак, а уже в годы второй мировой войны на верфях «Мицубиси» был построен один из самых многотоннажных по тому времени линкоров, и ее заводы снабжали императорскую армию истребителями, бомбардировщиками, другой боевой техникой.

Война приумножила капиталы «Мицубиси», однако после капитуляции Японии, по требованию советских представителей в Дальневосточной комиссии и Союзном совете для Японии, американские оккупационные власти и подвластное им правительство Токио были вынуждены наряду с другими мероприятиями распустить монополии — дзайбацу. 30 сентября 1946 года специальная директива ликвидировала головные компании «Мицую», «Ясуда» и «Мицубиси».

Но «Три бриллианта» оказались крепким орешком. Прошло время, и они вновь засверкали на придорожных щитах, появились на рекламных проспектах, в витринах магазинов. Используя старые семейные связи, чисто национальные традиции, кооперируясь с банками, торгуя между собой акциями, бывшие дзайбацу из года в год усиливали свое могущество. И если считают, что в современной экономике Японии господствуют шесть крупнейших финансово-промышленных групп, то коренником в этой шестерке выступает все та же «Мицубиси». Рядовой японец, будь то розничный торговец или коммивояжер, имеет весьма ограниченное и туманное представ-

ление о группе «Мицубиси». В этом не трудно убедиться, если поговорить с людьми на улице, в гостинице, в машине.

Хозяин лавочки на Яома-дори:

— «Мицубиси» — крупная компания. Я торгую ее вентиляторами, сушилками для волос, транзисторными радиоприемниками...

Официант в столовой на Гинзе:

— Ну как же, я хорошо знаю, что у «Мицубиси» есть пивоваренный завод...

Шофер такси:

— «Мицубиси»? Да, слышал. Они производят бензин...

Портье в отеле:

— Наши лифты сделаны на заводах «Мицубиси».

Домашняя хозяйка:

— Кажется, три красных ромба нарисованы на коробке со стиральным порошком...

Итак, каждый знаком с тем товаром фирмы, который по роду занятий ему ближе всего. Справочники, естественно, дают более полное, объемное представление об этом гигантском объединении. «Мицубиси» располагает своими инвестициями, банками, страховыми компаниями. Ее капитал сосредоточен главным образом в отраслях тяжелой промышленности страны. В 1964 году после слияния трех дочерних компаний группы появился на свет трест тяжелого машиностроения — «Мицубиси дзюкогё». Это позволило группе активно развивать судостроение, автомобилестроение, ракетостроение, сконцентрировать в своих руках авиационные заводы. Группа «Мицубиси» фактически захватила всю военную промышленность Японии. Не случайно ее здесь даже называют «военным министерством».

Три красных ромба давно перешагнули границы стра-

ны. Геометрический символ группы можно увидеть в Ливане и Таиланде, Сингапуре и США.

Раз в месяц, по пятницам, ровно в 11 часов двадцать семь представителей основных компаний группы собираются в своей штаб-квартире в центре Токио на собрание. Собрания по пятницам, которые регулярно проводятся в группе «Мицубиси» с 1953 года, называются «кинъёкай». На них обсуждаются планы, составляются прогнозы, изучается конъюнктура рынка, происходит обмен экономическими и финансовыми новостями. Разумеется, эти «посиделки» носят сугубо закрытый характер. Конкуренты не должны знать замыслов мозгового треста. Однако существо одного из «кинъёкай», вопреки традиции, стало достоянием широких кругов общественности Японии.

Не надо думать, что по чьей-либо вине произошла утечка секретной информации. Все в этом выдавшем виды доме было заранее продумано и строго рассчитано. Начать с того, что сама тема собрания впервые за всю историю «пятниц» не имела отношения к чистому бизнесу. Хозяева «Мицубиси» решили заняться проблемой... семьи и брака. Их давно волновал вопрос: на предприятиях 27 основных компаний группы занято свыше четверти миллиона японцев, среди них 70 тысяч не состоят в браке. Если соединить их в супружеские пары, то, по мысли авторов этой идеи, могли бы решиться сразу несколько социальных проблем. Так возникла идея создать «бриллиантовый семейный клуб».

...В зале успокаивающий полумрак, мягкие кресла, ковры, приглушенно звучат записанные на пленку мелодии популярных песен. Царит атмосфера доверительного интима.

Привлекают внимание плакаты: «Электронно-вычислительная машина и специальные консультанты помогут вам выбрать свою половину!», «Если вы член нашего клуба, счастье в ваших руках!», «Девиз бриллиантового клуба —

полная гарантия личных секретов!», «Милости просим за любимым советом!».

— Наш клуб,— рассказывает его директор Х. Ито,— сумеет подыскать каждому хорошую невесту или жениха. Для этого надо лишь умело использовать всю армию рабочих. Членами клуба могут быть не только служащие нашей группы. Мы даруем право и представителям других компаний — «Мицуи», «Сумимото». Это позволит «улучшить кровь» «Мицубиси»...

Условия вступления в клуб, по мнению одного из его устроителей, довольно льготные: для служащих «Мицубиси» вступительные взносы — 8 тысяч иен, для служащих других (разумеется, крупных компаний) — 10 тысяч иен плюс обязательная рекомендация (!) от представителя группы «Мицубиси».

И, наконец, главное то, из-за чего здесь разгорелся весь сыр-бор. В распоряжение дирекции клуба хозяева группы не поскупились выделить электронно-вычислительную машину, установленную в крупнейшем в Японии научно-исследовательском институте, опять же принадлежащем группе «Мицубиси». Молодой человек или девушка, желающие вступить в брак, прежде всего должны заполнить анкету. Однако среди вполне невинных вопросов анкеты (пол, год рождения, рост) имеются, например, и такие: «какой вид спиртных напитков вы предпочитаете» (перечислить); «ваше отношение к своему начальнику: с уважением, не очень уважительное...» (подчеркнуть); «каковы ваши политические убеждения» (объяснить)...

— Разве это увязывается с провозглашенным девизом «полная гарантия личных секретов»? — с откровенным недоумением задаются вопросом первые кандидаты в члены клуба.— Пока анкета дойдет до всемогущего компьютера, она перебивается в руках всех членов правления, которые стоят во главе группы «Мицубиси»!

Писатель С. Моримура, изучив параграфы анкеты, заметил:

— Похоже на то, что этот «бриллиантовый клуб» станет ещё одним важным институтом по наблюдению и контролю «Мицубиси» за своими рабочими и служащими.

С этим выводом нельзя не согласиться. Под ширмой благотворительности скрывается открытое вмешательство в личную жизнь человека, выявление его политических взглядов и умонастроений на предмет определения благонадежности. Такова истинная цена «льготных условий»

КОРИДОР УЖАСОВ

Человек в длиннополом сером халате с театрально широкими рукавами, по которому в модном курортном местечке Атами безошибочно узнают временных поселенцев рёканов, или гостиниц, стоял, прислонившись к пестрой цирковой афише. Он казался потерянным и одино-

ким. Афиша была приколочена железными костылями к стене нескладного своей претензией на модерн здания с размаляванным рекламой фронтоном. В целом здание чем-то напоминало затрапезный балаган.

Человек невидящими глазами смотрел на красавцев-попугаев, которые, гремя цепями, как веригами, сидели перед входом в дом на мертвых ветках благородного лавра и лениво лутили семечки серповидными клювами. К широкой, в два марша, нарядной лестнице балагана подкатывали многоместные красные автобусы, высыпали из двустворчатых дверей на раскисший от солнца асфальт взмокших, увешанных фотоаппаратами туристов и глушили моторы до окончания очередной экскурсии гостей по приморскому увеселительному центру Атами.

Балаган жил своей обычной жизнью. В ресторане первого этажа посетителей угощали прохладительными и горячительными напитками. Затем лестница-переход как по конвейеру перебрасывала их в царство аттракционов. Накатавшись вдосталь за пятьсот иен на американских мини-горах, накрутившись на электрических каруселях, испытав стойкость вестибулярных аппаратов на позанискованных в космических центрах снарядах, стайки туристов двигались верхним коридором-конвейером в главный отсек балагана. За те же деньги они наслаждались здесь обществом вышколенных, предупредительных продащиц из сувенирных киосков, играли в детские кегли, «стреляли» из пистолета трассирующими «пулями» по движущимся мишеням или «боксировали» с чемпионом мира по боксу в тяжелой весовой категории Мохаммедом Али.

— Вы там не были? — спросил меня человек в сером халате. — Это очень поднимает настроение. Хочется взнуздать лошадь, гнаться за убегающим преступником или сражаться на пистолетах с лихими ковбоями. Хочется чего-то необычного, хватающего за сердце.

Он помолчал, как будто что-то вспоминая:

— И вот я сунул в руку зазывале неопределенного возраста с блудливо бегающими глазками еще сто иен. Сумма в общем-то уж не такая крупная...— Человек поднял осунувшееся лицо, нервным рывком слегка отстранился от стены и посмотрел на зашторенные черным бархатом окна второго этажа. Оттуда сквозь невидимые щели время от времени доносились душераздирающие, нечеловеческие вопли.— Если хотите, это настоящий коридор пыток...

Он снова бросил пугливый взгляд вверх и зажал уши обеими руками:

— Зазывала сжал стоиеновую монетку, суетливо подбежал к рубильнику, включил его и хрипло бросил: «Входите!» Я вошел. В крошечной темени на меня слева двинулась женщина с перекошенным лицом и окровавленным ртом. У нее тряслась голова и дергались руки. Казалось, что растопыренные пальцы костлявых рук тянутся к моей шее... Справа, в черных зарослях нейлоновой травы, человеческий скелет гремел костями, флуоресцировал и лязгал нижней челюстью.

Едва я переступил условную черту входа, как откуда-то сверху на меня бросилось с диким воем что-то страшное, похожее не то на летучую мышь, не то на жабу гиперболических размеров. «ОНО» едва коснулось моих волос и исчезло в темноте. Я оглянулся. Хотел бежать, но путь назад был отрезан. Вперед вела узкая, совершенно черная щель. Я не мог различить даже собственные руки. Неожиданно засветились сначала моя рубашка, потом брюки, башмаки. Я почувствовал, как неистово пылает от прилива крови мое лицо. И снова чернильная ночь вокруг. Шаг, еще шаг вперед, в неизвестность. Могильная тишина. Сердце сжалось в комок, и вдруг кто-то легко, но явственно берет меня за плечо, тщаь повернуть к себе. Мурашки бегут по коже. Я начинаю кричать. Кричать неистово. Ноги невольно убыст-

ряют шаг, и я вдруг куда-то проваливаюсь. Я не падаю, но чувствую, что силы покидают меня. Дрожат колени. Тело ослабело. Холодная испарина покрыла лоб. Я протягиваю вперед руки и хватаю кого-то за подол платья. Внезапно зажигается свет. Я держу за камзол палача. Его руки, передник, лицо — все в крови. Я привык к ее виду — в молодости я работал врачом. Но это — вынести невозможно. Настоящая камера пыток!

Медленно вращается огромное колесо, к которому приковано тело несчастной женщины. Когда колесо опускается вниз, острый кинжал вонзается в ее грудь. Льется кровь... Я перестаю отличать реальное от жуткой мистики и не могу сразу сообразить, что палач и женщина восковые фигуры, что это не настоящая кровь. Горло сжимает спазм. Мне кажется, что я кричу и не слышу собственного голоса. Опять темнота, опять надрывные завывания какого-то чудовища под потолком. Потом своды потолка начинают опускаться, заставляя меня все ниже пригибаться к земле и продираться сквозь шелестящие, пахнущие трупным смрадом заросли. Меня начинает тошнить. Но в это время яркий пучок дневного света бьет по глазам и я всем существом ощущаю, что наконец спасен.

Это самый настоящий испытательный полигон для полицейской школы,— он осекся, вздрогнул, как от озноба, и, сгорбившись, снова закрыл уши ладонями рук: из окон второго этажа донеслись истошные вопли очередной жертвы коридора ужасов.

А мне представился образ юркого зазывалы неопределенного возраста с блудливо бегающими глазками, который, схватив свои сто иен, уже включил поворотом рубильника весь этот мистический ад звуков, запахов и видений.

К широкой парадной, в два марша, лестнице балана продолжали подкатывать красные многоместные автобусы. В карусельном вихре аттракционов скакали,

носились друг за другом потные от жары туристы. Вздыхались и круто срывались вниз грохочущие автовагончики американских мини-гор. Быстро стемнело, над балаганом заплясали зигзаги неона...

Утром, развернув газеты, я прочитал набранное мелким шрифтом сообщение, в котором скучным языком скандальной хроники говорилось о том, что минувшей ночью в номере приморского рёкана покончил жизнь самоубийством заезжий постоялец. В оставленной записке была всего одна фраза: «Жизнь сплошной кошмар».

«Полицейский полигон!» Ведь это он сказал: «Полигон для полицейской школы!» Неужели это он? Я вышел из гостиницы с твердым намерением разыскать рёкан. Не верилось, что вот так, вдруг, не стало человека, с которым еще вчера беседовал.

Кафе, в которое я забежал перекусить, находилось как раз по дороге в город. Примостившись у стойки, я заказал чашку кофе и обернулся, разглядывая увешанные якорями, лоцманскими картами, штурвалами, рыбацкими сетями стены этого уютного заведения.

Мой вчерашний знакомый как ни в чем не бывало сидел за столиком и просматривал утренний выпуск газеты «Асахи». Я подошел к нему с непонятным чувством облегчения.

— Вы не поверите,— обратился он ко мне, будто мы и не расставались,— вчера вечером я смотрел в рёкане телевизор. Крутили американский фильм «Скальп». Его поставил, кажется, в шестьдесят шестом Фредди Франкис. Само название говорит кое о чем. Но это надо было увидеть, хотя бы одну часть. Лично меня после коридора ужасов на большее не хватило. Лента по существу без текста, немая. Крики, вопли, хрипы умирающих диалогом не назовешь. Монстры, безумные выцветшие глаза героя на изможденном сером лице, липкие от крови

руки, чадающие свечи, кресты, загробная музыка. Мистика в шестнадцатой степени! Излюбленный прием — находка режиссера — съемка интерьеров и действующих лиц через пустые глазницы черепа... Представляете?

— Так значит, это...

Он вежливо, но достаточно настойчиво оборвал меня.

— И после всего этого кошмара сегодняшнее сообщение о повесившемся. Читали? Устал от ужасов.— Он потряс газетой.— Можно понять. Я недосмотрел фильм. Вышел на улицу, побрел к набережной подышать океаном. Спать не хотелось. Заглянул в ночной кинотеатр, где фильмы крутят без остановки. Зал был полупустой. На экране мелькали кадры какой-то современной японской мелодрамы. Обманутый муж, неверная жена. Изнасилованная дочь поджигает дом, лишается рассудка и погибает в пламени. Культ жестокости и насилия. Трагизм, доведенный до уродства. А за всем этим, если вдуматься поглубже, обнаженный коммерческий расчет, стремление облечь в некую художественность идею разрушения гармонии.

Он отхлебнул кофе, задумчиво разгладил страничку газеты и продолжал:

— Один японский мультимиллионер Нобуру Гото, президент компании «Токио дэнтэцу», владелец железных дорог, отелей, универмагов, одержим идеей создать на каком-то отдаленном острове в Тихом океане «земной рай». Он мечтает разбить там спортивные площадки, возделывать плантации, охотиться, вести натуральное хозяйство подальше от современной цивилизации со всеми ее уродствами и извращениями. Я понимаю: мультимиллионеру, может быть, это под силу, хотя в целом затея утопична. Ведь гости, которые станут наезжать в его «республику Шангрила» *, должны будут

* Ш а н г р и л а — вымышленная, утопическая страна.

снова возвращаться в жуткую ночь нашей действительности. Да и сам Гото намерен провести на острове не более десяти лет. А дальше? Снова коридоры ужасов и жестокость кинофильмов?

Он допил свой кофе. Моя чашка давно остыла. За зеркальными стеклами витрины по приморской набережной шли люди. Курортный городок начинал свою привычную жизнь.

— Ну что ж, вот и закончился мой отдых. Выбрался к морю на одно воскресенье, да вот видите, что из этого получилось,— изрек он насмешливо.

— Он давненько не бывал у нас,— заметила официантка.— Кинорежиссер. Говорят, что неудачник. Он все правду ищет...

ПАРАДЫ И ОБЕЛИСКИ

**ПРОВО-
ЖАЛИ
ГЕНЕ-
РАЛА...**

Пустынных улиц в Токио не бывает. Ни днем, ни ночью. И если такое случается, значит, произошло нечто из ряда вон выходящее. Однажды, выйдя рано утром на Аояма-дори, я увидел не прохожих, а полицейских, которые, перекрыв движение транспорта, шпалерами вытянулись вдоль тротуара.

Вдруг где-то рядом в переулке затарахтели мощные двигатели, лязгнула сталь, задрожала под ногами мостовая. Бронированная лавина — танки, вездеходы, тягачи с артиллерийскими орудиями — устремилась к кольцевой дороге токийского стадиона. Японские «силы самообороны» отмечали день своего рождения военным парадом.

Неделей позже я оказался невольным свидетелем другого «спектакля». На одной из железнодорожных станций подчиненные, заполнившие перрон, провожали своего генерала. Он был сравнительно молод, щеголеват, и подчиненные с неприкрытым подобоострастием «ели глазами» его холеную, гладко выбритую физиономию. Армейское раболепие плюс чинопочитание и раздражало высокого военного начальника и льстило ему. Он небрежно козырнул, прошел по вагону, опустился в мягкое кресло и, не снимая фуражки, молча устоял в одну точку.

По какой-то далекой и в то же время близкой ассоциации я подумал в те минуты о нападении японцев на Пирл-Харбор, о том, что уже после победы над гитлеровской Германией вооруженные силы Японии насчитывали около пяти миллионов человек.

Нынче в Японии куда меньше солдат и офицеров, чем в те далекие времена, и называется армия иначе — «силы самообороны». В статье 9 японской конституции говорится, что японский народ на вечные времена отказывается от войны и впредь не будет создавать сухопутные, морские и военно-воздушные силы. Ничего не скажешь — действительно, мирная конституция!

Однако в военном параде в Токио участвовали не оловянные солдатики и не заводные танки; на бреющем полете проносились эскадрильи боевых самолетов, а не парили спортивные планеры. Между прочим, нижние чины на вокзале тоже провожали в путь-дорогу отнюдь не свадебного генерала.

Передо мной лежит официальный документ, где сказано буквально следующее: «Управление национальной обороны (УНО) намерено увеличить численность военно-морских и военно-воздушных сил на 3542 человека».

Так конституция и реальность превратились по существу в категории, весьма далекие друг от друга. Среди капиталистических стран Азии сухопутные вооруженные силы Японии занимают по огневой мощи первое место, а ВВС оснащены первоклассными истребителями-бомбардировщиками, управляемыми ракетными снарядами и другими средствами.

В октябре 1972 года правительство Японии утвердило так называемую «четвертую оборонную программу» на 1972—1976 годы. По сравнению с предыдущими она предусматривала увеличение военных расходов более чем в два раза. При этом, по свидетельству японской прессы, УНО намеревается сделать упор на оснащение армии наступательными видами оружия.

Управление национальной обороны преподнесло японскому народу своеобразный подарок—«Белую книгу по вопросам обороны». Мера была вынужденной, так как на страницах печати, в парламенте, в общественных организациях страны все чаще задавались вопросом: как же при наличии статьи 9 нынешней конституции «силы самообороны» растут с каждым годом? Не пора ли опомниться от милитаристского угара, последствия которого трудно представить.

Авторы «Белой книги» тщились доказать, что Япония не может жить без «сил самообороны». Отыскивали они и юридическую уловку: мол, в конституции не содержится «отказа» от применения оружия в случае, если Япония подвергнется вооруженному нападению. Поэтому «Белая книга» допускает даже «обладание ядерным оружием небольшой мощности».

В печати немедленно появились призывы вожakov ультраправых организаций дать в руки своих генера-

лов не только самурайский меч, но и атомную бомбу. Не прочь подзаработать на этой стезе и крупные японские промышленники. И хотя от желания до обладания — дистанция огромного размера, многие специалисты в области атомной промышленности считают, что превращение Японии в ядерную державу — дело вполне реальное.

«Белая книга» содержит раздел о японо-американских отношениях. По мнению авторов, японцам пора прекратить массовые демонстрации против захода в их порты американских кораблей с ядерным оружием, так как визиты подводных и надводных кораблей 7-го флота США якобы полностью отвечают интересам японского народа, его «безопасности».

Что же касается «сил самообороны», то они, по заявлению одного из лидеров либерально-демократической партии, нужны Японии для оказания помощи странам Азии и Тихого океана, «пострадавшим от стихийных бедствий» (!!).

После разгрома германского фашизма японская армия оказалась раскиданной на огромной территории. В Китае и Корее насчитывалось около двух миллионов солдат, до двухсот тысяч в Индокитае, Таиланде и Бирме, до полумиллиона — в Индонезии и на Филиппинах и около десяти тысяч — на островах Тихого океана.

Японские журналисты старшего поколения, наезжающие в различные страны Юго-Восточной Азии, красочно описывают памятники и обелиски, связанные с былым присутствием их отцов на чужих землях. Это — обелиск в Сингапуре (безмолвное напоминание о жертвах, павших от рук самураев), крепость Сантьяго на Филиппинах, где были расстреляны тысячи невинных людей, кладбища на тихоокеанских атоллах...

«Нет, нас там не ждут даже в случае стихийных бедствий, — возражают им молодые японские журналисты. — Нас поминают недобрым словом и предупреждают: «Япония должна проявлять максимум чуткости в установ-

лении экономических связей со странами Азии. В противном случае мы потеряем не только рынки, но и дальние подступы к ним. Мы должны навсегда отказаться от экономической экспансии, за которой народы Азии видят экспансию военную».

С ними не согласны правые экстремисты из «лиги друзей родины», «великой патриотической партии», «общества бывших морских офицеров» и прочих гнезд оголтелых ультра. Они собираются под покровом темноты и с тупым самозабвением слюнявят свой гимн: «Всегда ли поверженный будет повержен?! Навечно ль победивший будет с победой?! Пронесутся тучи, минет время, и мы снова встанем под флаг отчизны...»

Отвечая на вопросы газеты «Асахи», начальник УНО Кэйкити Масухара прямо заявил: «Я не возражаю против утверждения о том, что в мире наблюдается тенденция к смягчению напряженности. Но Япония по возможности должна наращивать потенциал своих вооруженных сил и улучшать их оснащение в максимально возможной степени».

Кто же в нынешней Японии занимается «наращиванием», за которое ратует начальник УНО? В первую очередь военно-промышленный комплекс. В одном из документов управления национальной обороны, названном «Основной курс — на производство и развитие вооружений», подчеркивается мысль о том, что политика правящих кругов страны направлена на стимулирование производства оружия и научных исследований в этой области на базе национальных разработок. Но когда в японской прессе появились сравнительные данные о стоимости боевой техники японского и иностранного производства, оказалось, что, например, транспортный самолет ХС-1 обошелся японским производителям в 3 миллиарда иен, а стоимость американской машины аналогичного типа — 2 миллиарда иен. Власти оказались перед дилеммой: покупать или производить?

Ответ дали промышленники, хозяева монополий, успевшие разжиреть на военных поставках. Прежде всего это концерн «Мицубиси дзюкогё», производящий практически все виды вооружения — танки, самолеты, военные суда, ракеты. На пятки «Мицубиси» наступают «Кавасаки дзюкогё», «Ниппон дэнки», «Имикавадзима—харима дзюкогё», «Хитати сэйсакусё», «Комацу сэйсакусё», «Токио сибaura дэнки» и другие.

Когда пришло время решать, покупать ли за границей или производить самим более дорогую боевую технику, вся эта армия из военно-промышленного комплекса, тесно связанная с правящими кругами и УНО, заявила в один голос: «Будем делать сами!»

Газета «Ниппон кэйдзай» привела в этой связи показательное интервью с президентом «Мицубиси» Ф. Коно. Критикуя власти за то, что «четвертая оборонная программа» была принята с семимесячным опозданием, он заявил: «Мы, промышленники, понесли из-за нерасторопности властей огромные убытки». Наращивание вооружений для людей типа Коно — верный источник обогащения.

Как-то на трибуну парламента поднялся депутат от социалистической партии Нарадзакки и потребовал пересмотреть «четвертую оборонную программу». УНО, сказал депутат, растрчивает деньги налогоплательщиков, вступая в сговор с компаниями, производящими военную технику. В частности, компания «Токио скрю», производящая некоторые детали для самолетов, подделав документы, фальсифицировала себестоимость продукции и положила в свои сейфы прибыль, которая в десять раз превышает причитающуюся. Аналогичные факты имели место и в делопроизводстве компании «Сумитомо». Подобные мошенничества практикуют и другие компании, действующие в одной упряжке с закупочным отделом УНО не первый год, подчеркнул Нарадзакки.

Разумеется, население Японии резко отрицательно относится к попыткам возродить в стране затхлый дух милитаризма. Трудящиеся ведут упорную борьбу с ультраправыми элементами, пытающимися вновь завести Японию в политические и военные тупики.

— Мы, японцы, допустили ошибку, ввязавшись тогда в военную авантюру,— сказал мне однажды пожилой рыбак на вокзале северного поселка Сарафуцу.— Это было давно. Но мы, старики, считаем, что урок, полученный тогда, следует всегда помнить.

Вспоминается другая встреча с членом Президиума Всемирного Совета Мира Иситаро Хирано. Он возглавляет Японский комитет мира. Хирано говорил:

— По инициативе Советского Союза Генеральная Ассамблея ООН приняла один из важнейших документов современности — резолюцию о неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия. Одновременно были утверждены и решения Первого комитета Генеральной Ассамблеи по ряду проблем, касающихся частичных мер в области разоружения. Все прогрессивно мыслящие японцы придают этому особенно большое значение, так как мы сами настаиваем на запрещении использования ядерного оружия.

Бесспорно, самое благоприятное воздействие на дальнейшую разрядку напряженности окажет Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заслугу Советского Союза в его подготовке трудно переоценить. Мы приветствуем и советско-американские встречи по ограничению стратегических вооружений. Хотелось бы, чтобы усилия сторон завершились успехом. Хотелось бы также, чтобы и другие меры, которые положили бы конец проискам агрессивных кругов, были приняты на соответствующих международных встречах, переговорах и форумах.

В наше время,—продолжал мой собеседник,— когда человечество уже добилось значительного сдвига в разрядке международной напряженности, вызывает, мягко говоря, недоумение позиция правящих кругов Японии по вопросу о ядерных испытаниях в бассейне Тихого океана. Когда этот вопрос был поставлен в повестку дня Генеральной Ассамблеи, Япония принимала участие в разработке совместного предложения о запрещении ядерных испытаний в этом районе. Однако, когда благодаря заслугам и усилиям советской дипломатии голосовалась резолюция о неприменении силы в международных отношениях и запрещении навечно применения ядерного оружия, Япония оказалась в числе воздержавшихся. Разве неясно, что такая позиция лишь на руку милитаристским кругам Соединенных Штатов, которые хотели бы иметь на Окинаве запас ядерного оружия?!

Но, вопреки всем преградам, миролюбивые силы Японии будут продолжать борьбу за чистое небо над Тихим океаном, над всеми океанами и материками планеты. Нашу уверенность в победе укрепляет «мирное наступление», которое последовательно ведет Советский Союз.

А вот мнение по этому вопросу генерального секретаря ЦИК социалистической партии Японии М. Исибаси, с которым мне также приходилось встречаться:

— Мы выступаем с программой, которая призывает отказаться от стремления к господству в Азии, требует сокращения «сил самообороны» и ограничения четвертого плана укрепления обороны.

Развивая идею перевода страны на мирные рельсы, М. Исибаси подчеркивал необходимость отказа от заключения военных союзов, важность неукоснительного проведения политики нейтралитета и независимости. Программа социалистической партии содержит также пункт о необходимости заключения договоров о дружбе и не-

нападении с США и Советским Союзом в целях обеспечения мира и безопасности Японии и гарантирования мира в Азии.

КОМУ ДАЮТСЯ ОРДЕНА

Монетный двор, в какой бы стране он ни находился, всегда окружен ореолом таинственности, не говоря уже о вооруженной охране, сложной системе оповестительной сигнализации. Поэтому, переступая порог этого «святая святых» любого государства, с нетерпением ожидаешь увидеть, «как все это делается».

Город Осака. Монетный двор. Точнее — отделение, отсек монетного двора, где японские мастера создают ордена и медали. Прежде всего — несколько слов об

истории японских орденов. Перед самой буржуазной революцией 1868 года, получившей в истории название «революция Мэйдзи», влиятельный князь Сацума с острова Кюсю, выступавший сторонником развития торговых связей Японии, заказал в Париже первый японский орден. Он получил название «Сацума-рюкю-коку». Одним из первых иностранцев, удостоенных этого ордена, был Наполеон III. Награду ему вручили в день открытия пятой Всемирной выставки в Париже в 1867 году с определенной целью: Япония делала тем самым своеобразную заявку на установление торговых связей со странами Европы. Если при предыдущих правителях страна была наглухо закрыта для внешнего мира, то теперь она открывала свои порты иностранным кораблям, выходила на мировую арену как морская держава. Правда, осуществить это Япония смогла лишь после 1868 года. Новое правительство, объявившее своей столицей Токио, одну за другой стало проводить буржуазные реформы. В частности, административная реформа ликвидировала все наследственные придворные звания, и в 1875 году была

учреждена новая наградная система, по существу скопированная с западноевропейской.

Первым орденом, учрежденным в том же году, был орден Восходящего Солнца. Он считался высшей наградой, и поэтому его изготовлением занимался Монетный двор. Для остальных орденов и медалей такой привилегии не существовало. Они чеканились в небольших полукустарных мастерских. Так продолжалось до 1929 года, когда искусных мастеров удалось собрать в расширенном здании Монетного двора и отдать им на откуп производство всех наградных знаков.

После разгрома милитаристской Японии и принятия конституции изготовление орденов было прекращено, так как прекратилось награждение. И лишь спустя почти двадцать лет, в 1964 году, Монетный двор вновь получил заказы на производство орденов и медалей.

Вручение наград в Японии производится два раза в год: 29 апреля, в день рождения императора, и 3 ноября, в День культуры. Высшие награды, по традиции, вручает на торжественной церемонии сам император. Ордена второй степени награжденные получают из рук премьер-министра. Все остальные знаки вручаются министерствами и ведомствами. Списки награжденных публикуются в газетах; журналы помещают фотографии лиц, удостоенных высших орденов.

Надо отметить, что японские ордена и медали изготавливаются с удивительным изяществом, отличаются большим вкусом и качеством исполнения. Почти все знаки делаются вручную, хотя в цехах Монетного двора можно увидеть и процесс отливки орденов, имеющих «облегченные» контуры. Пинцеты, десятки надфилей, крошечные молоточки, сверла, пробойнички — инструменты мастеров. Особенно высокой техники достигли они в производстве орденов с применением перегородчатой эмали.

Руководители Монетного двора с гордостью рассказывают, что техника производства орденов в Японии дошла до такого уровня, что не стало отбоя от заказов на изготовление знаков из-за границы. И тут же добавляют: «Внутренние потребности возросли настолько, что приходится теперь отказывать иностранным заказчикам».

Вдумайтесь в эту фразу: «возросли внутренние потребности». На первый взгляд — ничего особенного. А если осмыслить ее, выходит, не все уж так и просто.

Когда, например, награждают орденом Культуры — это понятно. Он присуждается тем, кто внес выдающийся вклад в развитие науки, культуры, живописи, музыки, драматического искусства. Этим орденом были даже удостоены некоторые американские космонавты. Но когда из пожелтевших архивов бывшей японской армии вытаскивают имена и фамилии лиц, принимавших участие в разбойничьих налетах в районе озера Хасан или под Халхин-Голом, и включают их в списки награжденных, все это выглядит иначе. Дошло до того, что награды по сей день вручаются «ветеранам» Квантунской армии, той самой, которая под стремительным натиском советских войск была вынуждена капитулировать вместе со своими генералами. Как же, спрашивается, можно расценивать все эти поощрительные кресты, которыми украшают грудь тех, кто был наказан за преступления перед человечеством?

На этом оселке легко проверить истинную цену иных заявлений высокопоставленных чинов из управления национальной обороны Японии. Нет, там, за его стенами, еще, видимо, не выветрился милитаристский душок. Кое у кого теплится желание воссоздать на Японских островах армию и начать по-настоящему бряцать оружием! И это происходит в дни, когда весь мир приветствует наметившуюся разрядку международной напряженности, когда тают льды «холодной войны».

Было отраднo узнать простую, но поучительную историю, которая произошла в небольшом городишке Сугинами. Служащий Микио Эбина однажды получил приглашение явиться в городской муниципалитет за... отцовской медалью. В открытке значилось, что его отец, бывший солдат Масахару, участвовал в Тихоокеанской войне на Филиппинах в 1944—1945 годах и был там убит. Сын наотрез отказался получать медаль за отца, который, по его словам, стал солдатом поневоле. «Если я получу за отца эту «награду»,— заметил Микио,— я тем самым должен буду изменить принципам, которыми жил до самой смерти Масахару. Да и лично я хочу мирного голубого неба над головой, а не медаль войны».

Это уже не первый случай, ставший достоянием гласности, когда родственникам навязывают награды солдат, сложивших головы отнюдь не за интересы народа, не за интересы родины.

И, глядя на ловкие руки мастеров, изготавливающих золотые, серебряные, бронзовые, усыпанные драгоценными и полудрагоценными камнями орденские знаки, невольно думаешь: пусть эти яркие звезды украшают лишь грудь тех, кто несет людям добро своего сердца, ума, таланта.

**ВЗГЛЯД
С
ТОКИО-
ТАУЭР**

Предрассветная хмарь над Токио не предвещала ничего утешительного. Моросил нудный дождь, дул порывистый северо-западный ветер. Я колебался: стоит ли отправляться в дорогу по такому ненастью? Ведь из-за плохой погоды могут отменить то, ради чего я с вечера подготовил машину, еще раз с карандашом проштудировал маршрут по карте, зарядил фотоаппарат — словом, собрался в путь. Но интуиция подсказывала, что все будет в порядке. Решено, еду.

Поколесив по несчетным кривым проулкам, наконец выбираюсь за город. Впрочем, загородного пейзажа, каким мы привыкли его себе представлять, за собственно токийскими кварталами не последовало. Каждый квадратный метр застроен. Жалкие домишки, словно горбатые карлики, жмутся к непроницаемому до зеркального блеска стеклу фабрик, заводов — стена к стене. Земли, почвы практически нет. Она навечно погребена под цементом, камнем, асфальтом.

От основной дороги, стиснутой с боков плотными шеренгами строений, в разные стороны черными ужами расползаются переулки с такими же серыми, нахохлившимися под дождем домишками. Заехать в такую глубинку — все равно что оказаться в шахте, отрезанной от мира обвалом. Без посторонней помощи не выбраться. Номеров на домах нет, названий улиц — тоже. Зачем? Все приметы человек, выросший здесь, и так знает.

Наконец сквозь пелену дождя проступили акварельно размытые контуры предгорий, а чуть правее — дома, немного повыше тех, что сопровождали меня на всем пути от Токио до конечной цели — города Сагамихары.

В Сагамихару я добрался через портовый город Иокогаму. Путь между этими городами в Японии называют «дорогой борьбы с войной». Дело в том, что в Сагамихаре все последние годы огромную территорию занимала крупная база снабжения американской армии. На изрезанной гусеницами танков и транспортеров земле размещался, кроме того, еще пункт по ремонту боевой техники США, прибывавшей из Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Подновленные танки, самоходки, артиллерийские орудия опробовались на полигонах и отправлялись из Сагамихары в Иокогаму, где их грузили на транспорты и снова бросали в пекло индокитайской войны.

Последняя партия танков почему-то застряла в Сагамихаре, и вот теперь, хотя война во Вьетнаме закончилась, их снова перебрасывали в Индокитай. Многотонные

монстры неуклюже выползли из-за колючей проволоки и замерли на пригорке, словно в растерянности: путь им преграждали тысячи молодых японцев. Они приходили сюда все последние годы, пока шла война во Вьетнаме. Пришли и сейчас, чтобы помешать отправке орудий смерти туда, где с таким трудом налаживается мирная жизнь.

— Меня зовут Исидзава. Я докер, работаю в Иокогаме. Недавно мне исполнилось двадцать лет,— представляется мне один из пикетчиков.— В Сагамихаре я уже третий раз. Надеюсь, что и последний. Мы против американо-японского «договора безопасности» и не желаем, чтобы по нашей земле ползали танки.

Исидзава стоит под зонтом, полой хлопчатобумажной куртки прикрывает худенькую женщину. Лицо в веснушках, коротко стриженные волосы, красивые глаза. Это его жена.

— Мияо тоже работает в порту, продавщицей в лавке. Вы из Советского Союза? Я знаком с вашими моряками. Они часто заходят в Иокогаму. Мы считаем, что люди должны дружить, а не воевать. Собственно, поэтому мы сюда и пришли — я, жена, мои товарищи.

Другой пикетчик, Мицуура, приехал в Сагамихару из Токио. Вместе с ним — 35 молодых ребят из района Минато-ку, где стоит самая высокая башня столицы Токио-тауэр — достопримечательность, которую не обходит вниманием ни один турист.

— В ней 333 метра. Вот я и думаю,— Мацуура хитровато щурится,— пусть бы наши политики почаще забирались на башню. С нее дальше видно. А когда горизонты шире, шире и думается. Мы читаем газеты, смотрим телепередачи и знаем, что в мире сейчас многое меняется. Взять хотя бы визиты вашего лидера Леонида Брежнева в ФРГ, Соединенные Штаты, Францию. Мы рады, что они

оказались такими полезными и результативными. В общем, многое в мире изменилось.

Дождь продолжает хлестать. На асфальте расплзлись бесчисленные лужи. А отряды пикетчиков все прибывают. Плотной стеной они обступают ограду из колючей проволоки. Перекрывая дорогу в порт, стоят как вкопанные. Поодаль — полицейские машины с прожекторами-вертушками на крышах.

Когда я уезжал обратно в Токио, они так и стояли друг против друга — люди, не обращающие внимания на дождь, и бронированные чудища с безнадежно умолкшими моторами...

Я рассказал об этом эпизоде, чтобы читатели могли ощутить, насколько широкий размах приняло в Японии антивоенное движение, в котором особенно активно участвует молодежь. В Токио, Осаке, по всей стране люди самых различных политических убеждений с чувством облегчения и надежды следят за переменами в международных отношениях на европейском континенте. Поэтому не случайно на Японских островах все громче говорят о выдвинутой Советским Союзом идее системы коллективной безопасности в Азии. «Советский Союз хочет, чтобы и в Азии была достигнута стабильная обстановка». — Это высказывание принадлежит министру финансов М. Охире.

Высоко оценивает внешнеполитическую инициативу СССР и другой видный деятель правящей либерально-демократической партии Х. Исида, возглавляющий Парламентскую ассоциацию японо-советской дружбы. «Для внешней политики Советского Союза, — говорит он, — прежде всего характерны искреннее стремление ее руководителей к дальнейшему расширению личных контактов, встреч с лидерами других стран, желание углубить существующие связи, вести серьезный и открытый диалог о насущных проблемах современного международного положения. Свидетельством тому может служить визит в

США Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, которого я высоко ценю как серьезного, вдумчивого политического руководителя».

...Мне часто приходится слышать от знакомых японцев, что Япония уже не та, что многое изменилось за последние годы не только в японской экономике, но и в психологии людей. Это и так, и не совсем так. Умный, трудолюбивый народ, особенно его энергичная молодежь, действительно быстро идет вперед, создает чудеса в промышленности и технике. В то же время здесь на каждом шагу ощущаешь, как определенные силы старательно культивируют милые их сердцу, консервативные и даже феодальные обычаи прошлого.

Печать веков лежит на вычурных светильниках из серого, грубо отесанного камня, а рядом пламенеют в неоновой радуге улицы столичного центра. Перезвон колокольчиков под изогнутыми сводами синтоистских и буддистских храмов заглушается звуками джаза, несущимися из ночного кабаре. Над благоухающими цветниками в крошечных двориках горожан висят черные шлейфы дыма от тысяч промышленных предприятий.

На улицах японских городов можно встретить женщин в кимоно и молодых девушек, одетых по последней европейской моде. Из традиционного театра «Кабуки», где все построено на условностях, где женские роли исполняют мужчины, вы можете попасть через несколько минут в концертный зал, где сцена, освещение, декорации — все подвластно компьютерам. Вы видите крестьян, обрабатывающих рисовые поля вручную, и телевизионные антенны на крышах их жилищ. Все это сегодняшняя Япония. Новое и старое, соседствуя здесь бок о бок, образуют сложное хитросплетение.

Таковы чисто внешние приметы японской жизни. Куда труднее разобраться в социальных, политических, психологических особенностях нынешней Японии. Взять, скажем, всем известную привязанность японцев к тради-

циям. Их много, этих традиций, и они разные. Все дело в том, кто и какие выбирает. Можно ли говорить, например, о тождестве кодексов поведения крестьянина, чья главная забота — прокормить семью и выпутаться из долгов, и чванливого дворянина? Конечно же, они по-разному понимают и смысл «истинно японского духа».

В Японии еще достаточно поборников «восстановления величия империи» и других подобных идей, взрастивших не одно поколение самураев. Сегодня реакционные силы требуют пересмотра послевоенной конституции, особенно ополчившись против ее 9-й статьи. Правда, и эта конституция не помешала созданию так называемых «сил самообороны» Японии, которые по огневой мощи вышли на первое место среди капиталистических стран Азии. Современную боевую технику им поставляют крупнейшие монополии «Мицубиси», «Кавасаки», «Хитати» и другие. И все же армия — это не только ракеты, танки, самолеты. Нужна гумбацу — военщина. И тут-то происходит осечка за осечкой.

Специальная комиссия управления национальной обороны обнаружила, что на складах хранятся 58 тысяч бесхозных винтовок. Выяснилось, что в стране не ладится с вербовкой рекрутов. По утвержденной разнарядке в «силах самообороны» Японии должны постоянно находиться 179 тысяч человек. А их едва набирается 155 тысяч. Дотянуть эту цифру до уровня никак не удастся. 200 вербовочных пунктов с огромным штатом сотрудников не могут сдвинуть дело с мертвой точки, хотя молодых людей — от 18 до 24 лет — в Японии сейчас почти 7 миллионов человек — на 10 процентов больше, чем в 1960 году.

Японская народная пословица гласит: «Волна поднимает все лодки». Вспомнили про чудодейственную силу рекламы. И вот отряды солдат, переодетых в штатское, с утра до вечера носятся по улицам городов, расклеивая плакаты с изображением бравого парня в униформе

корабельного кока. На фоне рулевого штурвала и кухонных аксессуаров он бодро-весело стряпает омлет и призывает: «Выжимай из службы самое необходимое — удостоверение на право работать поваром и дух независимости!»

Но десятки тысяч винтовок продолжают без дела лежать на складах — перспектива приобрести профессию военного повара, а заодно и «дух независимости» не увлекает большинство японских парней, хотя все они росли в атмосфере уважения и любви к национальным традициям. Все дело в том, повторим, какие привычки и обычаи считать «истинно японскими».

В Японии очень любят старинный «праздник мальчиков». Перед жилыми домами на высоких шестах вывешивают пестро раскрашенных бумажных карпов по числу сыновей в семье. Карп в Японии испокон века олицетворяет мужество, стойкость. Эти красочные символы, раскачиваемые порывами ветра, оживляют серый городской пейзаж. Любуясь, прохожий, разве тебе не интересно узнать, сколько мальчиков в семье Канагара-сан? Заблаговременно готовятся к празднику крупные магазины и универмаги. На прилавках выставляют кукол в причудливых шлемах «кабуто» и костюмах старинных воинов «ёрои». В них играть не принято: размером с 5—10-летнего ребенка, они предназначены лишь для украшения дома, да и стоят раз в десять больше, чем месячное жалованье солдата «сил самообороны». Поэтому такие игрушки живут в семьях годами. Их извлекают из укромного места на время праздника и убирают по его окончании. Но любовь к гуттаперчевому воину совсем не означает, что Канагара-сан и его сыновья мечтают натянуть военные доспехи на самих себя и мечом и огнем доказывать «исключительность расы Ямато».

Дело с «лишними» винтовками — хорошее тому подтверждение.

Но часть японской молодежи, к сожалению, поддается демагогии милитаристов, их систематической и упорной пропаганде. Обычная здесь картина: главари ультраправых группировок, подкармливаемых монополиями, разъезжают по улицам и через громкоговорители выкрикивают лозунги — призывают к реставрации старой конституции, требуют создания самой могущественной в мире армии. Долгое время их кумиром и идеологом был известный литератор Юкио Мисима, который вспорол себе живот мечом перед остолбеневшей толпой солдат и офицеров, надеясь таким поступком отчаяния вселить в них самурайский фанатизм.

В Японии до сих пор немало людей, которые видят в мече не просто холодное оружие, но олицетворение наивысшего самурайского духа. Недаром фехтование на мечах — обязательный предмет в войсках «сил самообороны». Наиболее преуспевающих выделяют среди прочих. Четвертый высший разряд получает тот, кто может выполнить такие приемы, как «полет ласточки», то есть разрубить человека надвое по горизонтали, или «пикирующий журавль» — резкий удар клинком наискось от правого плеча до левого бедра.

Около 30 лет назад в Токио было создано общество с длинным названием «Ниппон бидзюцу токэн ходзэн-кёкай», что означает «Общество меча». Его возглавил крупный знаток самурайских догм некто Хонама. Сейчас он по совместительству занимает пост директора музея, где собрана богатейшая коллекция старинных самурайских мечей.

Матово поблескивает подсвеченная мертвящим неон-ом сталь клинков. Легкие белоснежные покрывала резко контрастируют с холодом стали. У каждого меча — своя история, свои хозяева — прежние и настоящие. Господин Хонама знает эти истории наизусть. Может рассказывать их без конца — было бы кому слушать.

Он не отказывается дать и добрый совет. Например, знает, в каком универмаге или специализированной лавке можно приобрести мечи. И если вам не по карману клинок за десять миллионов иен, то, оказывается, в универмаге «Даймару» устроители распродажи позаботились и о простых смертных. Там можно купить неплохой клинок за 200—300 тысяч иен.

Култ самурайского меча своим воскрешением во многом обязан упомянутому выше Мисиме (кстати, имевшему высший разряд по фехтованию на мечах), который употребил свой литературный талант на возвеличение и пропаганду «истинно японского» (в его понимании — самурайского) духа. У Мисимы нашелся и прямой последователь, коллега по перу — С. Исихара, депутат от правящей либерально-демократической партии в палате представителей.

В книге «Сезон солнца» он призывает покончить с «атомной аллергией» во имя вооружения Японии. «Я считаю,— пишет Исихара,— что обеспечить себе вес на международной арене Япония может единственным проверенным методом — с помощью «дипломатии канонеров». В современных условиях ее может заменить «ядерная дипломатия».

Осенью 1972 года губернатор Большого Токио Минобэ, человек прогрессивных взглядов, официально заявил, что отныне и навсегда в столице запрещается проведение военных парадов «сил самообороны». Его горячо поддерживали токийцы. После этого Исихара, собиравшийся баллотироваться на пост губернатора Токио в 1975 году, счел за благо снять свою кандидатуру. Но он и его единомышленники по-прежнему располагают большими возможностями для ведения милитаристской, шовинистической пропаганды через книги, газеты, радио и телевидение и даже через школьные учебники.

Губернатор запретил парады, но он не в силах наложить вето на демонстрацию фильмов, пропитанных ду-

хом отъявленного реваншизма. Он не в состоянии выключить цветные экраны телевизоров, с которых на миллионы зрителей взирают выцветшие лица ветеранов Квантунской армии, выступающих с воспоминаниями, а потом со слезливыми старческими гримасами берущих дрожащими руками медали «За ратные подвиги». Все это создает определенную атмосферу хотя бы для таких событий, которые произошли в частном токийском университете «Кокусикан». Студенты-японцы жестоко избили корейских учащихся. Две недели подряд в июне 1973 года газеты писали о рейдах полиции в университет, состоянии здоровья пострадавших, печатали слезливые письма японских родителей, защищавших погромщиков. Но скандальная расистская подоплека инцидента оставалась за рамками репортажей. Наконец в руки журналистов попали документы, пролившие свет на предысторию избиения.

Прежде всего выяснилось, что особое место в этом вузе занимает предмет, именуемый «практической этикой». Среди лекторов первым в списке фигурировал С. Исихара. Курс «практической этики» сводится к восхвалению старой довоенной морали, прославлению императора, разглагольствованию о превосходстве японцев над другими нациями. С кафедры проповедовался антикоммунизм, выливались ушаты грязи на Советский Союз и другие страны социалистического содружества.

На территории университета время от времени устраивались настоящие военные парады, на которых звучали напыщенные речи о «солдатской доблести». Ректор лично объезжал на машине строй студентов и поздравлял их, например, с отмененным после войны праздником «День Японии». Каждый факультет на парадах возглавлял инструктор «из бывших воинов императорской армии».

По словам известного японского публициста, специалиста в области образования К. Канадзава, университет «Кокусикан» стал рассадником реваншистских идей.

«40-страничная инструкция для студентов,— говорит он,— проникнута тоской по милитаризму, а история истолковывается с «имперской точки зрения».

Публичный скандал после избиения корейцев, как выразился Канадзава, «вскрыл гнойник». Многие студенты «Кокусикан» потребовали провести в университете демократические преобразования и покончить с пропагандой милитаризма. Они все-таки прозрели.

...Нудный морозящий дождь сопровождал меня всю обратную дорогу из Сагамихары в Токио. Сквозь его серую пелену лабиринт безымянных проулков в предместье столицы казался бесконечным и особенно унылым. Впрочем, что погода? Не помешала же она ребятам из токийского района Минато-ку отправиться в неблизкую Сагамихару и простоять несколько часов в пикете под настороженными взглядами полицейских.

В то утро ни один танк так и не прорвался в порт Иокогаму. Но спустя несколько дней газеты скупо сообщили, что танки все же были доставлены в порт под покровом темноты и быстро погружены на транспорты.

Наверняка были в сагамихарских пикетах делегаты и от этих сейчас безлюдных и вымокших переулков, думал я, въезжая в Токио. На одном из людных перекрестков огибаю стоящий у тротуара грузовик, обвешанный флагами, лозунгами, транспарантами: «Долой мирную конституцию!». В кузове грузовика с микрофоном в руках мечется человек. Что-то кричит, патетически жестикулирует. Прохожие, укрывшись под зонтиками от дождя, спешат по своим делам.

Еще поворот — передо мной маячит Токио-тауэр, башня, с которой так хорошо и далеко видно.

ИНДУСТРИЯ ИГРАЛЬНОГО БИЗНЕСА

Токио — это двенадцать миллионов японцев, два миллиона спящих по улицам автомашин, 83 тысячи промышленных предприятий, каждые три минуты взлетающий и приземляющийся самолет, 250 тысяч магазинов, распродающих ежедневно 7 тысяч тонн овощей и фруктов и

почти 2 тысячи тонн свежей и мороженой рыбы. Свыше восьмидесяти процентов жителей столицы проживает в 23 центральных районах, которые занимают лишь четвертую часть Большого Токио.

42 процента токийцев заняты на промышленных предприятиях, на стройках, сидят в офисах; остальные работают в сфере обслуживания и торговой сети. Помимо этого они смотрят телевизор, учатся, читают, посещают разного рода зрелищные и игральные заведения.

Социологи полагают, что в XX веке пагубные последствия азартных игр в странах капитала намного превзойдут последствия распространения и увлечения алкоголем в XIX столетии. Азартные игры, приносящие баснословные прибыли ловким дельцам, мутной волной захлестнули Японские острова. Об этом с тревогой пишут газеты, говорят в парламенте. Прогрессивная общественность ведет борьбу с этим «злом века».

О проблеме азартных игр, проблеме социальной, мне и хочется рассказать на примере одного токийского района Минато-ку, где я прожил не один год.

Понедельник. Стрелки часов приближаются к девяти. В ожидании завтрака я разглядываю картонный коробок спичек. Вместе со стаканом холодной воды его принес одетый в синюю униформу официант с юным лицом, жестким зачесом смоляных волос и осиной талией. В моих карманах собралось за утреннюю прогулку пять коробков. Все они разные. Один я получил в придачу к сигаретам, два — в парикмахерской, четвертый — в аптеке и пятый мне вручили на бензозаправочной станции. В Японии спичками не торгуют. Ими одаривают. Правда, стоимость каждого коробка с десятью-пятнадцатью спичками предусмотрительно заложена в литр бензина, бритье вашей щетины, стоимость номера гостиницы или яичницы, которую вам подают на завтрак в кафе.

И когда заезжий турист легковерно принимает этот «спичечный дождь» за сногшибательный сервис (чаевых

не берут, спички бесплатно), он примитивно заблуждается. Это, если быть точным, реклама того или иного потребительского заведения, его визитная карточка. Чаще всего коробок оклеен этикетками с двух сторон. Название отеля, бара или цветочного магазина на одной стороне и схематический план района, в котором означенное заведение расположено,— с другой. Чтобы ни вы, ни ваши друзья впредь не забывали сюда дорогу...

Пока повар в гиперболически высоком белом колпаке колдует за стеклянной перегородкой над моей яичницей, я изучаю этикетки. Прежде всего посетителя еще раз информируют о названии кафе: «День и ночь». Далее следует дополнение: открыто круглосуточно. Еще ниже — иероглифы особо рекомендуемых фирменных блюд. И, наконец, миниатюрная карта с красной стрелочкой, направленной своим острием в то самое место, где я решил сегодня утром подкрепиться, оказавшись в районе Минато-ку.

Пребывать за столиком в одиночестве мне не пришлось. Место напротив облюбовал какой-то господин с болезненно бледным продолговатым лицом и жиденькими седыми бакенбардами. Он учтиво поклонился в мою сторону, подождал, пока официант с осиной талией предложит ему стул, степенно уселся и, не выказав интереса к спичечному коробку, жадно отпил из стакана глоток воды.

— Здесь прилично варят кофе,— внезапно изрек господин, глядя, с каким аппетитом я уплетаю яичницу, которую «он в этом заведении никогда бы не заказал».— Я всегда предпочитал у них омлет из перепелиных яиц. Но, знаете, теперь цены на все растут. Перепела подорожали раза в полтора...

Он смаковал кофе, растягивая удовольствие, за которое выложил стоиеную монету.

— Рассказывают, что в Каруидзаве один владелец дерет за чашку этого напитка чуть ли не десять тысяч иен!

Курорт, ничего не поделаешь.— Он сокрушенно покачал головой.

Официант, словно мим с печальной маской на лице, выписывал восьмерки между столиками.

Над стеклянной перегородкой то вырастал, то исчезал белоснежный цилиндр поварского колпака.

Искусно запрятанный в деревянную обшивку стены вентилятор отсасывал из зала пряный аромат бразильского кофе, клубы сигаретного дыма, запах жареного бекона.

— Не подумайте, что я какой-то гурман,— мой собеседник закурил.— Перепел — дичь особая. Его мясо благотворно влияет на человеческую плоть, делает ее более крепкой, сильной, невосприимчивой к хвори. А когда человеку за шестьдесят, согласитесь, об этом придется думать...

По обтертым обшлагам пиджака, несвежему галстуку, дешевым сигаретам было трудно ошибиться в его более чем скромных доходах. Но старик держался с достоинством:

— Историк по образованию, учитель по профессии,— четкой словесной формулой удовлетворил он мое любопытство.

— На пенсии?

— Совсем недавно,— словно извиняясь за свою ступеньку социальной лестницы, заметил он поспешно.— Решил посвятить остаток лет изучению своего родного района Минато-ку. А вы давно здесь?

Когда иностранцу задают такой вопрос, любой его ответ обычно вызывает на лице японца умилительно-восклицательное выражение. Пробыл ли ты в его стране 24 часа или успел прожить 365 дней — реакция идентична: «Ах, вот оно что!..» В эту фразу японец вкладывает чувства удивления, восторга, многозначительного понимания ситуации, желания продолжить общение или побыстрее прекратить его. В зависимости от обстоятельств.

Учитель истории, видимо, принадлежал к категории лиц любознательных. Его нельзя было упрекнуть в отсутствии общительности, которая за столиком кафе в общем-то не требует дополнительных расходов. Протянув сиплым голосом на едином дыхании «содеска...», что в русском переводе примерно означает: «Ах, вот оно что...» — он тем самым счел, очевидно, срок моего пребывания в стране восходящего солнца слишком коротким. В представлении профессионального историка, который с легкостью артиста обращается со столетиями нашей и не нашей эры, так оно и должно было быть.

— Надеюсь, что могу сообщить вам о районе Минатоку кое-что интересное. Буду крайне признателен, если выслушаете, и весьма рад, если это принесет вам пользу.

— Благодарю вас...

До визита в городской муниципалитет, где мне была назначена аудиенция, оставалось добрых сорок минут. Я готовил материал о японском предпринимательстве на ниве азартных игр, и у меня теплилась надежда разыскать данные о бизнесменах с самыми высокими личными доходами. Бухгалтерские фолианты нередко хранят поистине неожиданные цифровые данные. Примером может служить обнародование сравнительных сумм, израсходованных государством за один финансовый год на научно-технические исследования (508 миллиардов иен), и частными компаниями — на так называемые «развлечения в интересах дела» — рестораны, подношения, взятки (565 миллиардов иен)!

— Вы знаете китайский ресторан «Сань я»? В парке Мясита, возле железнодорожной станции Сибуя? Так вот, президентом компании «Сань я» является некий Томас Хэн-ли... Лет тридцать назад он перебрался в Токио из Китая и занялся мелким бизнесом. А теперь этот человек миллионер...

Мне давно приходилось слышать, что деятельность китайских эмигрантов в странах Юго-Восточной Азии и на

Дальнем Востоке образно называют «бизнесом трех лезвий». Эти люди, мастерски владея портновскими ножницами, бритвой или кухонным ножом, издавна держали в своих руках парикмахерские, ателье по пошиву мужского и женского платья и, наконец, закусочные. До второй мировой войны они расселялись главным образом в небольших уездных городишках Японии, старались держаться скромно, незаметно. Современное поколение выходцев из Шанхая, Кантона, Северо-Восточного Китая или бежавших с Тайваня прочно обосновалось в крупнейших промышленных центрах на тихоокеанском побережье Японских островов. Изменился и сам характер деятельности переселенцев.

Профессор муниципального университета Иокогамы Тоси Хаясэ рассказывал мне, что подавляющее большинство китайских эмигрантов вкладывают капиталы в игровой промысел, кинотеатры, бары, ночные клубы, кабаре, рестораны и туризм. Доходы от баснословно прибыльной индустрии азартных игр, которая прочно породнилась с подпольным миром рэкетиров, гангстеров, букмекеров, наиболее удачливые предприниматели вновь пускают в оборот — в промышленные, строительные, страховые фирмы, банковское дело, компании по торговле недвижимостью.

Представитель сорокавосемьтысячной армии жителей Японии китайского происхождения, президент компании «Сань я» Хэн-ли, о котором мне рассказал за столиком кафе «День и ночь» учитель истории, уже забыл то время, когда ему приходилось вести счет грошам и ограничивать себя во всем. Хэн-ли — один из самых богатых людей Японии. Только за год он перевел на свой личный счет в банке 1 587 836 000 иен. Секрет прост: торговля земельными участками оказалась намного выгоднее кулинарного искусства. Если, например, дичь в ресторанах подорожала за короткое время в полтора раза, то цена на землю возросла в три раза. Господину Хэн-ли,

миллионеру из токийского района Минато-ку, оставалось лишь поставить свою подпись под контрактом о продаже участка «Минами адзабу», чтобы денежки полноводной рекой сами потекли в его руки.

Хэн-ли ревниво оберегает от посторонних свои планы по перепродаже недвижимости. Единственным доверенным лицом в его офисе является госпожа Хинако — жена босса, она же переводчик, секретарь и вице-президент компании «Сань я», победительница конкурса красоты на приз «мисс Токио».

— Хэн-ли свел управленческий аппарат своей компании до минимума, считая его непозволительной роскошью. Примеру миллионера последовали другие иностранные предприниматели, занимающиеся бизнесом в районе Минато-ку... Теперь здесь чаще встретишь американца или немца, чем японца, — с горькой иронией закончил свой рассказ учитель истории*.

В этой части японской столицы сосредоточено 73 иностранных посольства и миссии, резиденции дипломатических и торговых работников, офисы различных информационных служб, агентства авиакомпаний из 109 стран мира. Растущие зарубежные связи расширяют дипломатический, и особенно торговый, корпус столицы. Советники, секретари посольств, атташе по вопросам печати, культуры, бизнесмены традиционно заселяют район Минато-ку. И вовсе не потому, как это пытаются утверждать некоторые социологи, что именно здесь в октябре 1872 года состоялись торжества по случаю открытия первой железной дороги Японии или потому, что Минато-ку — средоточие историко-культурных памятников прошлого и настоящего. Иностранцев привлекает близость

* Всего, по данным муниципалитета, в районе Минато-ку проживает 7500 иностранцев. Причем эта цифра растет из года в год, а количество японцев понемногу уменьшается. Во всей Японии (оценка министерства юстиции) зарегистрировано на конец 1972 года 735 000 иностранцев.

района к центру города, наличие зеленых массивов (относительное) и тихих проулков (условное), наконец, проходящие через район высотные автодороги, надежно связывающие представительства с аэродромом, портом Иокогама, загородными приморскими курортными городками.

Но дело не только в этом. Профессор Тоси Хаясэ утверждает, что иностранцы-предприниматели «контролируют практически всю ночную жизнь Токио». Газета «Майнити дейли ньюс» в статистических выкладках о численности населения Минато-ку вводит дополнительное определение: «дневная» перепись. Это значит, что под покровом темноты в различного рода злачные заведения района стекаются тысячи посетителей из других районов столицы. За ночь от завсегдатаев игральные залы, кабаре, любителей острых ощущений район искусственно разбухает, а к утру, когда закрываются двери полуподвальных и солнечный свет затмевает неон рекламы на Роппонги, гасит уличные фонари Аояма-дори, Минато-ку снова «тощает», приходя в чувство после разгульного угара.

И еще. Спрос в Токио рождает предложение. То там, то здесь затянутые в целлофан венки из искусственных цветов на высоких треногах красноречивее всяких слов говорят японцу, что очередной зал «пачинко» празднует новоселье, зазывают его вкусить опиум призрачного счастья. Построить такой зал может не каждый японец. Зато каждый японец может продать под его строительство землю. Чем фешенебельнее район, тем дороже земля. Минато-ку 1973-го года — это хаотическое нагромождение разностильных, разноэтажных построек: от вросшего раздвижными окнами-стенами в асфальт чисто японского домика с неправдоподобно игрушечным садиком до железобетонного небоскреба. Соседствуя, дома не исключают, а дополняют друг друга. И поэтому, когда хозяин-японец продает на слом хибару своих предков и

навсегда покидает район Минато-ку, это место пустует от силы несколько часов. Проходит месяц-другой, и в узкую щель между соседними зданиями — по левую руку банк, по правую — страховое агентство — уже втиснулся зал с кегельбаном или игральными автоматами, кабачок «Эсмеральда» или ночной клуб «Без грима».

С одинаковым успехом они могут принадлежать миллионеру китайского происхождения Хэн-ли, американскому предпринимателю, отпрыску рода Сандерсов из штата Кентукки или южнокорейцу Минами, который готов приобрести в Соединенных Штатах за любую сумму разрекламированную слот-машину «Супер-Берта». Этот сконструированный за океаном «однорукий бандит», признанный специалистами крупнейшей игровой машиной с наивысшим выигрышем (1 миллион долларов), стал предметом откровенной зависти и вожделений многих боссов международной игровой империи. И если этот трехметровый монстр в один прекрасный день обретет свою новую прописку где-нибудь по соседству с популярным ресторанчиком «Альте либе», никто не удивится.

Правда, в Японии есть неплохие кадры своих доморощенных инженеров и техников, специализирующихся на разработке и производстве оригинальных схем «одноруких бандитов». Их называют якумоноси. Ими славится город Нагоя.

Якумоноси Д. Мори работает под девизом: «рациональность, экономия, красота, оригинальность». На его счету свыше пятидесяти образцов аппаратов «пачинко». Опытные образцы он отправляет в игральные залы Минато-ку, где они проходят «обкатку». «Хорошая идея стоит приличных денег, — говорит Д. Мори. — Помню, мой коллега Наруо получил за свою конструкцию аппарата «Чульпан» 10 тысяч иен. А заводчик за год заработал на нем миллиард иен». По всей стране выручка хозяев игровых залов «пачинко» составляет 800 миллиардов иен в год. 9300 точек обслуживают 25 миллионов японцев.

В шестистах полукустарных мастерских по изготовлению игровых аппаратов занято около 100 тысяч рабочих.

Психологи и социологи подсчитали, что средний японец к моменту своего восемнадцатилетия уже успевает провести перед экраном телевизора 2,5 года. «Пачинко» в досуге японца занимает третью часть времени.

— Я уверен, что страсть играть отбита только у мастеровых, которые своими руками производят на свет эти чудища,— заметил как-то один мой знакомый из национальной ассоциации игр.— И вовсе не потому, что они святее самого Будды. Просто эти ребята знают, что в каждом зале есть для приманки одна-две машины, на которых действительно можно что-то выиграть. Семьдесят процентов «одноруких бандитов» крутятся вхолостую (сколько выиграл, столько и проиграл). Остальные аппараты «работают» исключительно на хозяина заведения.

И еще один маленький секрет: если владелец «пачинко» хочет иметь постоянную прибыль (иное и не мыслится!), он должен хотя бы каждые полгода обновлять свои машины, а раз в неделю — менять их местами, «подстраивать» механизмы. В картежной игре этот трюк именуется шулерством.

Миллионы японцев одержимы идеей выиграть большую сумму денег и открыть свое дело. Неважно где—на беггах, велодроме, мотогонках, неважно как—в «пачинко», кости, рулетку. Первое «легкое» увлечение переходит в наваждение, еле уловимое волнение, в алчную страсть. Играют везде, днем и ночью. Играют «белые воротнички»— чиновники, торговцы, страховые агенты, неимущие и миллионеры, гангстеры и полицейские.

Подобно лесному пожару, охватывает самые разные слои общества игра в мадзян*. Количество помещений (на 2—3 или 15—20 столов) увеличивается ежегодно на десять процентов. После самой популярной игры «па-

* М а д з я н — азартная игра, распространенная на Востоке.

чинко» кости стоят на втором месте. 15 миллионов японцев посещают 22 тысячи залов с мадзяном. Примерно одна треть этих заведений сосредоточена в Токио. «Я принимаю любителей мадзяна из тридцати компаний и фирм, которые разбросаны в районе станции Сибуя. Одновременно играют шестьдесят партий. Дела идут неплохо...» — делится своими успехами хозяин игорных заведений Амамия.

Его беспокоит лишь одно: начавшееся в Японии движение за переход на пятидневную рабочую неделю. «Профсоюзы, сами того не ведая, подрывают игровой бизнес,— без тени иронии сообщает он.— Будем считать, что японец заходит сразиться в мадзян каждый день после окончания работы. Итого шесть раз в неделю. Пятидневка сократит число посещений, ударит меня по карману».

В районе Минато-ку организованы первые фешенебельные клубы мадзяна с лимитированным числом клиентов. Доступ ограничивается внушительными размерами вступительного взноса (до 50 000 иен) и годового взноса (до 30 000 иен).

Жизнь в таких клубах протекает по своим, отличным от обычных игровых забегаловок, законам. Здесь царит атмосфера интимности, соблюдения доверительных отношений между членами клуба и администрацией. Полумрак, мягкие диваны, дорогие ковры, льющаяся из-под потолка, ласкающая слух мелодия... Девушки в мини-юбках разносят охлажденное пиво, виски, легкие закуски. За ужин посетитель должен выложить не менее 10 000 иен. «Наши клиенты,— говорит хозяйка одного клуба,— директора, члены правления крупных компаний. Люди солидные. И по возрасту и по положению».

Как-то «Джапан рисёрч сентр» провел опрос служащих с целью выявить наиболее распространенные азартные игры среди этой категории японцев. Оказалось, что в «пачинко» играет 73 процента, в мадзян — 58,9, на

бегах подвизается 26,3 и поклонниками велогонок оказалось 7,6 процента.

Я был свидетелем торжественного открытия плавательного комплекса на бывшем велодроме Коракуэн. Муниципалитет Токио объявил войну таким атрибутам японского образа жизни, как бега, скачки, велогонки. Законодательная ассамблея столицы на своей сессии приняла решение, запрещающее азартную игру на ипподромах и велодромах Ои, Хэйокаку, Тофу и Коракуэн. Это решение было принято большинством голосов четырех оппозиционных партий. В знак протеста консерваторы (50 депутатов от ЛДП) покинули зал заседаний. Тем не менее победа была одержана. Первый плавательный комплекс в центре Токио стал символом победы разума над стяжателями из Мекки тотализаторов.

— Мы выдержали трудный бой,— рассказывал мне губернатор Большого Токио, человек широких прогрессивных взглядов Р. Минобэ.— Первый бой. Блюстители закона должны помнить: если они хотят сократить преступность, необходимо препятствовать распространению азартных игр. Игровой бизнес — это социальное зло, с которым мы должны вести постоянную борьбу.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ И ВОРЫ

МАФИЯ

«Сержант токийской полиции Масатаки Ваки, 28 лет, был обнаружен сегодня сослуживцами в 1 час 15 минут пополудни в помещении полицейского участка района Ада-ти лежащим в луже крови. Самоубийца оставил записку из нескольких слов: «Я устал от жизни» («Асахи ивнинг»).

Вся жизнь Масатаки Ваки — одного из 37 тысяч полицейских Японии —

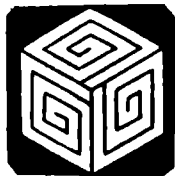
напоминала бег с препятствиями. На последнем он споткнулся, потерял равновесие и лишился сначала моральных, а потом и физических сил. Он так и остался лежать на полу, истекая кровью, больше не думая о том, что рано или поздно гангстеры из банд Ямагути или Инагава найдут способ рассчитаться с ним. Ведь он уже не раз принимал участие в ночных рейдах на якудза, как называют в Японии гангстеров. Результаты? Не слишком радужные.

Всего в системе картотеки полицейского управления Японии зафиксировано 124 тысячи якудза различных рангов. Они объединены в три тысячи банд. Ведущие среди них — Ямагути и Инагава. Первая безраздельно хозяйничает в 32 префектурах страны, включая такие города, как Осака, Киото, Кобэ. Вотчина гангстеров из Инагавы — остальные 14 префектур восточной Японии, включая Токио и целый остров Хоккайдо. Начиная с февраля 1971 года полицейское управление провело две крупные операции по ликвидации «Семи сестер» — ведущих банд, в число которых входят Ямагути и Инагава. В результате под арестом оказалось около 40 тысяч человек. Иными словами — на каждого полицейского пришелся один якудза. Казалось бы, дело обстоит не так уж плохо. «Однако, — сетует по поводу этой статистики «Асахи иннинг», — рост числа преступлений в нашей стране не прекращается».

Если оперировать абсолютными цифрами полицейского управления, то оказывается, что в 1972 году было зарегистрировано 1 100 000 уголовных преступлений, в том числе свыше двух тысяч убийств. Более половины всех задержанных преступников — молодые люди в возрасте от 15 до 26 лет.

— Наши якудза похлеще членов итальянской мафии. В страшном чреве гангстерских банд процветают порядки и законы невиданной жестокости. Они клянутся кровью и расплачиваются кровью. Тот, кого якудза зачислили в черные списки, может, не теряя времени, подыс-

кивать для себя место на кладбище — этими мрачными мыслями незадолго до самоубийства сержант Масатаки Ваки делился со своим близким другом Хирано.

ПЕСОК В РОТА- ЦИОННЫХ МАШИНАХ

Этот безоблачный летний день 11 июля 1973 года неожиданно оставил в моей памяти заметный след. Японская столица в это время года уже начинает изнывать от жары, задыхается от окиси углерода, которую круглосуточно выплевывают в узкие жерла улиц гигантского города-муравейника сотни тысяч машин. Призрачно проглядывает сквозь пелену смога солнечный диск, похожий на огромную золотую монету с неровно оплавленными краями.

Удушливая атмосфера гонит людей за город, туда, где ценой утомительного переезда еще можно получить глоток-другой чистого воздуха. Атами, Сидзуока, Ито, Хэда, Симода, Фудзиномия — вот те немногие городишки под Токио, превращенные либо предприимчивыми дельцами, либо не менее ловкими служителями культа в места паломничества туристов-однодневников. Одни жмутся к берегу, другие ютятся у подножья легендарной горы Фудзи. Чтобы стать временным постояльцем богатого отеля или скромного рёкана, требуется известная расторопность: бронировать номер нужно месяца за два, а то и за три до начала жаркого сезона.

За последние годы «курортная» зона под Токио расширилась за счет малоосвоенного побережья префектуры Тиба. Почти за сотню километров протянулась здесь широкая песчаная полоса пляжа. С востока ее омывают волны Тихого океана, а западной границей служат дюны, поросшие молодым сосняком. Сказать, что бедные рыбацкие деревни уже отступили под натиском коммерческой цивилизации, еще нельзя. На пляжах Кудзюкурихама, Кацуяма, Хота делаются первые робкие попытки по ор-

ганизации платных автомобильных стоянок; приезжим на день-другой горожанам местные жители сдают за плату комнатухи, сарайчики с пансионом или без него.

Происходит интересный процесс: здешние рыбаки, испокон веков занимающиеся тяжелым морским промыслом, уже познали путь более легкого заработка, путь предпринимательства. Подобно ржавчине, он начинает подтачивать, разъедать малоприбыльные рыболовецкие кооперативы. И если прежде существовало повальное бегство рыбаков Тибы в поисках заработка в другие районы страны, то теперь они стараются извлекать прибыль не из таящего постоянную опасность моря, а из золотистого песка и ласкового солнца. Немаловажную роль в этих переменах сыграло строительство суперавтострады, соединившей Токио со столицей префектуры — городом Тиба.

Мне захотелось поглубже вникнуть в этот процесс, разобраться в его социальных корнях, выяснить возможное влияние на будущее экономики префектуры. Но случилось так, что поехал я за одним материалом, а нашел иной. Точнее — он сам отыскал меня.

Едва мы въехали в пригород Тибы, как внимание привлекло необычное количество полицейских автобусов-фургонов. По их присутствию на улицах японских городов можно безошибочно предсказать готовящуюся манифестацию или стачку, митинг. Грязно-мышиный цвет, черные железные решетки на окнах, клаксоны-сирены. Они оснащены самыми современными средствами для разгона любого уличного собрания, вмещают до трех десятков полицейских или адекватное количество арестантов.

Фургоны стояли вдоль обочины, уткнувшись друг в дружку тупорылыми капотами. По улице с безразличным видом разгуливали их пассажиры — молодчики в стальных касках, вооруженные длинными палками, пистолетами, портативными радиопередатчиками, изготовленными на заводах электронного короля «Мацуситы». На перекрестке регулировщик жестом остановил нашу ма-

шину и учтиво предложил «переждать церемонию встречи». При этом он подобострастно взмахнул рукой в сторону старинного массивного здания с неприветливыми тяжелыми воротами.

В огромной толпе, запрудившей все подступы к фасаду дома, несмотря на дневное пекло, мелькали строгие фрачные пары, ультрамодные в полоску пиджаки, кинжально-узкие черные бабочки, цветастые в две ладони ширины галстуки с золотыми заколками и... темные защитные очки. Будто все они сговорились в этот день закрыть от любопытных прохожих свои глаза синими, зелеными, черными стеклами.

Толпа жила. Она дышала, двигалась, приглушенно разговаривала. И вдруг все смолкло, словно повинувшись палочке невидимого дирижера. Колыхнувшись в последний раз, толпа расступилась и опустила в глубоком поклоне головы, пропуская через густое месиво из разгоряченных лиц и потных тел человека среднего роста, одетого в традиционный национальный костюм. Он шел степенно, сверля глазами пространство, мягко, по-кошачьи переставляя обутые в легкие сандалии ноги. По правую и левую руку его сопровождали крепко сбитые молодцы, судя по всему — телохранители. Эта картина напоминала по меньшей мере сюжет на тему — явление святого мученика народу.

Установить личность «святого» не составило труда: Сигэмаса Камода. Уроженец города Кобэ, возраст — 44 года. Из них без малого 13 лет провел в тюремной камере префектуры Тиба. На скамью подсудимых, а потом и за решетку его привело «профессиональное хобби» — гангстеризм. Камода долгое время возглавлял крупную банду, которая является частью гангстерской организации Ямагути.

Возвратившись в Токио, я разыскал подшивки газет за 1960-й год, в которых публиковались материалы судебного процесса по делу оябуна (главы банды) Камоды.

Начало шестидесятых годов в Японии совпало с официальным возрождением ряда ультраправых организаций, которые были запрещены после разгрома японского милитаризма. Одновременно шел процесс формирования гангстерских банд и шаек. Официальный старт деятельности японской мафии был дан в курортном местечке Атами на берегу тихой глубоководной бухты. Здесь состоялся первый «съезд» оябунов гангстерских организаций. В качестве почетных гостей на этом сборище присутствовали главари ультраправых, которые только числились гостями, а фактически являлись организаторами возрождаемого преступного мира.

Уже тогда за строчками газетной информации можно было прочитать откровенную тревогу общественности в связи с усиливающимися контактами между ультра и гангстерами. В стране создавались могущественные преступные синдикаты. Культу насилия, шантажа, убийств, грабежа покровительствовали ультраправые. Гангстеры платили им за это благорасположение двойной, тройной ценой. И когда оябун ненароком оказывался в наручниках, вожаки ультра неизменно приходили ему на помощь. Зато уж если ультраправым нужна была подмога для расправы с рабочими, прогрессивно мыслящими писателями, журналистами, художниками, оябуны бросали в бой отряды своих головорезов.

Газета «Майнити» в статье «Японская Коза-ностра» сетует на то, что в стране по-прежнему существует связь между политиками, финансистами и гангстерскими бандами. Говоря о том, что положить конец организованной преступности можно лишь путем наложения вето на использование гангстеров в политической игре толстокумов, газета приводит характерный пример из собственной печальной практики. Однажды ее редакторы поместили в утреннем выпуске фотографию венка, присланного влиятельным деятелем правящей либерально-демократической партии на панихиду по случаю смерти одного

из известных оябунов. Гангстерский мир был возмущен «дерзостью» газеты. В тот же день молодчики учинили погром в редакционном помещении «Майнити» и в типографии, выведя ее из строя.

Это отступление я сделал не случайно. Оно имеет прямое отношение к освобождению из тюрьмы Сигэмамы Камода. Он был выпущен досрочно по ходатайству все тех же власть имущих покровителей преступного мира, а затем встречен со всеми почестями так, как встречают настоящих героев. Тысячная толпа, цветы, улыбки, лимузины лучших иностранных марок, приветственные речи и, наконец, бесчисленные тосты. Банкет, который в его честь устроил сам оябун банды Ямагути Таока в своей резиденции в городе Кобэ, поразил своей роскошью многих издававших виды людей.

Заискивающие взгляды из-под защитных очков, почести, поздравления оябун Камода принимал как должное. Окидывая взглядом своих подручных, он всем существом ощущал, что за истекшие 13 лет ничего не изменилось в преступном мире. Все осталось на привычных местах. Пожалуй, даже крепче, надежнее стала сословная пирамида банды, которую по-прежнему ему венчать и которой ему править.

НЕДОБРАЯ СЛАВА САНЬЯ

В Токио — Санья, в Осаке — Камэга-саки, в Кобэ — Таока — эти три адреса для людей посвященных скажут о многом. С ними связана в Японии если не вся, то основная часть подпольного гангстерского царства.

Чужой город ревнивее самого скаредного старца оберегает свои сокровища от посторонних взглядов. Он неумолимо глух и нем. Желание проникнуть в тайный мир его уклада постоянно наталкивается на застывшие маски человеческих лиц,

непроницаемую каменность стен, зашторенную слепоту окон, холодную чугунность оград. Бетонно-стальные дома-небоскребы и почерневшие от сырости одноэтажные хижинки-сморчки всем своим видом выказывают признаки отчужденности, неприязни.

В пятый, а может быть в двадцатый, раз я проезжаю по этой вдавленной в каменное месиво разновеликих построек улице и вдруг ловлю себя на мысли, что обычно я вижу ее днем или утром. А что здесь происходит по вечерам? Как улица выглядит при свете фонарей? Впрочем, она, оказывается, и не освещается! Сомнительно, чтобы эти убогие жилища под дырявыми навесами вообще имели коммунальные удобства — водопровод, канализацию.

В этом районе таких улиц наберется добрый десяток. Наименований они не имеют. Их называют скопом: Санья. Проживает в этом нищенском задворке столицы около девяти тысяч человек. Живут тяжело, ущербно. Особенно несладко приходится населению Санья в зимнюю пору. Фронт работ на городских строительных площадках сокращается; поденно наняться в компанию тоже не всегда удастся. Вот и жди, пока подфартит...

Темнело. Оставив машину возле полицейского участка, иду вдоль улицы, которую социальные условия давно превратили в постоянно действующий инкубатор гангстеризма. Всеми делами здесь заправляют вербовщики. Большинство из них с гордостью называют себя якудза. От их прихоти зависит жизнь тех, кто сегодня греется возле костра или, скорчившись от холода, забылся тяжелым сном на голом полу ночлежки, авансом выложив ее хозяину свои последние 250 иен. Чтобы прожить сутки в нормальной гостинице без питания, нужно иметь в кармане по крайней мере в пятнадцать раз больше.

История района Санья — этого города в городе — еще не написана. О нем даже не упоминается в путеше-

дителях по Токио, издаваемых для туристов. Для чего заезжему иностранцу знать изнанку столицы? Пусть уж он лучше довольствуется экзотикой храмов, карабкается на самый верхний этаж Токио-тауэр или изучает сложный ритуал чайной церемонии. И тем не менее история Санья пишется каждый день самими обитателями доходных домов, ночлежек, владельцами незаконных бирж труда, разного рода зланных заведений, которые открываются под покровом темноты.

Если преступление совершено в Санья — это никого не удивляет. Если пьяный дебош разразился в Санья — полицейский отмахнется от этой информации, как от докучливой мухи. Полторы сотни вербовщиков цепко держат в руках эту полудеклассифицированную ночлежку. Они подбирают здесь бригады чернорабочих за мизерную оплату, наживаясь на каждом из них. Обитателей Санья это тоже устраивает: наниматься на работу через городскую биржу труда дело хлопотное. Необходимо заполнять анкеты с указанием места жительства, составлять контракты, обивать пороги чиновников-бюрократов, наконец, просто ждать своей очереди. Ждать неизвестно сколько. Вербовщик-якудза не требует соблюдения формальностей. Ему нужны надежные руки, повиновение и молчаливое согласие на ту оплату труда, которую он предлагает. Остальные «хлопоты» он берет на себя.

Правда, сам характер работы бывает разный: когда — рытье котлована, а когда — и соучастие в ограблении банка, богатой виллы, ювелирной лавки. Одним словом, грабеж оптом и в розницу.

Сопровождавший меня полицейский участка Санья заметил: «Неуютно здесь. Особенно это ощущаешь на рождественские праздники. Там, на «большой земле», разнаряженные елки, толпы гуляющих в парках, море рекламных огней, веселье. А у нас — мрак и холод. Неуютно...»

Я уже садился в машину, когда полицейский, наклонившись ко мне, полушепотом сказал: «Если будете писать о нашем районе, не забудьте рассказать о том, что в Санья обитают и честные люди, которые борются за свои права».

ХОЗЯИН ОСОБНЯКА

Оябуны и якудза — патриции и плебеи. В крупнейшей гангстерской банде Японии Ямагути числится более одиннадцати тысяч гангстеров-плебеев — якудза. Они выполняют самую грязную работу. Первый среди патрициев банды Ямагути, а стало быть и самый главный оябун, некто Таока. Он никогда не спускается со своего пьедестала. Он выше других, умнее, могущественнее. Он — недоступный из недоступных.

Официально Таока владелец солидной погрузочно-разгрузочной портовой фирмы. Длительное время он подвизался еще и на арене «общественной» деятельности, будучи вице-президентом ассоциации борьбы. Его штаб-квартира в Кобэ напоминает дворец индийского магараджи. В залах собраны уникальные коллекции картин, спортивных кубков, старинных самурайских мечей. Хозяин особняка считается примерным налогоплательщиком. Принадлежащие ему (официально) фирмы и компании уважительно относятся к налоговому управлению, стараются не конфликтовать с властями.

Таока — миллионер. Оябун Таока — миллионер в кубе. Он торгует наркотиками, женщинами легкого поведения (хотя проституция в Японии запрещена), держит игорные заведения, ночные кабаре. В одном из номеров газеты «Йомиури» была помещена передовая статья, посвященная преступной деятельности гангстерских шаек. Оябуны и якудза, взывала к их разуму газета, обязаны

платить налоги «со всех видов заработка». Газета, безусловно, выступала от имени и по поручению налогового управления, которое беспокоят не бандитизм, наркомания и другие пороки, а сокрытие гангстерами доходов от этих преступлений! Оригинальный подход к проблеме, не правда ли?

И все же эта передовая, основанная на фактах из полицейского досье, любопытна своими внушительными цифровыми данными, которые стоит привести. «Иомиури» пишет: подпольные торговцы различными «стимулирующими» средствами за один финансовый год заработали 2,5 миллиарда иен. Прибыли сутенеров — 200 миллионов иен; дельцы на скачках, владельцы прочих зрелищных азартных заведений положили в свои карманы 400 миллионов иен; торговцы порнографическими открытками и кинофильмами — 160 миллионов иен. Простым шантажом якудза заполучили в свои руки за тот же период 467 миллионов иен. «И это лишь надводная часть гангстерского айсберга. Сумма денег, осевшая в сейфах гангстеров, раз в десять превышает названную».

...Она сошла с трапа самолета с видом привыкшей к частым перелетам путешественницы. Международный аэропорт японской столицы Ханэда бурлил от наплыва пассажиров. Благополучно миновав паспортный контроль, женщина, не обремененная багажом, попыталась проскользнуть через таможенную службу. Но ее все же остановили. Попросили открыть болтавшуюся на длинном ремешке, перекинутом через плечо, потрепанную дамскую сумочку. Там, завернутые в газетную бумагу, лежали бриллианты.

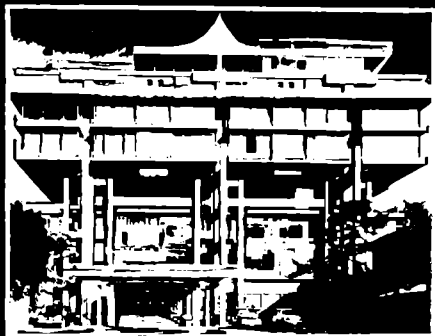
Мадам Чэн, прилетевшую в Токио самолетом японской авиакомпании «Джал» из Гонконга, могли именем закона арестовать на месте преступления: провоз через границу необъявленных ценностей на крупную сумму. Но... таможенник сделал вид, что ничего не произошло,

и разрешил пассажирке выйти в город. Из благодарности она поспешно сунула ему в руку несколько драгоценных камней. И он их взял, застенчиво отведя в сторону глаза. Через несколько минут лимузин, поджидавший мадам Чэн, уже мчал контрабандистку к заранее обусловленному месту встречи с оябуном.

Как вы, очевидно, успели догадаться, мадам из Гонконга встретилась в тот вечер не с оябуном, а с комиссаром полиции. Спектакль в таможне был разыгран с изящным искусством. Он позволил арестовать не только Чэн, но и ее токийских сообщников по контрабанде наркотиками и алмазами (она привезла в тот вечер «товара» на 80 миллионов иен).

Мне хотелось в этих заметках назвать имена токийских полицейских и таможенников, которые разыграли этот «бриллиантовый спектакль», но они просили оставить их безымянными — ведь их нелегкая служба продолжается. И я невольно подумал: как хорошо, что есть еще в Японии люди, которые не «устали» от своей жизни, как это случилось с сержантом Масатаки Ваки.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ОТЕЛЕ «ГРАНД ПАЛАС»

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ЭТАЖ

После прошедшего под утро ливня улицы Токио походили на парную. Первый августовский тайфун уже отшумел над японской столицей, и, судя по всему, этот дождь стал его последним заключительным аккордом. Но солнце было еще задернуто серым покрывалом облаков.

Ким Тэ Чжун, шаркая шлепанцами, подошел к окну, неторопливым движением отодвинул в сторону плотную штору. Рассеянный уличный свет вяло упал на низенький журнальный столик. Окна номера выходили на запад, и даже в ясный день солнце посещало временное пристанище Ким Тэ Чжуна лишь после пяти часов вечера. Он щелкнул выключателем телевизора и прошел в ванную. Из зеркала над громоздким фарфоровым умывальником на него глянуло лицо уставшего от тревог молодого человека. Желтая сморщенная кожа дряблыми складками висела на квадратных скулах. Ровные ниточки жестких бровей подчеркивали выпуклый лоб с ежиком черных волос. Из-под них щурились щелочки глаз с темными матово блестящими зрачками.

Наскоро ополоснув лицо и руки холодной водой, Ким Тэ Чжун накинул на острые плечи легкий халат. На широких рукавах, спине, длинных, путающихся в ногах полах английскими буквами было выведено название отеля: «Гранд палас».

Постоялец 2211-го номера «Гранд паласа» тяжело опустился в кресло перед цветным телевизором марки «Сони», прислушался к монотонной, словно звучащей на одной ноте, речи комментатора. И хотя его родным языком был корейский, он, прожив в Токио без малого десять месяцев, уже мог уловить основной смысл телепередачи. Получасовая утренняя программа посвящалась событиям на Корейском полуострове.

Ким Тэ Чжун повернул рычажок, прибавил звук и весь обратился в слух. На экране появилась знакомая со школьной скамьи географическая карта — схема полуострова. Названия городов — Сеул, Пхеньян, Вонсан были обозначены японскими иероглифами, но он «читал» их так же свободно, как прилежный ученик сдает учителю страноведения экзамен по немой карте. Жирная белая линия, наложенная на 38-ю параллель, разделяла полуостров на два государства — Корейскую Народно-Демо-

кратическую Республику и Южную Корею. Засыпать эту разверзшуюся пропасть, укрепить пока еще зыбкие связи между Югом и Севером Кореи, приблизить день мирного объединения страны — вот какими мыслями жили все эти долгие месяцы Ким Тэ Чжун и его товарищи по борьбе, такие же политические эмигранты. «Скоро,— скучным беспристрастным голосом вещал диктор,— состоятся экономические консультации на правительственном уровне между Японией и Южной Кореей. Эта страна крайне заинтересована в модернизации стратегических областей своей промышленности с помощью японских инвестиций...»

Ким Тэ Чжун взглянул на мини-календарик, вмонтированный в циферблат ручных часов: «Сегодня 8 августа. Стало быть, консультации состоятся...» — Он скосил глаза на дверь, выходящую в гостиничный коридор. С минуты на минуту должен был прийти Ян Ир Дон. Он пригласил его к себе в гостиницу для обсуждения некоторых практических вопросов, связанных с деятельностью политических эмигрантов, проживающих в Японии. Тотчас после завтрака Ким Тэ Чжун вместе с Ян Ир Доном отправятся к Императорскому дворцу и там с глазу на глаз поговорят о делах. Так было задумано.

Японо-южнокорейский военный альянс принимал с каждым годом все более зловещие черты. Это ни для кого уже не было секретом. Последние переговоры между Токио и Вашингтоном позволяли судить о том, что с Японии не снимается ранее возложенная Соединенными Штатами ответственность «за безопасность южнокорейского режима». Печать широко комментировала эту далеко идущую формулу. Сведущие наблюдатели указывали на реальную возможность увеличения японской стороной поставок военного снаряжения сеульскому режиму. Стало известно, что делегация высоких чинов управления японских сил самообороны и научно-исследо-

вательского центра отправилась в Южную Корею, где знакомится с положением дел в южнокорейской армии.

В дверь осторожно постучали. Ким Тэ Чжун поднялся навстречу гостю. Он уже успел сменить гостиничный халат на легкий серый костюм.

— Входите, входите! — Он протянул руку. В его манере держаться было что-то доверчивое и вместе с тем властное. — Вы точны, Ян Ир Дон, как обычно. — Пропуская вперед главного гостя, он столь же приветливо поздоровался с его приятелем Ким Гён Ином. Оба они были хорошо знакомы Ким Тэ Чжуну, и он внутренне даже обрадовался, что Ян привел с собой Ким Гён Ина. «Это придаст нашей встрече более естественный характер и вызовет меньше подозрений у разного рода «наблюдателей», — подумал он.

— И не страшно вам жить на двадцать втором этаже? — полушутя поинтересовался Ян Ир Дон, указывая легким кивком головы на журнальный столик.

— Ах это... — рассеянно протянул владелец номера. — Полагаю, что волнение преждевременное. — Он взял со столика один из последних номеров «Дейли Иомиури» с фотографиями «проснувшегося» вулкана Асо в префектуре Кумамото. — Восемь лет молчал, а посмотрите, какой кра-са-вец! — нарочито растягивая последнее слово, Ким сделал на нем ударение.

— Вам не кажется, что от действующего вулкана до землетрясения может оказаться всего один миг? — Ян Ир Дон прищуренными глазами обвел почти квадратную комнату, как бы спрашивая хозяина, в какой стене могут быть запрятаны подслушивающие устройства, и нарочито громко продолжал:

— Помните землетрясение 1923 года? Потребовалось всего восемь секунд, чтобы превратить Токио в руины и пепелища. Но тогда в столице проживало что-то около полутора миллионов человек. Не выбралось из этой катастрофы 140 тысяч. Нынешний город вобрал

в себя 12 миллионов жителей. Представляете, какие возможны жертвы?!

Хранивший до этого молчание Ким Гён Ин заметил:

— Я слышал, что японские тектоники разработали «упреждающий» проект борьбы с землетрясениями. Они предлагают пробурить в зоне наиболее вероятного эпицентра несколько десятков скважин, заложить в них взрывчатку и искусственно вызвать опережающее землетрясение...

— Я не специалист в этой области, но это все равно что выпустить из бутылки джина,— засмеялся Ян Ир Дон.

— Между прочим, туристические фирмы и торговцы называли очнувшийся вулкан Асо «злым джином»,— потряс газетой Ким Тэ Чжун.— Они из-за него терпят сплошные убытки. Ежегодно в префектуру Кумамото наезжало до 30 тысяч любителей горных троп и пейзажей. А теперь полиция запретила приближаться к горе Асо на пушечный выстрел. Вот, почитайте!

— Зато наши иммиграционные власти распахнули перед японскими туристами все двери,— ехидно вставил Ким Гён Ин.— Сто девяносто тысяч за восемь месяцев. Невиданная цифра!

Ким Тэ Чжун, пользуясь правом хозяина, вежливо прервал беседу и пригласил гостей к завтраку. Столик был скромно сервирован на три персоны. «Словно знали, что я буду не один»,— подумал про себя Ким Тэ Чжун, но тут же отогнал эту мысль и начал изучать меню.

В центре на белой скатерти стояла изящная вазочка с пурпурным тюльпаном. Бесшумно двигались официанты. Из-под надвинутого изящным козырьком потолка ненавязчивым пианиссимо по залу растекалась знакомая мелодия из популярного кинофильма «История любви». Наконец подали кофе.

Ровно в 13 часов 30 минут Ким Тэ Чжун и его коллеги покинули столик и, не торопясь, направились к выходу. В дверях Ким Тэ Чжун успел заметить открытую, совершенно пустую кабину лифта, незнакомых людей в масках и вдруг почувствовал, что проваливается куда-то вниз...

«ПЛЮС 17»

Машина с дипломатическим номером на повышенной скорости проскочила мимо ограды Белого дома, свернула в полупустой, окутанный бурым мраком переулок, неожиданно развернулась на сто восемьдесят градусов и, захлебнувшись в выхлопном облаке газа, помчалась обратно. Вечерний Вашингтон, обряженный сполохами рекламы, жил своей размеренной жизнью.

На уныло длинной торговой магистрали негритянского квартала бисер электрических лампочек отражался в черных лужах тротуара, соперничая с трепетными бликами перевернутых созвездий. Автомашина с выключенными фарами вырвалась из прилегающей улицы и остановилась перед лавкой деликатесов. Из нее вышел человек среднего роста в легком плаще и незаметно слился с разношерстной толпой. Через час с небольшим он уже сидел в кабинете своего шефа на территории южнокорейского посольства, четко фиксируя в памяти рубленные фразы инструктажа:

— Наши консульские работники заготовили для вас новый дипломатический паспорт с западногерманской въездной визой. Вам надлежит первым же рейсом вылететь в Бонн. Там вас ждет пост советника посольства. В этом качестве вам надлежит провести операцию особой важности. Детали узнаете на месте. Пока запомните главное: отныне вас зовут не Ли Сан Хо, а Ян Дон Вон.

Резюмирую: вы — господин Ян, советник южнокорейского посольства в ФРГ. Надеюсь, все понятно?

...Погожим июньским днем 1967 года Ян Дон Вон сошел по трапу самолета авиакомпании «Люфтганза» на поле международного аэропорта Кёльн-Бонн.

С той поры когда Ян близко познакомился в Сеуле с директором Центрального разведывательного управления и перешел к нему на службу, сменив мундир офицера морской пехоты на фрак дипломата, ему приходилось выполнять разные задания. Под вымышленными фамилиями он подвизался в посольствах, специализировался на краже секретных документов, занимался вербовкой шпионов, набил руку на шантаже и провокациях. Какую «работу» ему предложат здесь, на берегах Рейна, он еще не знал, но догадывался, что «простой» игры ожидать не приходится. Его считали птицей «высокого полета».

— Итак, господин советник,— посол Южной Кореи в Бонне Дук Шин Чой многозначительно приподнял брови,— вам предстоит провести операцию под кодовым названием «Плюс 17». Скажу откровенно, задание не из легких, но вам оно по плечу. Иначе мы как-нибудь обошлись бы собственными силами и не тревожили вас с этим срочным вызовом из Вашингтона.

Ян Дон Вон из собственного опыта знал: если секретное задание исходит от самого посла, значит, дело носит совершенно особый характер и связано с непосредственной директивой «Центра».

— Вам сорок лет, господин советник, а для человека с вашей нелегкой, я бы добавил рискованной, профессией этот возраст означает расцвет сил и творческих возможностей,— расплывшись пастозными щеками, польстил Ян Дону Вону посол.— А теперь, не теряя времени, перейдем к существу нашего дела.

Они спустились по лестнице во двор посольства...

Не одну бессонную ночь провел в то лето Ян Дон

Вон, раскладывая перед собой сложнейший пасьянс операции. В кратчайший срок ему предстояло «обезвредить» группу южнокорейских граждан, находившихся в ФРГ и выступавших против сеульского режима. В понятие «обезвредить» входило не только похищение семнадцати инакомыслящих лиц, но и их насильственный вывоз в Сеул.

Ян Дон Вон выполнил задание и 7 декабря 1967 года снова объявился в США под своим прежним именем Ли Сан Хо, беспрепятственно получив аккредитацию при южнокорейской миссии в ООН в ранге министра. Дипломат-разведчик был высоко отмечен начальством: ему присвоили звание бригадного генерала разведки. «Я привел этих бунтовщиков в посольство, даже не связав никому руки,— бахвалился генерал-гангстер на банкете среди своих самых близких дружков-сослуживцев.— А потом мы затолкали их, как стадо баранов, в транспортный самолет и перебросили из Бонна в Сеул. Ну, а там с ними обошлись по всем правилам. Кое-кого поставили к стенке. В том числе и этого сочинителя музыки Юн И Сана...»

ЗАПАДНЯ

Наступил 1971 год — год так называемых «президентских выборов» в Южной Корее. Прелюдией к этой грязной кампании взяточничества, подкупов, спекуляций явилась широкая полоса арестов и преследований лиц, неугодных сеульскому режиму. Ведущая роль в этом крестовом походе принадлежала шефу южнокорейского ЦРУ Ли Ху Раку. Это именно по его указке сеульская охранка

учинила жестокую расправу над священнослужителями Пак Хэн Гю и Квон Хо Геном. Противники раскола страны профессор Пак Дэ Ин и бывший член «национального собрания» Ки Гю Нам были убиты. В тюрьму бро-

шен один из прогрессивных армейских офицеров Юн Пиль Ён.

Охранка не осталась в стороне, когда кандидатом в президенты от оппозиционной Новой демократической партии в начале 1971 года был выдвинут Ким Тэ Чжун. Он обратился к народу с широкой позитивной программой: демократизация южнокорейского общества, развитие связей между Югом и Севером Кореи и, наконец, мирное объединение страны.

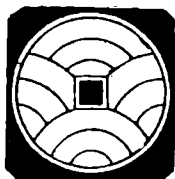
Политическую платформу Ким Тэ Чжуна сеульские власти расценили как «подрывную» и, несмотря на то что он собрал около пяти с половиной миллионов голосов, пошли на него в атаку с открытым забралом. Анонимные звонки по телефону, угрозы в письмах, интриги, шантаж, сплетни — все это было пущено в ход против главы оппозиционной партии. Когда Ким Тэ Чжуну стало известно, что над ним готовится физическая расправа, он, по совету друзей и единомышленников, решил эмигрировать. Это совпало по времени с введением в Южной Корее чрезвычайного положения: стоял октябрь 1972 года.

Ким Тэ Чжун поначалу избирает местом своего временного местожительства США, где имеется сравнительно большая колония южнокорейских эмигрантов, оппозиционно настроенных к режиму Пак Чжон Хи. Он видит реальную возможность объединить этих людей и организовать на борьбу за единую демократическую Корею. В июле 1973 года ему удастся создать «Национальный конгресс за восстановление демократии в Южной Корее и воссоединение страны». Окрыленный успехом, Ким Тэ Чжун полон кипучей энергии и оптимизма. А в это время шеф южнокорейского ЦРУ Ли Ху Рак и его подручные в США пристально следят за каждым его шагом и выжидают момент, чтобы убрать с дороги.

На арене вновь появляется зловещая фигура бригадного генерала, теперь уже посланника при южнокорей-

ском посольстве в Вашингтоне — Ли Сан Хо. Нити заговора с целью убийства лидера южнокорейской оппозиции ведут к нему, повзрослевшему на шесть лет «Ян Дон Вону». По разработанному сеульской разведкой графику в это самое время в пригороде Нью-Йорка оказывается бывший директор сеульской охранки, закадычный друг и крестный отец своего ставленника Ли Сан Хо — Ким Хыун Вук. Вслед за ним в Вашингтон прибывает Дук Шин Чой, тот самый южнокорейский посол в Бонне, который давал в свое время Ли Сан Хо инструкции по похищению семнадцати патриотов. И если этот последний формальным предлогом для своего вояжа избрал участие в сборище отребья из так называемой «антикоммунистической лиги», то бывший шеф ЦРУ сумел оказаться в Нью-Йорке вполне «профессионально»: о его приезде иммиграционные власти США не имели никаких сведений (!). Во всяком случае, так писала осведомленная газета «Нью-Йорк таймс».

Однако сеульской разведке так и не удалось расправиться с Ким Тэ Чжуном. Получив своевременный сигнал от эмигрантов-соратников по совместной борьбе, он успел покинуть американскую землю раньше, чем машина преследователей достигла аэропорта Кеннеди.

ЧАСЫ ПРОБИЛИ ДЕСЯТЬ

8 августа 1973 года. 13 часов 30 минут, Токио. Гостиница «Гранд палас». Скоростной лифт стремительно проходит световую отметку «1-й этаж» и опускается еще ниже в подземный гараж. Человек вздрагивает: кто-то резким коротким движением вводит ему в руку иглу шприца. Секундная боль, и перед затуманенным взором плывут, кувыркаются радужные круги. Но он еще чувствует на своей шее чьи-то холодные сильные пальцы, слышит прерывистое дыхание,

обрывки слов незнакомых лиц. Его обмякшее тело спешно заталкивают в машину. Он пытается оказать сопротивление, кричать. Нет, поздно — силы иссякли, рот, глаза туго-натуго перевязаны зловонной тряпкой. Мрак лабиринтов подземного гаража сменяется мраком исчезающего мироощущения.

Но вызванный инъекцией принудительный сон длится недолго. «Они не рассчитали дозу», — от одной этой мысли становится немного легче, хотя неизвестно, чего ждать в следующую секунду. Всеми порами Ким Тэ Чжун начинает ощущать скорость движения автомашины. Короткие остановки следуют через каждые две-три минуты. Это — светофоры на перекрестках. Значит, они все еще едут в черте перегруженного транспортом города. От перегревшегося мотора нечем дышать. Окна плотно закрыты. Лицо придавлено к шершавой спинке сиденья. Теперь машина задержалась на месте подольше. Что это? Полицейский кордон? Нет, в Токио служба дорожной полиции на автомашинах. Тогда какая причина вынудила их остановиться и ждать? Ну конечно же, обычная пробка перед «Толл гейт»! Ворота — въезд на загородное шоссе. Здесь надо платить подорожный налог... И снова он впадает в забытие. Теперь уже от града ударов по голове, животу, спине.

Проходит, кажется, целая вечность, прежде чем к нему снова возвращается сознание и он пытается восстановить события сегодняшнего утра. Да, да, сразу после завтрака в гостинице «Гранд палас» с Ян Ир Доном и Ким Гён Ином они направились к лифту. Он собирался рассказать коллегам о планах организации в Токио штаб-квартиры «Национального конгресса за восстановление демократии в Южной Корее и воссоединение страны»... Ян Ир Дон и Ким Гён Ин находились рядом, когда он при выходе из ресторана сделал последний шаг. Потом его тело перестало повиноваться разуму.

В третий раз Ким Тэ Чжун очнулся на морском берегу. Он уловил соленый, пахнущий гниющими водорослями ветер, ровный шум набегающих на песок волн. Его выволокли из машины и бросили на дощатую палубу баркаса. «Спеленай его так, чтобы акула могла с ним разделаться как положено»,— прорычал кто-то над самым его ухом. Ким Тэ Чжун решил, что они собираются выбросить его в море. Он почти утвердился в этой мысли, когда почувствовал, что кто-то, чертыхаясь, привязывает к его ногам и рукам увесистые железные грузила.

Затарахтел мотор. Баркас вздрогнул и, набирая ход, легко пошел от берега. Часа через два его перетащили в каюту, пнули напоследок в живот сапогом и оставили в покое. Тело ныло, голова раскалывалась от побоев. Наконец, днище баркаса заскрежетало по прибрежной гальке. Его кто-то окликнул. Это был врач. Он приказал снять рубашку. Затем осмотрел руки, ноги, измерил кровяное давление и кому-то крикнул, что оно у «пациента упало».

— Сделай ему укол или угости его чем-нибудь,— слышалось в ответ,— да так, чтобы это самое давление больше не барахлило! — Вокруг засмеялись.

Инъекция возымела почти моментальное действие: Ким Тэ Чжун погрузился в глубокий тяжелый сон, который длился сутки, а может быть и больше.

— Приказываю не двигаться и не подавать голоса ровно три минуты! Понял? Не двигаться! — кто-то надсадно прохрипел ему в самое ухо. Рядом мерно рокотала машина. Но вот мотор взвыл, рванул — и все сразу стихло. Он ощущал, как пульсирует в висках кровь, слышал тонкое пение цикад.

Изнемогая от слабости и побоев, Ким Тэ Чжун сорвал с глаз повязку, приподнялся на локте и оглянулся. Здесь все было знакомо. Каждый особнячок, каждая улица. Он лежал на земле перед своим собственным домом в пригородном районе Сеула Содэmun. Сквозь раскрытое на-

стежь окно гостиной отчетливо донесся бой старинных настенных часов. Десять глухих ударов. Солнце уже поднялось довольно высоко. Тень от дома почти касалась его распухших связанных ног. Он взглянул на циферблат часов. На календаре было 14 августа 1973 года.

КУДА ВЕДУТ СЛЕДЫ

*Курту Вальдхайму,
генеральному секретарю ООН,
Нью-Йорк*

«В настоящее время лидер южнокорейской оппозиции Ким Тэ Чжун находится в Сеуле под домашним арестом, южнокорейские власти намерены наказать его на основании антикоммунистического закона страны. Представляется сомнительным, чтобы Сеул внес ясность в неблагоприятную историю похищения

Ким Тэ Чжуна 8 августа и, тем паче, чтобы он был освобожден из-под ареста. Для возвращения его в Японию мы просим вас оказать нажим на южнокорейские и японские власти, чтобы они предприняли серьезные и действенные шаги в этом направлении.

Токио, 31 августа 1973 года“
(Из телеграммы председателя социалистической партии Японии Нарита.)

«...Сведения, которыми мы располагаем в связи с похищением видного оппозиционного деятеля Ким Тэ Чжуна, позволяют сделать вывод о сотрудничестве в этом инциденте южнокорейской разведки и японской службы безопасности. По существу совершение этого акта насилия южнокорейскими властями подрывает суверенитет Японии».

(Из запроса депутата-коммуниста Ц. Хосино в юридической комиссии верхней палаты японского парламента 23 августа 1973 года.)

«Японский посол в Сеуле Т. Усироку обратился с официальной просьбой к южнокорейским властям вернуть Ким Тэ Чжуна и вместе с ним его двух коллег — оппозиционных политических деятелей Ян Ир Дона и Ким Гён Ина. Посол подчеркнул, что это необходимо для расследования, которое ведут японцы по поводу обстоятельств похищения Кима».

(Из телеграммы агентства Киодо Цусин, Сеул, 4 сентября 1973 года.)

«Самые различные круги и печать страны требуют немедленно возвратить Ким Тэ Чжуна в Японию, провести тщательное расследование дела и наказать виновных. Только так правительство может заверить нас в том, что оно не допустит повторения подобных случаев в будущем».

(Из редакционной статьи „Токио симбун“. Токио, 5 сентября 1973 года.)

День 8 августа выдался в Токио на редкость жарким и влажным. На газонах, возле стадиона Коракуэн, где пышно цвели азалии, с дерева на дерево стремительно переносились стайки юрких, пронзительно кричащих птиц. Зарывшись в темно-зеленой пышной листве гинко, они умолкали на какой-то момент, потом снова устремлялись вперед.

Мужчина среднего роста в черном тропической ткани костюме от приличного портного проводил глазами последнюю стайку птиц, посмотрел на часы и размеренным шагом направился в сторону гостиницы «Гранд палас».

С тех пор как в 1965 году Южная Корея заключила так называемый южнокорейско-японский «договор о нормализации межгосударственных отношений», по которому Токио признал сеульский режим в качестве «единственного правительства на Корейском полуострове», посланник посольства Южной Кореи в Токио Ким Чэ Квон и его коллеги чувствовали себя в этой стране на высоте. «Конечно, не так вольно, как эти перелетные птички, но мы тоже можем себе кое-что позволить!» — улыбался собственным мыслям посланник.

Когда Ким Чэ Квон вошел в вестибюль отеля «Гранд палас», электрические часы над конторкой дежурного администратора показывали 14 часов 15 минут. Обойдя погруженный в полумрак холл с напускным видом скупающего человека, он опустился в глубокое мягкое кресло и достал из кармана пиджака газету.

Мимо сновали возбужденные, переполненные радостью встречи с загадочным восточным городом американские туристы, дымя дорогими заморскими сигарами, медленно прохаживались об руку с отцами города деловые люди. Мальчишки-бои в униформе катили по коврам вестибюля тележки с чемоданами, коробками, зонтами — от автобусов и легковых машин до стеклянных дверей и от стеклянных дверей до бесшумных скоростных лифтов. Отель бурлил привычной жизнью с ее атмосферой телефонных звонков, случайных и деловых встреч, многозначных взглядов и долгих рукопожатий. Ничто не говорило здесь о том, что всего лишь сорок пять минут назад в чреве этого отеля было совершено преступление.

Казалось, ничто не могло пролить свет, выдать зачинщиков, организаторов и непосредственных участников похищения Ким Тэ Чжуна.

Но это только казалось...

СВИДЕ- ТЕЛЬ- СТВУЮТ ДОКУ- МЕНТЫ

Выдержки из показаний и заявлений лифтеров, боев, официантов, постояльцев отеля «Гранд палас», представителей южнокорейской эмиграции, следователей и полицейских чинов:

— Посланник Ким Чэ Квон пришел в гостиницу в два часа пятнадцать минут.

— План похищения лидера оппозиции был разработан лично Ким Чэ Квон. Его визит в «Гранд палас» через 45 минут после совершения преступления связан исключительно с «проверкой исполнения задания». Ким Чэ Квон дипломат-разведчик. Его подлинная фами-

лия — Ким Ки Вань. Он — бывший генерал южнокорейских ВВС, а теперь — один из руководителей Центрального разведывательного управления Южной Кореи.

— Ким Чэ Квон выполнял прямую директиву шефа сеульской разведки Ли Ху Рака. Ему поручили довести до конца дело, которое сорвалось в Соединенных Штатах у посланника генерала Ян Дон Вона.

— В распоряжении токийской полиции имеются отпечатки пальцев другого сеульского дипломата. Их обнаружили в номере гостиницы «Гранд палас», где проживал похищенный Ким Тэ Чжун. Это — первый секретарь южнокорейского посольства в Токио Ким Дон Вон. Он тоже связан с сеульским ЦРУ.

— Я жил в «Гранд паласе» и видел подозреваемых похитителей. По фотографии я опознал первого секретаря южнокорейского посольства Ким Дон Вона. Он действительно находился среди пятерых неизвестных, которые около 12 часов дня 8 августа поднялись лифтом на 22-й этаж отеля.

— До токийской полиции дошли слухи о том, что Ким Тэ Чжун будет похищен приблизительно 10 июля, вскоре после того как он прибыл в Японию из Соединенных Штатов. Полиция вела наблюдение за Ким Тэ Чжуном до конца июля. Однако ничего не случилось, и пост был снят. Позже полиции стало известно, что группа неизвестных лиц ведет слежку за Кимом. Они начали шпионить за ним с конца июля. Полиция продолжает разыскивать участников этой группы, которые, по-видимому, являются южнокорейцами, проживающими в Японии.

Итак, подведем итог. Нити заговора против южнокорейского оппозиционера Ким Тэ Чжуна ведут в Сеул, к теперь уже отставному шефу ЦРУ Ли Ху Раку. Среди участников этого заговора — подручные Ли Ху Рака в Соединенных Штатах и Японии, облаченные во фраки дипломатов. Помимо первого секретаря посольства Ким Дон Вона, который сразу сбежал в Сеул, японская печать назвала еще ряд дипломатов-разведчиков, а также сотрудников других официальных организаций сеульского режима, представленных в Японии. Из 70 членов посольства Южной Кореи, по данным японских властей, 21 человек сотрудничает с сеульским ЦРУ.

В полицейском управлении говорят: «Мы старались быть корректными, поскольку во всей этой истории затрагивается статут иностранных дипломатов». В этой связи мы не сочли возможным сразу же провести аресты даже тех лиц, по поводу которых имелись «все доказательства их соучастия в преступлении» (!!).

Добавим: и дали им возможность беспрепятственно выехать за пределы страны.

Не ясным во всей этой истории остается еще один момент: как могла японская полиция «снять наблюдение» за Кимом, располагая сведениями о готовящемся покушении? От кого был получен такой приказ?

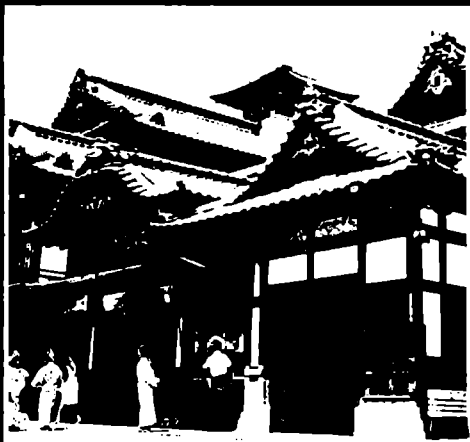
Вот что писала в своей передовой статье газета «Акахата»: «Следует обратить серьезное внимание на

то, что это дело могло возникнуть лишь при нынешнем характере японо-южнокорейского сотрудничества. Оно свидетельствует о тесных связях между японской полицией и комиссией по делам общественной безопасности, с одной стороны, и разведывательными органами режима Пака — с другой. Японское полицейское начальство регулярно получает приглашения из Сеула и наносит туда «дружеские визиты».

Может быть, именно здесь и надо искать ключ к разгадке этого скандального дела, которое, по свидетельству японских обозревателей, переросло в «серьезный политический» вопрос, вскрыло еще одну неприглядную сторону японской действительности.

Любопытно, что южнокорейский президент Пак Чжон Хи в начале декабря 1973 года перетасовал свой кабинет и убрал с поста шефа разведки Ли Ху Рака. Даже для сеульского режима он оказался слишком уж одиозной фигурой.

ПОД ЛИЧИНОЙ СПОРТСМЕНОВ

Фраза «в Японии спорт на высоте» говорит скорее ни о чем, чем обо всем. Однажды, приехав по делам в Институт генетики в городок Нумадзу, я наблюдал за тренировкой молодежи на стадионе. Методика занятий, их организованность, четкость были достойны всяческой по-

хвалы. Япония славится своими волейболистами, гимнастами, на ее счету немало олимпийских побед. Об этом уже много написано и еще больше, видимо, будет сказано. А мы давайте зайдём за кулисы раздевалок и тренировочных залов и попробуем оттуда взглянуть на спортивную жизнь, а точнее — на подход к ней большого бизнеса.

ТИХО- ОКЕАН- СКИЙ КЛУБ

«Превратим Тихий океан в Японское озеро!» — под таким девизом в Токио создан новый «Тихоокеанский клуб». Эта идея несколько лет горячо обсуждалась в среде промышленно-финансовых магнатов Японии. Казалось бы, какое отношение могут иметь миллионеры, хозяева ведущих монополистических корпораций Японии к организации спортивного клуба, да еще с таким претенциозным девизом?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо из мира спорта углубиться в мир политики.

До недавнего времени Япония предпочитала оставаться в тени политической и экономической жизни стран Тихоокеанского района. Однако, выйдя на второе место после США в капиталистическом мире по размерам своего промышленного потенциала, Япония начала приглядываться к разбросанным в Тихом океане землям. Бедная ресурсами страна, промышленность которой работает практически на привозном сырье (нефть, железные руды, бокситы и т. д.), стала ощущать невозможность постоянного существования за счет импорта промышленного сырья из Юго-Восточной Азии и с Ближнего Востока. Необходимо было подыскать новые источники «питания» растущей промышленности. Остров Науру, который с давних пор являлся базой снабжения Японии фосфатами, стал независимым государством. Бога-

тый ценными лесными породами архипелаг Западное Самоа еще раньше обрел суверенный статус. К этому списку можно прибавить государства Тонга и Фиджи, которые также избавились от «опеки» колонизаторов и проводят самостоятельную политику.

Острая конкурентная борьба вынуждает японский бизнес искать обходные пути для проникновения в другие страны. Одним из таких путей и избран спорт. В газетах и журналах Японии и стран Тихого океана замелькали рекламы нового необычного клуба «на акционерных началах» с основным капиталом в миллиард иен. Вскоре появились в печати имена руководителей акционерного общества — вице-президента крупнейшей сталелитейной компании Японии Х. Фудзи, банкира Э. Комияма и других промышленников. Дальше — больше.

Объявлено, что членом «Тихоокеанского клуба» может стать каждый японский гражданин, который внесет 5 миллионов 300 тысяч иен. Чтобы представить себе астрономический размер этой суммы, заметим, что средняя заработная плата рабочего составляет 90 тысяч иен в месяц. Понимая это, устроители клуба в рекламном проспекте успокаивают: «На первый взгляд, сумма в 5 миллионов может показаться огромной. Но вспомните создание гольф-клуба в префектуре Тиба! Вступительный взнос составлял тоже 5 миллионов, однако через несколько месяцев записаться в клуб было уже невозможно. При этом в Тибе предполагалось разбить всего лишь одну площадку для игры в гольф. А мы намерены оборудовать 100 площадок».

Не нужно большого воображения, чтобы представить, каков должен быть имущественный ценз будущих членов новоявленного клуба. В него вступают те самые воротилы большого бизнеса Японии, которые в погоне за сверхприбылями развернули экономическое наступление сначала в странах Юго-Восточной Азии, а теперь подключили к этой орбите Тихий океан. Директор банка

«Хэйва-Собу», он же президент компании «Собу-тосикайхацу», Э. Комияма в беседе с корреспондентом журнала «Сюкан-бунсюн» довольно откровенно признался, что создание «Тихоокеанского клуба» если и связано со спортом, то довольно косвенно. Дав понять, что экономическая экспансия Японии будет расширяться, Комияма сказал: «Тенденция сейчас такова, что в дальнейшем все большее число японцев будет находиться не только в краткосрочных командировках за границей, но и подолгу жить там (имеется в виду бассейн Тихого океана.— В. К.). Это обстоятельство натолкнуло на мысль о необходимости создания нашего клуба, чтобы превратить Тихий океан в Японское озеро». Иными словами, отделение «Тихоокеанского клуба» в любой стране — это визитная карточка Японии, ее аванпост, «витрина» японского современного образа жизни и в то же время трамплин для дальнейшего наступления японского бизнеса.

Запись в члены клуба еще продолжается (для полного укомплектования необходимо набрать 100 тысяч человек!), а штабисты уже развернули бурную активность. Прежде всего клуб стал патронировать известную японскую профессиональную бейсбольную команду «Ниситэцу лайонз», переименовав ее в «Танхэйе лайонз» («Тихоокеанские львы»). Клуб провел беспрецедентное в истории мировых чемпионатов по гольфу соревнование с участием 84 звезд международного класса, разыграв призы на сумму 100 миллионов иен.

Уже вступила в строй первая площадка для игры в гольф на острове Гуам. «Три часа полета на реактивном лайнере от Токио!» — гласит реклама. Обратите внимание, какой невинностью веет от этого объявления! Клуб как ни в чем не бывало приглашает на тот самый американский Гуам, откуда стартовали американские В-52, совершавшие разбойничьи рейды в Индокитай, где по

соседству со спортивными площадками разместилась крупнейшая база ВВС США «Андерсен». Финансировала строительство площадки уже знакомая нам компания «Собу-тоси-кайхацу», добавив применительно к новым обстоятельствам для камуфляжа к своему названию еще одно слово — «Гуам».

А вот другое сообщение, уже с Гавайских островов. Если Гуам, географически принадлежащий к архипелагу Марианских островов, пользуется особым статусом не включенной в состав США территории и административно подчиняется министерству внутренних дел США, то Гавайи являются полноправным американским штатом. Однако японские бизнесмены-спортсмены сумели взломать пограничные, таможенные и прочие барьеры, проникнув даже туда. Дочерняя компания крупной строительной корпорации «Фудзита-гуми» приобрела на Гавайях 12 акров земли за 5 миллионов долларов «под строительство домов». Надо сказать, что планы членов «Тихоокеанского клуба» не ограничиваются разбивкой площадок для игры в гольф. Их интересы куда шире! С учетом запросов членов клуба будут сооружаться плавательные бассейны, корты, гостиницы, пристани для рыбной ловли, яхт-клубы. Словом, все обставляется солидно, делается всерьез и, как видно, надолго.

Было время, когда Япония с помощью самурайского меча пыталась создать «великую сферу процветания», куда должны были войти и районы Тихого океана. Пыталась, но не создала. Ныне промышленные магнаты Японии с помощью «спортивного бизнеса» задумали «превратить Тихий океан в Японское озеро» и расчистить путь для своей экономической экспансии. Насколько это осуществимо — покажет будущее.

Во всяком случае, во многих странах этого района с пристальным вниманием следят за действиями японских промышленников, рядящихся в тогу спортсменов.

УДАР ПО «ИМПЕРИИ БОУЛИНГА»

Около одиннадцати часов вечера я возвращался на машине из Одавара в Токио. До скоростной дороги оставалось каких-нибудь 2—3 километра. Бензобак был почти пуст, и я решил остановиться у заправочной станции. Ожидая, пока заправят бензин, перелистывал рекламный проспект местных спортивных сооружений. В нем были обозначены теннисные корты и плавательные бассейны, футбольное поле и гимнастический зал, площадки для игры в гольф и кегельбан.

Едва я отъехал от заправочной станции, как на дорогу из придорожного здания для игры в кегли, которую здесь называют «боулинг», буквально вывалилось с полдюжины длинноволосых подростков. Они находились в состоянии сильного возбуждения, размахивали руками, что-то кричали, норовили преградить путь то одной, то другой машине. В общем, по всему было видно, что молодчики «доигрались»...

Мне трудно сказать, насколько кегли относятся к разряду спортивных игр, но японские газеты постоянно публикуют результаты соревнований в кегельбанах в разделе спортивной хроники. Существует даже японская ассоциация профессиональных игроков в кегли. В ней состоят 300 мужчин и 83 женщины.

Настоящий бум по сооружению «боулингов» начался в Японии несколько лет назад. Залы росли как грибы. Гигантские бутафорские кегли самых немыслимых расцветок украсили причудливо изломанные крыши игорных заведений, светились по ночам на придорожных рекламных щитах. Игры «мастеров эбонитового мяча» стали неотъемлемой частью телепередач. Лишь за год количество построенных «боулингов» достигло около трех с половиной тысяч. Большинство из них принадлежит упомянутой японской ассоциации владельцев кегельбанов.

Поначалу внешне безобидная игра, завезенная в Японию из США, ни у кого не вызывала отрицательных эмоций. Особенно она приглянулась ловким предпринимателям. Бизнесмены усмотрели в импортированном новшестве возможность быстро и легко заработать. Начались гонки по строительству «боулингов». Эти люди знали: чем быстрее зал вступит в строй, тем больший куш положит в свой карман строительная компания. Одновременно плодились мелкие предприятия по производству кеглей, шаров, специальных стульев, спортивной одежды. Дело дошло до внедрения в игру электроники.

Однако в слепом ажиотаже стяжатели не смогли заглянуть вперед, разглядеть перспективы собственного бизнеса — подвела алчность. Первыми против эпидемии игры в кегли выступили блюстители порядка. Ибо там, где вырастали «боулинги», словно их тень, росла и преступность.

В полицейском управлении Токио мне рассказали, что кегельбаны из спортивных заведений зачастую превращаются в рассадник зла и насилия. Конечно, многое зависит от самого хозяина «боулинга». От того, как он поставит дело. Но уследить за всеми темными махинациями довольно трудно. Молодежь нередко заигрывается допоздна, в ход пускаются деньги, и дело доходит до скандалов, даже уголовных преступлений. Сигналы бедствия стали поступать и из отдельных семей. Все это вынудило полицию принять меры для наведения порядка в «боулингах».

Владельцы игровых залов начали спешно вкладывать деньги в другие доходные предприятия. Однако удар по «империи боулингов» был, видимо, нанесен сильный. Газеты сообщают об участвовавших случаях банкротств королей кегельбана. Закрываются залы и предприятия по производству оборудования в префектурах Ибараки, Акита, в Саппоро. Полностью обанкротились токийские фирмы «Танака корпорейшн», «Ниппон боулинг», «Кубота

боулинг». Ассоциация держателей «боулингов» пытается как-то гальванизовать умирающий бизнес. Она сулит победителям бесплатные поездки по туристским маршрутам, швыряет огромные деньги телекомпаниям для усиления рекламы своего дела, зазывает домашних хозяек на бесплатные курсы по обучению игре в кегли. Однако бум угасает. Специалисты утверждают, что процесс заката «боулинга» в Японии, видимо, необратим.

ТРАГЕДИЯ НА ОСТРОВЕ ХИРАДО

Дом, в котором разместился корреспондентский пункт «Известий», находится неподалеку от токийского спортивного комплекса, где сосредоточены теннисные корты, крытые площадки для встреч по баскетболу, волейболу, плавательные бассейны. Здесь же проводятся игры бейсболистов.

Как-то я ехал на машине из парламента в корреспондентский пункт, находясь под впечатлением только что увиденной потасовки между депутатами правящей и оппозиционной партий, которая произошла по причинам, так сказать, внутриполитического характера. Внезапно улицу перегородила колонна возбужденных демонстрантов. Однако никакого отношения к парламентским баталиям эти люди не имели. На полосатом стяге, который нес на плече руководитель шествия, я заметил иероглифы крупнейшего токийского университета «Васэда» и символ бейсбольной команды. Оказалось, что этим шествием студенты отмечали победу университетской бейсбольной команды над соперниками из другого учебного заведения.

Бейсбол в Японии — одна из самых популярных и массовых игр. По утрам, когда город еще только просыпается и его переулки относительно свободны от транспорта, можно наблюдать, как упорно, до самозабвения от-

рабатывают приемы этой игры взрослые и школьники. Отыскался даже ловкач, который открыл платную школу для домохозяек, гарантируя сделать из них мастеров бейсбола. Словом, игра полюбилась и словно эпидемия распространяется по Японским островам. Реклама спортивного снаряжения для бейсболистов не покидает экраны всех каналов телевидения. Предприниматели зарабатывают на сбыте бейсбольных доспехов миллионные барыши.

Студенческие команды выступают на своих стадионах при огромном стечении завзятых болельщиков и просто любителей этого вида спорта. Плохого в этом, естественно, ничего нет. Оно начинается в тот момент, когда бейсбол делают доходным бизнесом и любыми средствами стараются обеспечить победу «своей» команде. Практически в каждом японском университете при команде-фаворите существует так называемая группа поддержки — «оэндан». Обычно она насчитывает 20—30 парней из числа самых рьяных болельщиков. Члены «оэндан» опекают игроков, дают советы, присутствуют на тренировках, выведывают тайные замыслы соперников и т. д.

Однако главное заключается в создании наиболее «благоприятного климата» на матчах. Болельщики занимают первые ряды трибун, запасаются рупорами, флагами, трещотками и... специально натренированными крикунами с лужеными глотками. В ходе каждой встречи предводитель (его иначе и не назовешь) «оэндан» забирается повыше на скамью или барьер и, как дирижер за пультом, руководит своей группой.

Когда команда побеждает, участники «оэндан» с восторженными криками выбегают на поле стадиона и, захватив спортивные трофеи, направляются торжествовать победу на улицы города, распевая гимны, славя в стихах победителей.

...В столичном университете «Токио» группа «оэндан» состояла из 23 человек, главным образом студентов стар-

ших курсов. Однажды члены «оэндан» решили провести тренировочный сбор для отработки приемов поддержки своей университетской команды. Они выехали на уединенный остров Хирадо в префектуре Ниигата и разбили там лагерь: тренировки состояли из маршей-бросков, гимнастических упражнений и... состязаний на крепость голосовых связок.

Предводитель группы студент четвертого курса Миядзаки с первых же минут пребывания на острове стал придирается к другим участникам сборища. Особенно он был недоволен отношением к тренажу 19-летнего Исикавы. Ему казалось, что этот парень манкирует, кричит не в полную силу голосовых связок, и он решил его проучить. Когда стемнело, Миядзаки выбрал момент и, накинувшись на парня, стал зверски избивать. Друзья поддерживали «предводителя». Били жестоко, ногами и деревянными мечами для спортивного фехтования. А потом истекающего кровью Исикаву бросили в поле, где он вскоре скончался от кровоизлияния в мозг.

Так трагически закончилась вылазка «группы поддержки» на природу. Миядзаки с наглой улыбкой заявил полиции: «Мы не думали, что он может умереть. В нашем университете старая традиция — старшие учат младших кулаками».

ПЛОДЫ «ПРОСВЕ- ЩЕНИЯ»

Как-то, перелистывая подшивку журнала «Нива» за 1903 год, я обратил внимание на фотографию парадного моста перед входом в императорский дворец в Токио. Бросились в глаза две детали: каменная дворцовая стена и окаменевшие в раболепном поклоне люди. Так в былые времена чтили в Японии особу императора.

Теперь, когда тысячные толпы японцев-туристов бродят по тем местам, где

когда-то была сделана упомянутая фотография, никому из них в голову не придет вдруг остановиться и начать отбивать земные поклоны главе государства. И все же в Токио, оказывается, есть одно учебное заведение, руководителям которого не дает спать спокойно тоска по ушедшим дням.

До капитуляции Японии день 11 февраля ежегодно праздновался как день основания империи. Эту дату власти ловко использовали для разжигания откровенно националистических и милитаристских настроений в народе. После войны праздник был отменен. Однако нашлись в Японии силы, которые решили воскресить день основания империи. Одним из ярых застрельщиков этого «движения» стал учредитель токийского университета «Кокусикан» Т. Сибата.

В 1958 году он преобразовал спортивную школу в физкультурный институт и стал его ректором. Преподавание было основано на солдатской муштре с применением грубой физической силы. Студентов могли подвергнуть домашнему аресту, а преподавателя, который проявил «нелояльность» к ректорату, — выставить за ворота. Ходили слухи, что ректор имел связи «с сильными мира», и поэтому никто не решался выносить сор из избы.

А за высокими стенами инфикульты на лекциях по так называемой «практической этике» будущим спортсменам и тренерам прививалась лютая ненависть к Советскому Союзу и другим странам социалистического содружества, внушалась мысль об «исключительности и непобедимости японской нации», поносились мирная послевоенная конституция и раздавались призывы к реставрации старой. Девизом студентов стал лозунг: «Уважать императора — значит любить родину». Учебная программа настоятельно рекомендовала молодым людям в первую очередь изучать литературу о «знаменитых японских полководцах».

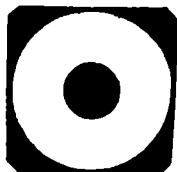
Постепенно институт разрастался, росло число факультетов. Но атмосфера в его стенах сохранялась прежняя. Студенты носили униформу, участвовали в различных церемониях (поднятие флага, поклон в сторону императорского дворца и т. д.). И, наконец, главное: ежегодные военные парады 11 февраля, которые в торжественной обстановке принимал сам ректор, объезжая на белом коне строй «студенческой гвардии». Студенты приветствовали своего главнокомандующего подобострастными выкриками, исполняли хором гимн «Государство века» и затем проходили строем перед ректором. Колонны факультетов на этих парадах возглавляли инструкторы-наставники из числа бывших служаек императорской армии.

Впрочем, говорить об этих парадах в прошедшем времени еще, пожалуй, рано. Ушедшего в мир иной ректора сменил его сын, который свято блюдет все университетские традиции. Разница лишь в том, что с белой лошади молодой ректор пересел в «кадиллак», решив, что автомобиль более созвучен веку компьютеров. Трудно сказать, как долго царило бы беззаконие за стенами «Кокусикана», если бы не инцидент на железнодорожной станции в самом центре Токио: группа хулиганствующих спортсменов из университета решила продемонстрировать свою силу. Среди бела дня они ворвались в электричку и избили корейских учащихся столичного колледжа. Расистско-милитаристские методы просвещения принесли свои «плоды».

Скандалное дело получило широкую огласку. Деятельностью университета заинтересовалась общественность. В руки прессы попали университетские «наставления». Однако связи руководства вуза с некоторыми высокопоставленными политическими деятелями привели к тому, что «дело о «Кокусикане» было спущено на тормозах. При этом газеты широко цитировали весьма недвусмысленное заявление вице-председателя правящей

либерально-демократической партии Японии Э. Сиина, который в связи с кончиной бывшего ректора университета писал: «Я глубоко убежден в том, что Японии нужна именно такая молодежь, которая воспитана в духе «Кокусикана» и господина Сибата».

Здесь комментарии излишни.

БИТВА ЗА «УЭСТ- ХИЛЛ»

Игра в гольф у японцев никогда не считалась национальной. Тем не менее за последнее время она приобрела здесь большую популярность. В значительной степени японцы этим обязаны ловким бизнесменам. На пропаганде игры неплохо подзаработали рекламные бюро, радио- и телекомпании. Достаточно сказать, что общая площадь полей для игры в гольф приближается сейчас в Японии к 150 тысячам га. Это в три раза больше всей площади Токио. А число гольф-клубов достигло 750.

Планируется сооружение еще 800 площадок. При этом участки земли под площадки для гольфа продаются в некоторых районах предпринимателями нелегально по баснословным ценам. На этих участках вырубаются леса, кустарники. Дело дошло до того, что заместитель премьер-министра, начальник управления по борьбе с загрязнением окружающей среды Такэо Мики был вынужден запретить использование под сооружение площадок для игры в гольф территории национальных заповедников. Его поддержала общественность. А бизнесмены гнут свое. Они захватывают земли явочным порядком и даже строят для удобства игроков на полях для гольфа монорельсовые дороги. Такая дорога длиной в 8,5 километра уже функционирует на территории гольф-клуба Окаямы. 55 вагонеточек развозят игроков и инвентарь в любую точку поля.

В Японии стала крылатой фраза: японцы еще не успели запустить в лунку первый мячик, как сейфы боссов, пропагандирующих иноземную игру, уже ломились от миллионов иен.

«Гольф-бум», естественно, вовлек в свою орбиту и бизнесменов, производящих и торгующих клюшками, чехлами, мячами, специальной обувью. Причем покупателей привлекают не только броским товаром, но и возможностью, не отходя от прилавка, на миниатюрном поле в три квадратных метра получить бесплатную консультацию «специалиста» по правилам игры в гольф. Мы взяли слово «специалист» в кавычки не случайно. Своеобразные зазывалы, которые служат хозяевам фирм, производящих новомодное спортивное снаряжение, к спорту имеют весьма отдаленное отношение. Но зато убедить покупателя, что на тренировки необходимо ходить только в ботинках той или иной фирмы и с клюшками, украшенными определенным клеймом, такой «тренер» умеет превосходно. Спортивный костюм?

— Ну, конечно же, вы должны купить его у «Фреда Перри». Лондонская фирма «Фред Перри» выпускает самые лучшие! — увещевает зазывала простодушного игрока. (Заметим попутно, что спортивные костюмы из Англии обходятся доверчивому покупателю примерно в три раза дороже, нежели свои, японские.)

В Лондоне издавна существует так называемый «Ниппон-клуб», или клуб землячества японцев, работающих в качестве представителей различных организаций в Англии. Вест о том, что игра в гольф на их родине стала считаться модной, вызвала у членов клуба чувство острой ревности. Чтобы не остаться на задворках моды, они решили откупить за 160 миллиардов иен весьма популярную у лондонцев площадку для игры в гольф — «Уэст-хилл». Был объявлен сбор средств. Однако первыми в войну с мужчинами вступили их жены. Домашние хо-

зайки потребовали от ретивых любителей спорта прежде всего построить для землячества больницу.

Пока поборники игры в гольф митинговали и уламывали несговорчивых дам, слухи о готовящемся посягательстве японцев на лондонскую гордость — «Уэст-хилл» — докатились до британских королей гольфа. «Вероломную акцию» иноземцев они расценили как удар в спину. Поднялся шум, во все инстанции посыпались протесты. Говорят, что и знаменитая фирма «Фред Перри» вступила в «войну», пригрозив посягающим на британскую реликвию своими санкциями.

Резюмируя эту шумную историю, японская газета «Дейли иомиури» писала: «Землячество не стало бы затевать эту возню с приобретением площадки для гольфа. Но англичане уже закрыли многие двери своего общества перед японцами, проживающими на их земле. В том числе и те, за которыми дети туманного Альбиона сами играют в гольф».

Таким образом, локальная схватка за зеленое поле лондонского «Уэст-хилла» вскрыла один из многих пороков капиталистического мира.

ПОГОДУ ДЕЛАЮТ ДЕНЬГИ

Просматривая очередной выпуск газеты «Асахи ивнинг», я обратил внимание на странный заголовок: «Смерть супруги после семейного «кик-бокса». Прежде всего поясним слово «кик». Оно родилось в Англии и означает «удар ногой». «Кик-бокс» — это схватка боксеров на ринге с применением ударов обеими ногами по любой части тела. Считать это спортом — значит попросту не уважать спорт. Назвать кабацкой дракой — куда вернее. Но как-никак даже в драке существуют правила вроде «лежачего не бьют»...

Так что же такое «кик-бокс»? Вообразите, что перед вами два дюжих молодца, которые, истекая потом, под неистовый гул, свист, улюлюканье публики лупцуют друг друга по чем попало ногами и руками, дерутся до полного изнеможения, кровопролития, и вы получите некоторое представление о «кик-боксе». Теперь мысленно перенесемся в городок Кофу (префектура Яманаси) в квартиру, где проживали торговец лесоматериалами Хисао Исияма, его супруга Мицуко и их трехлетняя дочь. Почти классическая молодая японская семья городского типа.

В доме Исияма «кик-бокс» почитался превыше всего. Муж не пропускал ни одного матча по телевидению и в тайне от жены даже делал некрупные ставки на своих любимцев, иными словами — играл, как это делают в Японии тысячи других.

Тот злополучный вечер Хисао, не вставая с тахты, провел у телевизора. Он был настолько возбужден дракой на голубом экране, что тут же решил попрактиковаться в нанесении ударов... собственной жене. Сначала он пнул ее ногой в спину, а когда молодая женщина от неожиданности повернулась, Хисао, не соразмерив силу, нанес ей удар башмаком в солнечное сплетение. Женщина упала замертво.

Эта трагедия, хотя и не вызвала больших откликов в печати (об убийствах и самоубийствах пишут каждый день), все же заставила заговорить о «кик-боксе» и азартных болельщиках этого вида «борьбы». Немалая часть времени спортивных передач по телевидению отдается на откуп организаторам «кик-бокса». «Надо же, чтобы люди что-то смотрели,— рассуждают составители программ одной из коммерческих телестанций.— «Кик-бокс» — весьма увлекательное зрелище! Конечно, мы не прочь показать нашему зрителю Мохаммеда Али или Джо Фрэзера, но они менее доступны. А специалисты по «кик-боксу» всегда под рукой. В целом мы не сторонники вос-

питывать в людях звериные инстинкты. Да и «кик-бокс» не японский вид спорта. Мы заимствовали его в Таиланде».

Как-то вечером я оказался в центре Токио. Богатая Гинза франтила дорогими мехами, таинственно мерцала вывесками зланных мест, обжигала цифрами со многими нулями на товарах в роскошных витринах. А Гинза, обделенная жизнью, не знающая вкуса банковских чеков, расположилась на тротуарах и торговала грошовыми сувенирчиками, морскими свинками и порнографией. В дверных проемах крошечных лавок, словно от стужи, застыли с загадочными лицами-масками дамские манекены. Под их обнаженными гипсовыми ножками притулились бродячие художники, прорицатели судьбы и звездочеты. Холодный ветер метлой гнал вдоль Гинзы обрывки пред рождественской афишки какого-то варьете с плоскогрудыми обнаженными девицами...

Топливный кризис, который из Соединенных Штатов и Западной Европы переключался на Японские острова, несколько поубавил рекламные всполохи на площадях Токио, ослабил накал в уличных фонарях и напрочь погасил их в парках. Но здесь, на Гинзе, лишь старожил мог заметить разницу и про себя отметить, что месяц-другой назад в центре столицы было куда светлее, праздничнее от океана электрических огней.

Толпа в тот будничный вечер текла, как обычно, вдоль угрюмо-серой шеренги домов, безразличная ко всему, что творится вокруг. В обнимку шли парочки, целовались влюбленные, куда-то деловито спешила ватага длинноволосых. На этой улице каждый знал, что ему нужно делать сейчас, где и как провести вечер. Выдавали себя — громким разговором и суетливостью — лишь заезжие туристы, которым все здесь было в новинку.

Но вот впереди, перед магазином, над которым горела эмблема — корона некоронованного электрического короля Японии Мацуситы, я заметил толпу. Там собрались одни японцы. Человек двадцать, не меньше. Люди

сбились в черную копну у витрины, где синхронно светились пять или шесть цветных экранов телевизоров. Они наблюдали за поединком боксеров-профессионалов — колумбийца Сервантеса и японца Фуруямы. Об этом матче, который через искусственный спутник транслировался по телевидению из далекой Панамы, несколько дней не ленились писать все газеты. Рекламная шумиха была устроена по первому разряду. И вот болельщики остановились на холодной неуютной улице, бурно реагируя на каждый финт, удар, промах соперников. Судьи оказались единодушными в своем решении: победа после 15 намеченных раундов была присуждена колумбийцу, а Фуруяма увеличил список поражений японских боксеров-профессионалов.

Публика расходилась разочарованная, обменивалась едкими репликами. «Нашим горе-спортсменам по плечу лишь «кик-бокс», да и то в поединках с собственными женами», — услышал я чьи-то слова. А на другой день в газетах появились комментарии, в которых давались нелицеприятные оценки положения в японском боксе.

С сентября 1972 года японские профессионалы шесть раз встречались на рингах со своими соперниками из разных стран, но все бои для них заканчивались поражениями. Вскрывая причины этого, газета «Майнити дейли ньюс» писала, что профессиональный бокс в Японии, равно как и «кик-бокс», превратились в средство наживы и спекуляции. Выяснилось, что среди боссов — организаторов встреч боксеров на Западе японские бойцы считаются «самыми популярными». «Во-первых, никто из чемпионов не хочет рисковать своей короной (которая является постоянным источником колоссальных доходов) в боях с сильным соперником. Японские же спортсмены проявляют себя слабее слабых, поэтому они и являются для титулованных боксеров прекрасной мишенью. И во-вторых, если во встрече участвуют японские боксеры, ее организаторы срывают немалый куш с телевизионных

компаний. Известно, что за каждый бой можно получить от тридцати до пятисот тысяч долларов. Кстати сказать,— напоминала газета,— все шесть поединков, в которых наши боксеры потерпели поражение, транслировались японскими телекомпаниями из Панамы, Гонолулу, Таиланда и других стран».

— Да, наш спорт в упадке,— соглашается генеральный секретарь японской ассоциации бокса Котаи Кикути,— но мы от этого не страдаем. Боксеров приглашают, они за выступления получают свое, мы свое. Жизнь идет...

Да, жизнь идет, а погоду в ней делают по-прежнему деньги.

БЕТОННОЕ КОЛЬЦО у ПОДНОЖЬЯ ФУДЗИ

Ровно в 12 часов 45 минут пополудни раздался удар гонга. Ровно в 12 часов 45 минут тридцать четыре гоночные машины сорвались со старта и, стремительно набирая скорость, пошли по своему первому шестикилометровому бетонному кольцу. Выигрывал гонку тот, кто мог выдержать все 33 круга и, оставив позади соперников, прийти первым.

Он, конечно, был, этот счастливчик, как и во всяком другом состязании. Он получил свои полтора миллиона иен, сорвал бурю аплодисментов и шторм восторженных возгласов, небрежно начертил в записных книжках болельщиков свой автограф и украсил белозубой улыбкой страницы газет. Но мы поведем речь не о нем. Не о победителе, а о человеке, которого больше нет в живых. О двадцатичетырехлетнем гонщике Масахару Накано.

Судьи, полиция, врачи с точностью установили, что сердце Накано остановилось на пятнадцатой секунде после начала гонки. Он был отважным гонщиком, считался

фаворитом не только среди своих одноклубников из «Хироуз рейсинг». На состязаниях, которые проводятся традиционно пять раз в году на автодроме в окрестностях горы Фудзи, Накано заслуженно входил в число лидеров.

Это была финальная гонка, которую он давно мечтал выиграть. Накануне молодой человек доверительно говорил своим друзьям: «Выиграю «Гран при» и займусь как следует автомобилем». Тогда на эти слова не обратили особого внимания. Теперь многие задумались. Что скрывалось за фразой: «Займусь как следует автомобилем?» Стало быть, машина была не в порядке? Значит, гонщик заведомо шел на риск?

— Ясно одно: без «Гран при», без выигрыша в полтора миллиона иен, Накано не мог и помышлять о модернизации машины. Некоторые резонеры теперь говорят: «Его погубила страсть к автогонкам». Но ведь спортивный азарт — не порок, а проявление характера бойца. Однако все дело в том, что судьи не видят или просто не хотят замечать ту истинную атмосферу, в которой живут гонщики — атмосферу нездорового азарта вокруг состязаний, которые из вида спорта давно превратились в область наживы, спекуляций, букмекерства и даже гангстеризма,— сказал мне один из близких друзей Накано.

Теперь, когда стали прокручивать киноленту событий, выяснять причины гибели Накано, специалисты развели руками. Оказалось, что Накано стал жертвой тех, кто в целях облегчения конструкции автомобиля «забыл» о правилах техники безопасности. Трое других гонщиков получили увечья и сильные ожоги. «Махинации с облегчением конструкции кузова диктуются прежде всего жадной наживой. Конечно, от мастерства человека тоже зависит немало, но дух коммерции на автогонках процветает»,— так вынуждены были оценить ситуацию после трагической гибели Накано профессионалы из ассоциации автогонщиков (в нее входят 12 клубов, имеющих право участвовать во всеяпонских автогонках).

Кстати сказать, чтобы стать гонщиком в Японии, надо иметь либо кучу папиных денег, либо быть другом богатого любителя гонок. «Поначалу будущий гонщик приобретает, разумеется под присмотром знатоков, гоночную модель тысяч за семьсот, восемьсот. Потом ее «доводят». На это нужно еще не менее миллиона иен. Итого — миллион семьсот, миллион восемьсот тысяч иен», — дает справку ассоциация. Машина Накано до конца «доведена» не была. Финал — известен.

Патронами автоклубов или отдельных фаворитов в Японии обычно выступают крупные автомобильные компании. Этот бизнес приносит им немалые прибыли. Выставить на гонках машину собственной марки значит создать ей колоссальную рекламу. Судите сами: тысячи зрителей на автодроме и миллионы у экранов телевизоров. Но если модель показывает на автодроме плохие результаты — компания может понести значительные убытки. Поэтому испытаниям новых гоночных моделей придается первостепенное значение.

Заводской гонщик знает: он не выйдет из машины, пока полностью не завершит ее проверку, обкатку. Он подвергается смертельному риску даже чаще профессиональных гонщиков. Так произошло и с другом Накано испытателем ведущей автомобильной компании «Тоёта» двадцатипятилетним Фукудзавой. Его посадили за руль новой модели. На испытательном треке он успел зафиксировать скорость 250 километров в час и... потерял управление. Когда на место инцидента прибыла полиция, ее к машине не допустили. Сотрудники компании собственноручно доставили труп Фукудзавы в морг, а останки машины — в заводскую лабораторию. Полицейским и репортерам было строжайше запрещено даже сфотографировать место катастрофы — груды искорверканного металла. Хозяева «Тоёты» оказались сильнее блюстителей порядка. Каждый квадратный сантиметр трека принадле-

жал людям из «Тоёты», это была их частная собственность, и они ревностно оберегали ее от конкурентов.

Разбитая и обгоревшая машина гонщика Накано, которая участвовала в розыгрыше «Гран при», ничем не грозила ни «Тоёте», ни «Ниссану». Она была сборная: рама от английской модели, мотор — фордовский. Всего из 34 участвовавших в тот день машин — 20 были иностранного происхождения.

На этом можно было бы поставить точку, закончив рассказ о трагедии, разыгравшейся у подножья Фудзи — горы, которая является национальной гордостью японцев. Но мне хотелось бы добавить еще несколько слов. Репортера из агентства Киодо Цусин, который описал катастрофу, почему-то больше поразила не гибель гонщика, а чисто коммерческая сторона вопроса. «Число зрителей на гонках нынешнего года было наполовину меньше прошлогоднего, — констатировал он. — Половина мест на автостоянках оказалась не занятой. Любители гонок из других городов страны не рискнули совершить дальнюю поездку из-за топливного кризиса».

Впрочем, для Накано все эти выкладки уже не имели никакого значения...

ЦУНАМИ БАНКРОТСТВ

— Их не щадит сама жизнь, так что же вы хотите от статистики?! — воскликнул чиновник министерства финансов, когда мой знакомый журналист усомнился в слишком большой цифре обанкротившихся фирм. — За один месяц обанкротилось 700 фирм, а сумма их долгов

составила 97 миллиардов иен. Скажу вам откровенно,— продолжал чиновник,— мы не успеваем отражать в своих сводках поименно всех банкротов...

Банкротства — это зеркало, в котором отражается обратная сторона экономики.

Банкротства — это еще не написанная закулисная история японского «процветания».

Банкротства — это петля, в которой живут тысячи и тысячи японцев.

Она затягивается только один раз, и намертво.

В спортивном мире Дзиро Хираива слыл процветающим бизнесменом. Он возглавлял крупную компанию «Тюнити», которая владела большим стадионом, многочисленными площадками для бейсбола и игры в гольф. Однако из-за протестов многих общественных организаций дело с расширением площадок для игры в гольф пошло на убыль. Прибыли компании стали снижаться.

Стараясь выпутаться из сложного финансового положения, Хираива решил вложить часть своего капитала в недвижимость и другой побочный бизнес. Об этом пронюхали подпольные гангстерские организации.

Нащупав уязвимые места в деятельности компании, они стали шантажировать ее директора и вынудили Хираиву выдать векселя, которые превышали действительные капиталы компании.

Вовлеченными в орбиту этой финансовой махинации оказались и дочерние фирмы «Тюнити» — «Тюнити минк», «Тюнити стадион когё», «Тюнити реджа сервис». Их долги составили огромную сумму — 25 миллиардов иен. Над Хираивой сгустились тучи.

ДУТЫЕ ВКСЕЛЯ

Настоящий скандал разразился, когда один из главных кредиторов компании «Тюнити» — токийская финансовая фирма «Аити» предъявила к оплате вексель на сумму 171 миллион иен. Хираива не смог его оплатить. Немедленно было возбуждено дело о банкротстве компании «Тюнити».

Оказавшись в сетях шантажа и безнадежной финансовой ситуации, Хираива покончил жизнь самоубийством.

«ЧЕРНЫЕ КРЕДИ- ТОРЫ»

Одна из ведущих ювелирных компаний Японии «Саката пёрл» за четверть века своего существования совершила немало выгодных сделок и сумела нажить солидный капитал. Ее директор Токихито Саката слыл опытным дельцом, умеющим выпутываться из самых сложных ситуаций. Он давно установил связи с фирмами Южно-Африканской Республики, скупал у них бриллианты и бойко торговал ими в Токио, Осаке, Саппоро. Директор даже сумел открыть свои ювелирные магазины

в Чикаго и Цюрихе.

Но вот что-то сломалось в этом отлаженном «механизме», и дела пошли плохо. Тогда Саката начал сбывать драгоценные камни по заниженной цене, чем немедленно навлек на себя гнев конкурентов.

Не проходило дня, чтобы в штаб-квартире «Саката пёрл» не раздавалось по несколько анонимных телефонных звонков. Ювелиры-бизнесмены угрожали расправиться с Сакатой, если он немедленно не прекратит распродажу бриллиантов по ценам, ниже установленных пулом ювелиров.

Однако директор компании уже не мог изменить ход событий. «Черные кредиторы» со всех сторон наседали на Сакату, требуя расплаты наличными. Наступил день,

когда тот оказался не в состоянии погасить вексель на сумму 39 миллионов иен. Это означало полное банкротство.

В то майское утро, как обычно, возле штаб-квартиры «Саката пёрл» в токийском районе Минато-ку собрались кредиторы. Но что это — на дверях они увидели табличку с вызывающей надписью «Закрыто. Дома никого нет». Проникнув в помещение, взбешенные ростовщики обнаружили опустевшие витрины, сейфы и кипы бухгалтерских книг на столах. Попытки тут же связаться с отделениями компании в других городах ни к чему не привели. Они тоже прекратили свое существование. Самое же главное, что поразило даже выдавших виды ростовщиков, — это было исчезновение служащих компании. За одну ночь все 150 человек словно канули в воду.

Вызванные в свидетели жители соседних домов рассказали, что видели, как какие-то люди выносили под покровом темноты ящики и поспешно грузили их на машины. Но никому и в голову не могло прийти, что это было началом конца компании!

Несмотря на усиленные старания ростовщиков, им так и не удалось установить место, куда с остатками драгоценностей сбежали служащие компании во главе с ее директором. Тайное стало явным лишь позднее: Саката с помощью частного адвоката устроил закрытую пресс-конференцию в одной из маленьких токийских гостиниц. На вопрос, почему он решил бежать, экс-директор ответил: «Я это сделал по рекомендации полиции». При этом он сослался на своего личного друга из местного участка — сыскаго агента Ю. Сасаки. Как писали японские газеты, на встрече Сакаты и Сасаки присутствовало еще одно лицо: старший полицейский чин отдела уголовного розыска Масухара. Поэтому рекомендация «испариться» выглядела скорее полицейским предписанием, нежели приватным советом.

Подводя итог истории банкротства компании «Саката пёрл», газета «Иомиури» отмечала, что фактически полиция не только скрывала преступника, но и защищала его интересы.

ТИХОЕ ОГРАБ- ЛЕНИЕ

Директор одного из отделений киотского банка «Хигаси Мукомати» в городе Муко С. Сёгай считался человеком с «отзывчивой душой».

Во всяком случае такой ореол был создан вокруг директорской фигуры подрядчиками и хозяевами многих строительных фирм.

И вдруг оказалось, что Сёгай разыскивает полиция. Началось все с того, что управляющий одной из фирм города Киото решил проверить в банке свой депозит. К его изумлению, он не смог обнаружить никаких следов вклада в размере 10 миллионов иен, сделанного за полгода перед этим. Почти одновременно инкассатор сельскохозяйственной компании «Оямадзаки» обратился в банк за получением своего депозита в сумме 100 миллионов иен. Неожиданно правление банка попросило об отсрочке выплаты, мотивируя это «отсутствием наличных».

Обе компании потребовали немедленного расследования. Следственные органы еще не успели предпринять первых шагов, как директор банка поспешил скрыться. Выяснилось, что, имея под руками кругленькую сумму в миллиард иен, он успешно вел закулисную жизнь финансиста-ростовщика: ссужал кредиты строительным фирмам, завел друзей среди «черных» брокеров и довольно легко сколачивал личный капитал.

Банк, который возглавлял Сёгай, пользовался самой высокой репутацией, так что банкиру-ростовщику было где развернуться. «Тихий» грабитель и развернулся...

ГЛАЗА ПАНДЫ

Плюшевые гималайские медвежата-панды грустными стеклянными глазками взирают на прохожих во многих городах Японии. Продавцы нараспев предлагают: «Купите панду, купите панду!» Но пятистые медвежата никому не нужны. Разразившийся «пандовый бум» вверг в пучину стихийного производства этих игрушек около пятисот полукустарных мастерских и более крупных компаний. До конца 1972 года они выбросили на внутренний рынок более четырех миллионов игрушек.

Однако мода быстро прошла. Последовала полоса банкротств. Первой жертвой стал Масао Имаи. Он вложил в дело весь свой капитал и, потеряв надежду на его возвращение, покончил жизнь самоубийством. Вслед за этим стало известно о печальном финале еще двух предпринимателей. Хозяин фирмы «Сэйсакусё» Андо из префектуры Миэ, задолжав 400 миллионов иен, признал себя банкротом. Кредиторы опечатали мастерские, наложили арест на все имущество и землю фирмы. Другим неудачником оказался владелец «Рон компани» из Осака. Его долг составил миллиард иен.

Изучая конъюнктуру внутреннего рынка, японские экономисты приводят многие другие факты банкротств средних и мелких предприятий. Экономисты отмечают, что этот процесс отражает общее неблагоприятное положение в экономике страны, с одной стороны, и с другой — ожесточенную конкурентную борьбу между центрами экономического соперничества: США, Западной Европой и Японией.

Банкротство упомянутого нами хозяина по производству тряпичных медвежат Андо привело к тому, что на улице оказались 97 рабочих. На первый взгляд, цифра невелика, но следует сказать, что на мелких и средних предприятиях Японии занято 70 процентов всех промыш-

ленных рабочих Японии. Стало быть, все эти люди постоянно рискуют оказаться за воротами мастерской, лишиться и без того скудного заработка. И это происходит в условиях, когда расходы на социальное обеспечение в Японии сведены до минимума, когда из месяца в месяц растут цены на продукты питания, процветает инфляция, повышается плата за проезд городским транспортом, на железных дорогах.

Все это ведет к еще большему обострению социальных противоречий между трудом и капиталом.

ОПАСНАЯ МАКУ- ЛАТУРА

Устроители выставки школьных учебников, конечно же, не предполагали, к каким неожиданным последствиям может привести обычная книжная экспозиция. Не думала об этом, судя по всему, и компания «Маруи кёйку тосё», специализирующаяся на выпуске книг и пособий для школ. По официальным данным, это издательство ежегодно сбывало учебных пособий на полмиллиарда иен.

В общем, владельцы «Маруи кёйку тосё», основанной в 1948 году, процветали и не могли себе представить иного в стране, где за школьной партой сидят около 20 миллионов детей.

Авторы поставляли издательству продукцию своевременно, получали приличный гонорар, никто не оставался в накладе. И вдруг грянул гром. Профсоюз учителей «Никкёсо», в который входит полумиллионная армия преподавателей начальных и средних школ, вынес решение, запрещающее пользоваться некоторыми учебниками, издаваемыми частными издательствами, и прежде всего — «Маруи кёйку тосё».

Узнав об этом решении, я отправился на знаменитую токийскую Канду, где сосредоточены сотни книжных ла-

вок букинистов, магазинов. Здесь же оптовые склады учебников. Захожу на склад.

— У вас есть учебники обществоведения?

— Простите, вам какого издательства? — оптовик отвечает вопросом на вопрос.

— «Маруи кёйку тосё».

Продавец недоверчиво пожимает плечами и тычет пальцем куда-то в темноту под огромный стеллаж.

— Я честный человек и не хотел бы чернить свое имя. Учебники «Маруи кёйку тосё» теперь не в моде. Могу предложить другое...

Увязанные бечевкой пачки книг успели запылиться. Несколько стопок беспорядочно свалено возле двери.

— Макулатура, — криво усмехается хозяин. — Конечно, я с этой продукцией тоже остался в убытке. Хорошо хоть, что теперь можно сдать на переработку. Бумажные компании покупают по 30 иен за килограмм. Вот уж поистине несчастье помогло! До топливного кризиса никто и не старался собирать макулатуру, а теперь на трехколесных грузовичках ездят по домам, магазинам, конторам да собирают старые газеты, казенные бумажки, ну и вот, — он снова ткнул пальцем под прилавок, — учебники.

Перелистываю первую попавшуюся в руки книжку. Учебник как учебник. Недурно издан полиграфически, с цветными картинками, картами. Откровенно сказать, неплохой подарок мальчишке или девчонке к новому учебному году. В чем же причина?

— Они написаны без учета индивидуальностей ребенка, степени его развития (!!). Так нам объяснили работники издательства. А профсоюз учителей называет иные причины. Пожалуй, они вернее.

И он рассказывает о резолюции съезда профсоюзного объединения учителей, о «Белой книге» по учебным пособиям. В этих документах дана оценка книгам, по которым занимаются миллионы японских детей. Во многих

изданиях тексты умышленно не пересматривались годами. Многие главы гуманитарных учебников были проникнуты духом национализма и милитаризма, проповедовали необходимость наращивания военной мощи Японии. Из учебников исчезло слово «капитализм», зато всюду говорилось о «великой азиатской сфере процветания во главе с Японией» и о «новых» порядках, которые, дескать, нужно насадить в Азии.

Решение профсоюза парализовало оптовый рынок учебников, через который шло снабжение школ пособиями. Задолжав 650 миллионов иен, компания «Маруи кёй-ку тосё» признала себя банкротом. Но главными банкротами оказались буржуазные идеологи, которые пытались использовать учебные пособия в качестве своего отравленного оружия.

НА СТРАЖЕ ПРИБЫЛЕЙ

**САТО
ОБРА-
ЩАЕТСЯ
В СУД**

По осенним улицам Токио двигалась колонна демонстрантов. Белые повязки на головах, профсоюзные знамена, лозунги. Манифестанты направлялись к зданию парламента, чтобы выразить свое «нет» так называемому японо-американскому «договору безопасности» и дальней-

шему увеличению расходов на силы самообороны Японии. Полиция жестоко расправилась с мирной манифестацией, некоторые ее участники были брошены в застенки. Среди арестованных оказалась и 22-летняя Минэко Сато. Девушку делегировали в Токио рабочие «Электрик пауэр компани» (о-в Хоккайдо), чтобы она могла от их имени выразить протест против военной программы властей.

Через несколько дней после ареста отчим Сато, явившись в тюрьму, заставил девушку подписать заявление на имя директора компании о добровольном отказе от работы. Старик не хотел, чтобы начались гонения против его сына, который работал в той же «Электрик пауэр компани».

Выйдя из-под ареста, Сато обратилась в суд с просьбой восстановить ее в правах. На следствии она заявила, что отчим грубой силой принудил ее поставить подпись под письмом, от чего она категорически отказывалась. Принимая во внимание, что арест участницы антивоенной демонстрации Минэко Сато был лишен юридических оснований, суд объявил заявление, подписанное под угрозой, документом «незаконным» и вынес определение о восстановлении Сато на работе.

По логике вещей постановление суда высшей инстанции города Саппоро должно быть неукоснительно выполнено компанией-ответчиком. Однако, как показывает жизнь, предприниматели в аналогичных случаях лишь формально восстанавливают человека на работе, предлагая ему самые низкооплачиваемые места — посыльного, уборщика мусора. Нежелание браться за метлу расценивается как «отказ от исполнения обязанности, за что следует немедленное увольнение уже «на законных основаниях».

А вот другой случай. Тадаси Оносэ устроился работать шофером автобуса в туристической компании «Истерн». В конце испытательного срока, который продол-

жался пять месяцев, Оносэ отправили в летний лагерь сил самообороны Японии «Фудзи». Военная муштра пришлась не по нутру шоферу. Однажды, одурев от шагистики, он опоздал на вечерние занятия. Ему объявили выговор. Тогда парень сложил в брезентовую сумку свои нехитрые пожитки и покинул территорию военной школы. Утром как ни в чем не бывало он появился в гараже своей компании. Однако его место за баранкой автобуса оказалось занято другим. В управлении по кадрам компании «Истерн» ему сказали, что он уволен «за дезертирство».

В нынешней Японии есть немало фирм и компаний, которые широко пользуются возможностью направлять стажеров «на переподготовку» в школы сил самообороны. Они считают такую практику полезной для привития будущим служащим военной дисциплины и «поднятия боевого духа» молодых японцев.

Шофер Оносэ обжаловал решение владельцев «Истерн» через суд, сославшись на два принципиальных момента: во-первых, в трудовом контракте, который он подписывал при поступлении на работу, не было ни слова о том, что он обязан пройти практику в силах самообороны; и, во-вторых, если бы подобное «мероприятие» даже и предусматривалось трудовым соглашением, то этот документ противоречил бы статье 9-й японской мирной конституции.

«На меня напялили униформу в принудительном порядке,— заявил с возмущением Оносэ.— Я считаю, что военная муштра не имеет никакого отношения к автобусу. Я протестую против увольнения».

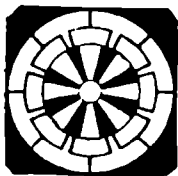
Аргументация шофера, выброшенного за ворота туристической фирмы, достаточно веская. Однако у японской Фемиды свои «высшие» соображения. Если же вспомнить разбирательство дела 65-летней вдовы Фумико из префектуры Канагава, то можно с уверенностью

сказать, что в подобных ситуациях юриспруденция особенно не торопится.

Что же произошло с вдовой Фумико? Двенадцать лет длилась ясная, как погожий день, история выяснения обстоятельств ее прошения. Она уже и сама была не рада, что впервые на старости лет обратилась в суд. Ее покойный муж работал вольнонаемным на американской военно-морской базе Йокосука. Он был чернорабочим, получал всю жизнь сущие гроши и, уже будучи обреченным на смерть тяжелым недугом, вспомнил, что посредническая контора не выплатила ему положенные по контракту «транспортные расходы». Он не мог назвать точную сумму этой задолженности и посоветовал жене выяснить все в конторе. «Они меня нанимали, они все знают, они все сделают».

Доверчивая вдова двенадцать лет обивала пороги посреднической конторы, районного суда и наконец выиграла процесс. Именем закона суд потребовал, чтобы контора по найму выплатила вдове Фумико... 200 иен плюс пять процентов от этой суммы годовых, итого 320 иен.

Этих денег Фумико только-только хватило на две гвоздички, которые она отнесла на могилу мужа.

**ПОЛИТИ-
ЧЕСКИ
НЕБЛАГО-
НАДЕЖЕН**

«Мицубиси» — это судостроительные верфи и нефтехимические заводы, пивоваренные предприятия и страховые конторы. «Мицубиси» — это сила. Объем ее годовой продукции измеряется электронно-вычислительными центрами, те же машины ежемесячно производят сложный финансовый расчет с армией рабочих, инженеров, агентов по снабжению, технологов, чертежников, проектировщиков.

Но прежде чем получить зарплату — человек должен попасть на соответствующую должность. А перед тем как занять

ее — выдержать жесткий экзамен. Компания заинтересована в периодическом обновлении кадров, найме молодых специалистов, могущих влить свежую струю, поднять производительность труда, причем без увеличения фонда зарплаты: новички на любом посту в Японии получают мизерные ставки. В конечном итоге омоложение кадров — это оружие владельцев компаний в борьбе с конкурентами и увеличение прибылей. Но поступающему надо иметь безупречную биографию с точки зрения ее «политической благонадежности».

Выпускник университета «Тохоку» двадцатитрехлетний Коно прошел сложный лабиринт различных испытательных тестов химической компании, входящей в промышленно-финансовую группу «Мицубиси», и был зачислен с трехмесячным испытательным сроком на должность инженера.

Парень старался, работал, не жалея сил, чтобы выдержать и этот, последний нелегкий экзамен, который в Японии проходит каждый, кто поступает в солидную фирму на постоянную работу.

К нему не было претензий. Он отличался вдумчивостью, и, казалось бы, перед ним открывалась в перспективе неплохая карьера. И вдруг его срочно вызвали в отдел, ведающий набором кадров. Разговор был недолгим. Коно инкриминировали «искажение биографических данных»: мол, при беседе с одним из руководящих работников компании он не упомянул о том, что в студенческие годы был активистом, а стало быть, автоматически попадал под категорию «неблагонадежных лиц».

Коно отказали в должности и предложили срочно покинуть компанию, дабы «не бросать на нее тень своим присутствием». Поскольку он был отчислен до окончания испытательного срока, Коно решил обжаловать действия администрации и обратился в районный суд. Истец сослался на соответствующие права, гарантированные гражданам Японии конституцией, и смог доказать истину. Од-

нако под разными предлогами компания отказывалась восстановить срок его стажировки, а тем более оставить на постоянной работе. Тяжба продолжалась.

По настоянию «Мицубиси рёсин» делом занялся верховный суд. И там, в конце концов, нашли соответствующие «аргументы» в пользу компании. Истец и его адвокат доказывали, что конституция гарантирует право выражать свободно свои мысли (статья 19-я), а также ссылались на статью 14-ю, где записано, что все люди равны перед законом и не могут подвергаться дискриминации в политическом, экономическом и социальном отношениях по мотивам расы, социального положения и т. д. На это верховный суд ответил, что, мол, и компания имеет те же права, поэтому она «свободна в своей экономической деятельности и может набирать рабочих по своему выбору». (!?)

Так бывший «студент-смутьян» Коно остался за воротами фирмы. А решение верховного суда — лишь очередной пример того, что конституционные статьи можно, оказывается, толковать по-разному.

...Японские газеты пестрят сенсационными заметками о раскрытии преступлений, арестах наркоманов, похитителей ценностей из магазинов и частных домов. Изредка на страницах печати всплывают скандальные истории более крупного калибра. Как правило, они связаны со спекуляцией землей, махинациями на выборах. И пишут о них лишь тогда, когда уже нет никакой возможности умолчать, когда скандал становится достоянием широкой общественности.

Истории, о которых мы рассказали, пожалуй, более всего типичны для современного японского общества. Каждая из них так или иначе вскрывает отношение органов юриспруденции к рядовым труженикам. Закон, который, казалось бы, должен в равной степени охранять

права всех граждан, в капиталистическом обществе прежде всего ограждает интересы фирм, компаний, интересы тех, на чьей стороне деньги, в чьих руках власть. И даже тогда, когда за спиной у рядового истца стопроцентная правота, когда невозможно на свой лад истолковать статьи трудового законодательства, суд прибегает к тактике юридического лавирования, проволочек.

Не случайно простые японцы с горькой иронией говорят: «Наша жизнь напоминает путешествие на велосипеде. В седле держишься лишь до той поры, пока крутишь педали».

ХОККАЙДО В ДВУХ ИЗМЕРЕНИЯХ

**О ЧЕМ
РАССКА-
ЗЫВАЮТ
СОСНЫ**

Солнечные лучи, просеиваясь сквозь игольчатую крону гигантских сосен, обряжают их в золотую, терпко пахнущую смолой парчу. Стволы завидной статности в полном расцвете сил. Не скажешь, что они прожили уже целый век. Их посадили первые поселенцы самого северного острова Японии — Хоккайдо.

О многом могли бы поведать красавцы великаны. Всякому были они свидетели. Шелестят под порывами морского ветра выкрученные в суставах ветви, будто нашептывают рассказ о своем родном крае.

Это было давно. Придя на остров, люди дали ему имя — «Хоккайдо» — «Дорога северного моря». «Дорогами» японцы называли земли, которые встречались на пути их расселения, — будь то на севере, востоке, юге или западе. Первые поселенцы топором и заступом отвоёвывали себе землю у первозданной лесной чащобы Хоккайдо. На скорую руку сбивали жилье, сначала вдоль дуги равнинного залива Исикари, потом забирались все дальше вглубь и обосновывались по долинам сплавных рек. В нелюдимый край их гнала земельная скудость и безысходная нищета Японских островов тех лет.

Набиравшее силу в ту далекую пору мореплавание в какой-то мере выполняло еще и благороднейшую роль канала информации. Ходившие «за три моря» купцы привозили в бивачные стоянки японцев на Хоккайдо не только продукты питания и другие товары, но и былины о русских чудо-богатырях — великодушных и смелых людях. Эти вести подбадривали хоккайдских новоселов, вызывали добрые чувства, которым суждено было, пройдя через годы, проявиться в наши дни в русле расширения взаимных советско-японских контактов.

Стихийное переселение сюда людей обрело формы узаконенного освоения Хоккайдо в 1869 году, когда на других, давно обжитых японских островах началась эпоха развития капитализма. Заводчики не могли существовать без каменного угля и леса. Уголь и лес — богатство Хоккайдо. Топор и обушок долгое время оставались не придуманными, а естественными символами острова.

Японцы-южане тяжело приспосабливались к иным условиям жизни на Хоккайдо. Их встретили снежные зимы, кабальный труд на строительстве железных дорог, в шахтах. Кладбищ насчитывалось здесь к концу прошлого

века не меньше, чем поднятых деревянной сохой и мотыгой бедняцких наделов. Люди принесли с собой вековые традиции строительства легких домов с раздвижными дверями и заклеенными промасленной бумагой окнами. Они хотели по старинке выращивать в теплых полях-корытцах рис. За каждый просчет, ошибку расплачивались дорогой ценой. Невзгоды, казалось, компенсировались одним: мнимой свободой, фальшивым, как сусальное золото, раскрепощением.

Но самообман продолжался недолго. Лучшие пахотные земли захватили помещики. Удобные для разработок лесные массивы оказались в руках перекупщиков-спекулянтов. Добровольцев отправиться на Хоккайдо становилось все меньше и меньше.

Если вычертить график колонизации Хоккайдо, то его цифры расскажут о многом. 1870-й год. Постоянного японского населения на острове 60 тысяч человек: 1880-й — 200 тысяч; 1900-й — 800 тысяч; 1920-й — 2360 тысяч; 1925-й — 2500 тысяч; 1935-й — 3168 тысяч; 1968-й — 5170 тысяч. За последние годы население увеличилось всего лишь на 30 тысяч человек, причем этот абсолютный прирост произошел исключительно за счет превышения рождаемости над смертностью.

Грозный признак отлива населения, впервые наметившийся еще в двадцатые годы, дамокловым мечом снова повис над Хоккайдо сегодня. Причин тому немало. Их можно понять, когда побываешь на Хоккайдо, познакомишься с его проблемами поближе.

Предвоенную промышленность Японии, в значительной степени зависевшую от хоккайдского каменного угля, частенько лихорадило из-за несвоевременных поставок топлива. Задержки вызывались забастовками горняков, докеров, но чаще непогодой. Уголь с Хоккайдо доставляли водным путем через пролив Цугару, известный своей «капризностью». Зимние штормовые ветры и туманы закрывали основные угольные порты Отару и Му-

поран, нарушали работу железнодорожного транспорта и ставили под угрозу производство электроэнергии, химическую, металлургическую и другие отрасли промышленности тех лет. Помимо всего прочего, перевозки угля по морю удорожали его себестоимость в полтора раза.

И вот в научно-исследовательских центрах концернов «Мицуи» и «Мицубиси», которые владели крупнейшими месторождениями угля и других полезных ископаемых Хоккайдо, стали изучать вопрос о возможности прокладки подводного тоннеля между двумя островами — Хоккайдо и Хонсю. Первые самые грубые прикидки оказались не очень обнадеживающими. Перед инженерами лежала схема уже существующих тоннелей — самого большого железнодорожного в Альпах протяженностью 19,7 километра и самого длинного подводного под рекой Северн в Англии — 7 километров. При наиболее оптимальном варианте в Японии могла идти речь о прокладке 50-километрового ствола на глубине до 100 метров ниже уровня моря.

...Ранним утром наш экспресс подошел к последнему на острове Хонсю железнодорожному вокзалу Аомори. Сквозь влажную пелену тумана прорисовывались берега, обрамляющие простор пролива Цугару. Снуют грузовые катера, яхты. Вода плещется рядом, там, где обрываются стальные рельсы. Эта станция необычная. Она же выполняет роль причала. Проходят считанные минуты, и к переднему вагону уже приближается железнодорожный паром. Десять, пять, два, один метр... Плавно опускается паромный мост, лязгают стальные стыковочные замки. Дежурный по станции с помощью ручной рации докладывает главному диспетчеру: «Стыковка закончена!» Железнодорожные рельсы станции и парома теперь превратились в единое полотно. Через несколько минут наш вагон уже по-штормовому крепится на борту огромного океанского судна.

Паромный парк со своими службами в Аомори — это как бы естественное продолжение железной дороги Токио — Саппоро, ее узловой пункт. Каждая операция здесь втиснута в жесткие рамки расписания. Я заметил по часам: всего двадцать минут понадобилось для того, чтобы перегрузить состав с земной тверди на паром, отдать швартовы и выйти в пролив. И все-таки, чтобы форсировать 180-километровый пролив, нужно время. Об этом у нас зашел разговор на палубе с чиновником управления из Хакодате — места причала парома, старейшего порта Хоккайдо.

— Тоннель Аомори — Хакодате начали строить в апреле 1971-го, — говорит Уно-сан. — Мы как раз сейчас проплываем над тем местом, где идет проходка вспомогательного тоннеля. Общая длина главного Сэйканского тоннеля составит почти 54 километра. Сначала пришлось прорубить на обоих берегах наклонные шахты. По ним спускаются в забой рабочие, подаются механизмы, вынимается порода. — Он достает записную книжицу, пишет цифры. — Тоннель необходим всем. Судите сами: в 1965 году было перевезено 4330 тысяч пассажиров и 6280 тысяч тонн груза. В 1973 году поток пассажиров и грузов еще больше увеличился. Подсчитано, что за год тоннель сможет пропускать 16 миллионов человек и 26 миллионов тонн грузов.

Бурное экономическое развитие Японии привело к резкому увеличению потребления электроэнергии. Хоккайдский низкокачественный каменный уголь был в начале 50-х годов потеснен более дешевой ближневосточной нефтью. На острове одна за другой закрывались шахты, выбрасывались на улицу рабочие. Этот процесс не прекращается и поныне. Каких-нибудь десять лет назад на Хоккайдо велась разработка 120 угольных копей. На сегодня их осталось меньше тридцати. Спрос на уголь продолжает падать. Закрывая шахты, хозяева ссылаются на их «нерентабельность», дороговизну транспортировки

и не желают ждать призрачного блага, которое принесет Сэйканский тоннель.

Нерентабельность горнодобывающей промышленности Хоккайдо — это одна сторона медали. Консервируя шахты, хозяева угольных копей спешат вложить свои капиталы в более выгодный, сулящий миллионные прибыли, проект — строительство промышленного комплекса на южном побережье острова — Томакомай.

Масштабность замысла нового промышленного центра Хоккайдо поначалу поражает. Я внимательно слушал складно льющийся рассказ чиновника, возглавляющего отдел промышленного развития губернаторства Хоккайдо, и не мог отделаться от мысли: неужели строительство этих заводов-гигантов, электростанций, портов протекает так гладко? Неужели астрономические цифры обращаются в мартены, металлоконструкции, причалы с такой же легкостью, как они преподносятся в ходе беседы с заезжим журналистом? Г-н Сато не преминул напомнить, что Томакомайский комплекс — это пионер правительственной программы рассредоточения производительных сил и предприятий для ликвидации перенаселенности одних районов Японии и недонаселенности других. Об этой программе приходится слышать часто. Но практические возможности ее реализации многие японские специалисты ставят под большое сомнение.

Мне была понятна гордость молодого чиновника, которого снабдили кальками, синьками, изящно сброшюрованными томами с расчетами столь ответственного плана-проекта. И в то же время на память приходили статьи, репортажи из местных и центральных газет, в которых Томакомайский проект подвергается серьезной критике экономистов.

Город Томакомай со всем его жилым фондом и коммунальным хозяйством принадлежит хозяевам целлюлозно-бумажной компании «Одзи», на заводах которой мне довелось побывать. Особенно много возражений со

стороны населения, профсоюзных и общественных организаций вызвало освоение восточного района Томакомайского комплекса. Печать отмечала, что местные власти рассчитывали пополнить свою бедную казну и обещали поднять благосостояние народа за счет налогов с размещаемых в Томакомае промышленных предприятий крупных монополий. Однако все это оказалось утопией. Цены на товары повседневного спроса, продукты питания, транспорт растут, условия труда и социального обеспечения ухудшаются, расходы на социальные нужды мизерны. Способная молодежь, не желающая мириться с таким положением, рассчитывает подыскать себе «дело» понадежнее где-нибудь в уже освоенном крупном центре, бросает отчий дом, отказываясь жить на Хоккайдо.

Процесс отлива населения, по мнению демографов, стал необратимым.

ТРЕВОГИ И НАДЕЖДЫ

Японская пресса с нескрываемой тревогой пишет, что модель экономического развития Хоккайдо, предусматривающая дальнейшее наращивание промышленности еще и в других районах, вызвала рост цен на земельные участки с явными признаками спекулятивных махинаций. Скупают землю на Хоккайдо наиболее дальновидные предприниматели. Они уже за годя рассчитали, во сколько раз возрастут цены на те земли Хоккайдо, которые они приобретают сейчас, и, предвкушая астрономические прибыли, потирают руки от удовольствия.

Первые спекулятивные сделки на землю состоялись все в том же районе Томакомай. Именно здесь был дан старт бешеной гонке ведущих компаний за обладание всегда доходной недвижимостью. «Мицубиси», «Мицуи»,

«Марубэни», «Атака-сангё» и другие торгово-промышленные фирмы взвинтили цены за один цубо со 150 тысяч до 600 тысяч иен.

Серьезную угрозу спекуляция землей несет крестьянству. По подсчетам сельскохозяйственного совета Хоккайдо, за три года компании скупили более 100 тысяч гектаров земли, что в два с лишним раза превышает размеры площади Токио. Так, в городе Никосэ мне рассказывали, что муниципалитет принял решение передать заброшенные луга вновь создаваемой животноводческой ферме. Когда члены комиссии выехали на место для определения границ пастбища, они увидели на своей земле разметочные колья с названием чужой фирмы по купле-продаже недвижимости.

— Таких примеров,— говорит заместитель мэра Никосэ г-н Аояма,— много. Мы практически бессильны бороться с алчными землеедами.

Ему вторит генеральный секретарь сельскохозяйственного совета Хоккайдо Д. Арат:

— Если спекуляцию землей не остановить, сельское хозяйство обречено на гибель. Мы решили обратиться к центральному правительству, губернаторству и просить оградить нас от незаконных сделок. Со своей стороны, совет призывает крестьян не соблазняться предложениями крупных компаний и воздержаться от распродажи собственных наделов...

Последняя фраза, обращенная к крестьянам, обнажает со всей жестокостью еще одну сторону неблагоприятного положения в сельском хозяйстве Хоккайдо. Допустив льготный ввоз многих продуктов сельского хозяйства из США, власти подорвали конкурентоспособность продукции японских крестьян на внутреннем рынке, поставили их под удар. В результате на Хоккайдо значительно сократились посевные площади пшеницы, сои, риса, льна.

Я побывал в животноводческом районе на крайнем севере Хоккайдо. Механизированные молочные фермы, добротное жилье производят на первый взгляд благоприятное впечатление. Животноводство вроде было поставлено на научную основу. Удои молока выше средних. Но стоит по душам поговорить с крестьянами, как выявляется безрадостная картина.

Фермеры погрязли в долгах. Без ссуд и субсидий они не могут сделать и шага. Ведущая на Хоккайдо компания по производству молочных продуктов — «Юкидзируси» держит своих поставщиков в постоянной кабале, наживаясь на каждом литре молока.

— При нынешних закупочных ценах и дороговизне жизни, — рассказал фермер Фудзиока, — мы просто не в состоянии дальше вести хозяйство...

«Скоро по всей стране, — писала газета «Асахи», — будет наблюдаться острая нехватка молока. Его производство неуклонно сокращается. В первую очередь это относится к Хоккайдо, на долю которого приходится 30 процентов выработки молочной продукции Японии».

Хоккайдо даже по чисто внешним признакам разительно отличается от остальной Японии. Едешь по острову и видишь просторы лугов, невозделанных полей, безлюдные горные массивы, умытые, не знающие промышленного перегара, деревеньки и даже города — здесь на один крестьянский двор приходится шесть гектаров пашни, в то время как на остальной территории страны — всего лишь по 1,1 гектара. В устьях рек здесь еще продолжают выращивать мальков ценных пород рыб, не знают, к счастью, «вкуса» отравленного моря, в котором гибнет все живое.

Но здесь понимают, что опасность всех этих мрачных бед капиталистической индустриализации приближается. Вот почему в приморском городке Дате, лежащем на берегу залива Утиура, население решительно выступило против строительства новой теплоэлектростанции. Власти

начали подгонять хозяев «Хоккайдо электрик пауэр компани», предупреждая, что откладывать строительство больше нельзя, поскольку «дальше будет еще хуже». Первый камень был заложен под усиленной охраной полиции. Демонстранты перекрыли дорогу строительным машинам, не пускали к участку рабочих. В столкновении несколько человек получили ранения, одиннадцать демонстрантов были брошены за решетку.

В стремлении отстоять природу, видеть свободное от коричневого смога небо жители городка Дате не одиноки. На борьбу за чистое море поднялись рыбаки района Яфураи. Они смело выступили против дельцов из группы «Мицубиси». В результате властям пришлось упрятать под сукно несколько готовых проектов строительства скоростных шоссейных магистралей.

Японцы изобретательны и трудолюбивы. В стране действующих вулканов, постоянных землетрясений, тайфунов, палящего солнца и тропических ливней они научились ладить с природой, заставили ее подчиниться себе. Вспомнить хотя бы тот же Сэйканский тоннель. Ведь ученые-сейсмологи поначалу прочили проекту безоговорочный провал. Они доказывали, что Японские острова «дрейфуют» в океане и что настанет момент, когда неуправляемые подземные силы разорвут, как былинку, стальное тубинговое кольцо. И все же дерзкая инженерная мысль одержала победу.

Ныне путь от Токио до Саппоро занимает 19 часов 40 минут. Когда же в 1979 году тоннель вступит в строй и завершится реконструкция железнодорожного полотна, по этой магистрали поезда пойдут со скоростью 250 километров в час. Расстояние между двумя городами можно будет сократить до 5 часов 50 минут. Так неужели это неимоверно трудоемкое, дорогостоящее сооружение предназначено для того, чтобы люди, бросив насиженные земли, бежали с Хоккайдо с такой же «космической» скоростью в поисках лучшей доли?! Не призвано

ли осуществление этой давней мечты японцев способствовать обратному: налаживанию людского потока в приливном направлении?!

В оттоке населения с Хоккайдо иные социологи усматривают некую роковую цикличность: первая волна бегства приходится на 20-е годы, то есть через 50 лет после высадки на острове первых переселенцев; вторая волна зафиксирована в начале 70-х годов, опять-таки через полвека. Есть теоретики, склонные объяснять миграцию жителей Хоккайдо неблагоприятными природными условиями. Думается, причины лежат гораздо глубже, и связаны они в первую очередь с законами неравномерного экономического развития всей капиталистической Японии.

По своей площади Хоккайдо равен территории Австрии. Остров богат природными ресурсами. Хоккайдо лежит ближе других Японских островов к Советскому Приморью. И этим во многом объясняется постоянное стремление жителей острова глубже познать экономику своего соседа, перенять то, что может быть применимо к местным условиям. «Я был потрясен всем, что увидел во время путешествия по вашей прекрасной стране,— рассказывал мне губернатор Хоккайдо Наохиро Догакинаи, вернувшись из поездки по Советскому Союзу.— Размах строительства, богатства Сибири, Дальневосточного края — все покорило японскую делегацию. Ваша страна напоминает цветущий солнечный сад».

К таким выводам приходят и другие японцы, возвращающиеся из Советского Союза. Они с благодарностью пишут об этом в Генеральное консульство СССР, находящееся в Саппоро. Деловые люди здесь — частые гости. Одни приходят за получением въездных виз в СССР, другие за советом, за книгами, брошюрами о Советском Союзе. Каждому такому гостю здесь всегда рады. В нашей стране побывало немало жителей Хоккайдо. Я встречался с ними в Саппоро, Отару, Томакомае. Беседовал

с руководящими работниками хоккайдского общества японо-советской торговли, членами общества «Япония — СССР» и просто деловыми людьми. Они по-хорошему завидуют условиям жизни своих самых ближних соседей в Хабаровске и других приморских центрах Советского Союза. Они хотят лучше узнать наших людей и не из праздного любопытства, а прежде всего для собственной пользы.

Однажды в Саппоро в беседе с чиновником фирмы, производящей медицинское оборудование, я вскользь заметил, что в обычной московской 61-й больнице профессор-хирург Г. И. Лукомский одним из первых успешно опробовал и дал высокую оценку японскому бронхоскопу. Лицо моего собеседника мгновенно засветилось:

— Мы можем поставлять и другое медицинское оборудование,— поспешил заверить он меня.

Можно себе представить, с каким удовлетворением было воспринято этой, да и другими японскими фирмами подписанное в Москве соглашение о научно-техническом сотрудничестве. Ведь оно открывает широкие перспективы для взаимного обогащения опытом советских и японских научно-исследовательских институтов, лабораторий.

Конечно, проблем у жителей Хоккайдо много. Нетрудно было понять тревогу моих собеседников за будущее Хоккайдо, связанное со спекуляцией землями, неурядицами в сельском хозяйстве. В этом — так сказать — первое измерение Хоккайдо. А вот и второе. На Хоккайдо есть крепкие, не пораженные опасным вирусом примиренчества силы, готовые бороться за избавление острова от разного рода хронических недугов. Один из реальных путей подъема экономики острова они усматривают в развитии торговли с Советским Союзом. Мне приводили такой пример. За послевоенные годы в Японии осваивалось в промышленном отношении лишь Тихоокеанское побережье. А западные районы — берега Японского моря — оставались в тени, на задворках. Что

дало толчок к развитию этих районов? Прежде всего — укрепление связей между советскими дальневосточными портами и портами западной Японии.

Советские корабли — частые гости на Хоккайдо. После того как осенью 1973 года в Москве побывал премьер-министр Японии и состоялись переговоры на высшем уровне, а в совместном заявлении подчеркивалась необходимость «форсировать экономическое сотрудничество, в том числе в связи с разработкой природных ресурсов Сибири, а также развитие торговли и сотрудничества в сельском хозяйстве, транспортных перевозках и других отраслях», жители Хоккайдо многое из зафиксированного в этом документе заносят как бы в свой личный актив.

«Ведь наш остров лежит ближе чем другие, к берегам Советского Союза, мы можем стать надежной перевалочной базой во взаимовыгодной торговле и пополнять свой собственный экономический баланс», — говорили мне хоккайдцы.

ТОКИО ГАСИТ ОГНИ

Нефтехранилища и цистерны опустели, использован даже НЗ. Япония погрузилась в крошечную темноту. Замерли на рельсах электропоезда. Оборвалась паромная связь между островами архипелага. Чтобы спасти столицу, ее «нервные центры», хотя бы временно, оставалась

последняя возможность — слить керосин из реактивных самолетов, стоящих в международном аэропорту Ханэда. Но власти понимают, что это капля в море. Они посылают солдат «сил самообороны» на заброшенные шахты, надеясь оттянуть катастрофу за счет скудных запасов каменного угля...

Так описал ситуацию, в которой окажется Япония, если в ее порты перестанут заходить танкеры с нефтью, еженедельник «Сюкан асахи».

Авторы, конечно, сгустили краски, преувеличили опасность. Однако тревожные симптомы энергетического голода отчетливо проявляются в стране.

ИСЧЕЗ- НУВШИЕ ВЫВЕСКИ

Я прилетел после отпуска из Москвы в Токио в День благодарения труду. Это национальный праздник, когда японцы, по традиции, отдыхают. Закрыты оптовые склады, мелкие лавки, мастерские, предприятия. Но есть службы «вечные», работающие в будни и в праздники, от одной забастовки до другой. Особенно их много в сфере обслуживания: рестораны, почтово-телеграфные конторы, аэродромы, железнодорожные и морские вокзалы. До последнего времени к ним причислялись и бензоколонки...

Встречавшие меня в аэропорту друзья предупредили: «Имей в виду, бензозаправочные станции по воскресеньям и праздникам теперь закрыты. Нефтяной голод. Да и вообще за время твоего отсутствия кое-что изменилось».

В тот день мне так и не удалось заправить автомашину. Но, как говорится, нет худа без добра. Присмотреться к обстановке без автомашины даже лучше. И я отправился в путь по городу пешком.

Признаться, я не узнал Аояма-дори — улицу, на которой прожил больше года. Она словно выцвела, поблекла, остановила электрическую чехарду падающих букв, мигающих ромбов, бегущих линеек. Погасла реклама авиакомпании ДЖАЛ. Впервые она перестала переливаться своими пятью тысячами неоновых трубочек после угона «Боинга-747» террористами, когда в опасности оказалась жизнь 140 человек. И вот белокрылый журавль-реклама утонул во мраке теперь, когда под угрозой топливного голода очутилась вся страна — 108 миллионов человек.

Не обнаружил я на своей улице и своеобразной вывески парикмахерской — подмигивающего цилиндра с синекрасными и белыми полосками. Этот рекламный реквизит всегда чем-то напоминал мне ярмарочную конфету, обернутую в целлофан. Сейчас вместо целлофана красовался обветшалый брезент, наспех стянутый пересохшими от времени электрическими шнурами. Рекламу упрятали под колпак до лучших времен. Прошли и те благословенные дни, когда в доходном доме, где арендует свой корреспондентский пункт газета «Известия», хозяин выключал центральное отопление в 24.00 — он сократил эту «роскошь» на целый час.

Я прошел по улице еще метров сто. Впереди на фоне бархатного темного неба засветилось яркое пятно. Подгоняемый любопытством, через каких-нибудь две-три минуты я уже стоял перед магазинчиком, пахнущим свежей штукатуркой. На вывеске значилось: «Коллекция Елены Хиггинс». В незашторенной глубине узкого, как пещера, помещения два приказчика старательно перечеркивали на глянцевых ярлычках дамских летних платьев цифры прежних цен и наносили пунцовыми фломастерами новые. На зеркальном стекле витрины чья-то размашистая рука с угла на угол написала: «Распродажа. Цены снижены на 15 процентов».

— Знаю по себе,— сказала мадам Хиггинс,— что лю-

ням в первую очередь нужны сахар и мыло. Им не до декольте. Я недавно открыла свое дело, но уже приходится сожалеть об этом. Кругом одни убытки. Что же с нами будет?!

Так, очевидно, думают многие. Из магазинов исчезли моющие средства, зубная паста, мыло, бумажные салфетки, целлофановые пакеты. Ощущаются перебои в снабжении сахаром, солью. Охваченный паникой, потребитель толчется возле прилавков, шаря глазами по полкам: а что можно купить впрок? Что еще может исчезнуть завтра?

...В полуподвальном этаже универмага «Аояма пикок» я оказался свидетелем резкой перебранки покупателей с газетным репортером. Видимо, он получил задание запечатлеть на фотопленке обывательский ажиотаж, но наскочил на весьма бойкую тетушку, которая проявила недюжинное знание обстановки:

— Вы читали,— обращалась она сразу ко всем соседям по очереди в кассу,— литейный завод в городе Кавагути отказался принять заказ на изготовление «стобу» (печка типа «буржуйки».— В. К.). Раньше они выпускали по 40 тысяч «стобу» в год. А в последнее время все стали обогреваться керосиновыми капельницами. И чтобы не нести убытки, завод сократил выпуск «стобу» в десять раз. Люди возмущаются: сегодня в ходу «стобу», а завод не принимает заказ. Говорят, что у них «нет чугуна». А нам-то какое дело? Говорят, что у них свой план. А нас с вами спрашивали о семейных планах, когда повысили цены на сахар? Было время, когда на тысячу иен я приносила домой полную сумку продуктов. А теперь они не закрывают дна.

Женщина протянула девушке за кассовым аппаратом обесцененную купюру.

Мне вспомнился разговор, затеянный однажды в купе экспресса Токио — Ниигата. Моего соседа, работника

строительного агентства, звали Васэда. Человек бывалый, он исколесил страну вдоль и поперек.

— Да,— говорил он,— самой острой проблемой в Японии год из года становится топливо. Чтобы произвести на свет элементарные деревянные игрушки, нужна энергия, приводящая в движение токарный станок. Чтобы отрыть котлован под фундамент завода, тоже нужна энергия. Для получения энергии страна расходует огромное количество топлива, а с полезными ископаемыми у нас худо.

БИЗНЕС НА КРИЗИСЕ

Газеты сообщали: кабинет министров подготовил законопроекты о нормировании потребления электроэнергии и нефти ведущими отраслями промышленности. Муниципалитеты принудили некоронованных королей неоновых джунглей погасить на домах рекламу коммерческую и разрешили оставить сугубо информационную: «Ресторан», «Кафе», «Подземка». Никаких «Прекрасных эдельвейсов», «Треуголок Наполеона» и тому подобных излишеств.

А тем временем ловкие предприниматели из крупных электротехнических фирм готовяли покупателя к новинкам с пониженным потреблением электроэнергии. «Спешите приобрести электроплитку нашей фирмы! Она спасет бюджет вашей семьи, позволит сэкономить на электричестве несколько тысяч иен!» Мыслимо ли отказаться от такой приманки?

Кампанию выпуска электроприборов с пониженным потреблением электроэнергии возглавила одна из крупнейших фирм «Тосиба». В недрах ее научно-исследовательского института еще не успели завершить разработку модели первого «экономичного» пылесоса, как вслед включилась электротехническая компания «Хитати», производящая все — от гигантских генераторов до карман-

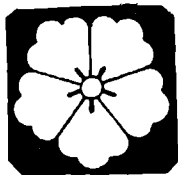
ных электронно-вычислительных машинок. Не отстала от своих конкурентов и фирма «Сони». Работал транзисторный приемник на четырех батарейках, а теперь он стал обходиться двумя! И на прилавки магазинов посыпались пылесосы, радиоприемники, стиральные машины, электроплитки обновленных образцов.

Под предлогом растущих затрат поставщики сырья ввели в норму принцип: хочешь выжить, раскошеливайся! Образовалась своеобразная цепная реакция: так, например, «Ниппон лайт метал» — крупнейший производитель алюминия и «Мицуи майнинг энд смелтинг компани» поспешили уведомить своих клиентов о сокращении поставок. В свою очередь «Ниппон майнинг компани» взвинтила цену на медь. А три ведущие компании по производству бумаги оповестили газетные издательства о введении лимитов на бумагу. Цены на автомашины всех категорий, выпускаемые компаниями «Тоёта» и «Ниссан», подскочили от 6,5 до 8 процентов.

По-своему попыталась решить проблему экономии энергии полиция. Автомашины на дорогах страны, по сведениям главного полицейского управления, пожирают около 16 процентов всего потребляемого горючего. В целях экономии полиция предложила ограничить использование всех видов транспорта для увеселительных загородных прогулок и ограничить скорость движения 80 километрами в час.

Заикнулись было полицейские чины и насчет того, что для экономии электроэнергии кабаре, бары, кегельбаны, ночные рестораны следовало бы закрывать в 10 часов вечера. Однако владельцам ночных увеселительных заведений подобные идеи пришлось не по вкусу. Используя своих тайных и явных покровителей, они постарались нажать на полицию, и дело было «улажено» — стражи порядка прикусили языки, дабы, как было объявлено, не нанести «ущерба репутаций полиции».

Япония ежедневно сжигает, съедает, изнашивает, смыливает, стирает об асфальт 700 тысяч тонн нефти. «Мы беспечно купались в нефтяном море и не думали, что оно может обмелеть. Мы варварски расходовали «черное золото» и за это должны поплатиться»,—патетически восклицала газета «Асахи».

ИЗНАНКА ЧУДА

В ясную погоду остров Хасима виден издалека. Да и перепутать его с другими клочками суши, разбросанными в морских просторах, юго-западнее Нагасаки, невозможно. Своими очертаниями он напоминает бегущий по волнам эскадренный миноносец, отчего издавна имеет второе название — «Гункан дзима», то есть «военный корабль».

Но известность к острову пришла по иной причине. О нем заговорили в 1900 году, когда в его недрах обнаружили богатые залежи каменного угля. Об этом прослышал богатый предприниматель Ятаро Ивасаки. Он знал, что Япония бедна полезными ископаемыми, в том числе и коксующимся углем, и с жаром взялся за дело.

В 1941 году на шахтах Ивасаки был зарегистрирован рекорд добычи — 411 тысяч тонн. Такая выработка, по японским стандартам, считалась, да и считается теперь, вполне приличной. Богатства острова привлекли внимание хозяев концерна «Мицубиси», и шахты в том же году перешли в их владение.

Поражением японского милитаризма закончилась вторая мировая война. В Токио менялись премьер-министры. На Японском архипелаге бушевали политические страсти, а в укладе жизни острова Хасима все оставалось по-прежнему. Спозаранку шахтеры уходили в штольни, рубили обушком уголь. По воскресеньям наведывались на «большую землю» за покупками в Нагасаки, выпивали

свою норму сакэ и возвращались затемно домой в горняцкий поселок.

Постепенно остров обрастал жилыми домами, которые пришли на смену лачугам. Его берега обнесли «волноломами», чтобы уберечь от коварных тайфунов. Однако защитить горняков от стихии капиталистического предпринимательства оказалось куда сложнее: 15 января 1974 года из самой глубокой шахты острова Хасима поднялась последняя смена шахтеров. Администрация компании «Мицубиси» объявила о закрытии предприятия «в связи с нерентабельностью». Шахты решено затопить, а шахтерам предложили перебраться на архипелаг. Ста горнякам из восьмисот компания обещала предоставить работу. Остальных просто уволили.

«Корабль торпедирован и пущен на дно. Его экипажу надо спасаться.

Остров сокровищ станет необитаемым островом» — таково резюме компании, которому никто не может возразить: хозяин — барин.

Эта полная трагизма история казалась особенно невероятной в обстановке разразившегося энергетического кризиса. Мыслимо ли затоплять угольные штреки, когда люди мерзнут от холода в домах, когда частично парализована промышленность, взвинчиваются цены на товары первой необходимости, а страна стоит на пороге введения карточек на нефтепродукты?!

— Хочу напомнить, что единственную отрасль добывающей промышленности Японии по существу начали сворачивать лет пятнадцать назад, — говорил мне бывший председатель профсоюза горняков С. Хара. — В 1960 году у нас насчитывалось 622 шахты, а сейчас по всей стране — лишь около сорока. Число шахтеров сократилось с 450 тысяч до 25 тысяч человек. Монополии погнались за дешевым привозным теплом — нефтью — и разрушили угольную промышленность. Я бывал в Европе, знаю, как дело обстоит с топливом в Советском

Союзе и в других странах. Вам можно лишь позавидовать.

А в Японии кое-кто, видимо, считает, что добыть угольную промышленность окончательно — проще, чем ее восстановить. Когда мы говорили о национализации угольной промышленности, власти смотрели на нас, как на сумасшедших. Я и по сей день считаю, что этот путь — единственно правильный для ее спасения. 400 тысяч уволенных за последнее десятилетие горняков — это прямой укор тем, кто заботился не об интересах народа, а лишь о своих дивидендах.

...Воскресным утром возле бензозаправочных станций в центре Токио останавливался маленький грузовичок с помятым, ржавым бампером и облезлым от долгой и, видимо, несладкой жизни кузовом. Его владелец, 30-летний Омия, прилепив к ветровому стеклу лозунг: «Я протестую против повышения цен на бензин!», решил объехать все бензоколонки столицы, чтобы вновь привлечь внимание общественности к этой острой для многих тысяч мелких предпринимателей проблеме. Он мне сказал: «Газеты ежедневно сообщают о банкротствах. Я и сам — на грани краха. До сих пор мы с отцом делали гвозди для мебельной фабрики. Недавно нам сократили продажу проволоки на 30 процентов и обещают срезать еще процентов 20. Сейчас себестоимость одного гвоздя — в три раза выше, чем год назад. Как быть? Не представляю!»

В хозяйственном отделе крупнейшего столичного универмага «Исэтан» выставлены образцы металлических (гнутая проволока) ножек для традиционных японских столиков.

— Извините, этой продукции на складе сейчас нет, — сказал мне продавец. — Когда появится? Ответить трудно.

Через несколько дней нахожу сообщение в «Токио симбун»... «Цемент, стекло, кухонная утварь, японские столики подорожали на 40 процентов».

За последнее время коррозия инфляции поразила практически все отрасли японской экономики, вызвала резкое взвинчивание цен. На одежду цены возросли на 17 процентов; стоимость образования увеличилась по сравнению с 1972 годом на 13 процентов. На основной продукт питания японцев — рыбу — цена подскочила на 14 процентов: овощи подорожали на 30 процентов.

«Мы сокращаем программу телевидения», «Мы вынуждены делать передышку в работе лифта с 11 до 12 часов», «Пользуйтесь эскалатором до 5 часов»..., «Приобретайте теплое белье, чтобы не заработать простуду» — подобные объявления украсили стены многих контор, учреждений, жилых домов. В борьбу за экономию топлива включилась даже столичная полиция: некоторые подразделения дорожной инспекции пересели с автомашин на велосипеды.

Вспоминается поездка на крупное автомобильное предприятие «Ниссан дизель компании». Мы сидели в зале и слушали плавный, как отлаженная лента конвейера, рассказ президента компании Киоти Харасина об истории заводов «Ниссан». Ему аккомпанировала еле слышная работа кондиционера, нагнетавшего в помещение теплый воздух. Внезапно аккомпанемент прервался.

— Мы тоже бережем электроэнергию, — мгновенно отреагировал президент, заметив на лицах слушателей недоумение.

Перерыв в работе кондиционера как бы подвел черту под монологом президента и позволил наконец задать ему несколько вопросов. Отвечая на них, он, например, признал, что компания решила сократить производство дизельных грузовиков на 20 процентов.

— Мы намерены также уволить около 500 рабочих, — продолжал Киоти Харасина. — В первую очередь, разумеется, пострадают временные рабочие. Ну, а как будет обстоять дело потом — увидим...

В достаточно сложной ситуации, с которой столкнулась Япония, надо признать, присутствовал и элемент искусственной, далеко не безобидной драматизации положения. Десятки крупных компаний не преминули воспользоваться удобным случаем, чтобы урвать от пирога кусок побольше. «Майнити дейли ньюс» в статье «Термин — «нефтяной кризис» используется в качестве удобного инструмента для взвинчивания цен» приводила многочисленные примеры нечистоплотной тактики фирм и компаний в погоне за прибылями. «Различные отрасли промышленности,— писала газета,— поднимают цены на свою продукцию, ссылаясь на то, что, мол, недостаток нефти заставит их сократить выпуск продукции. А на самом деле они и не помышляют ее сокращать на громогласно объявленное число процентов».

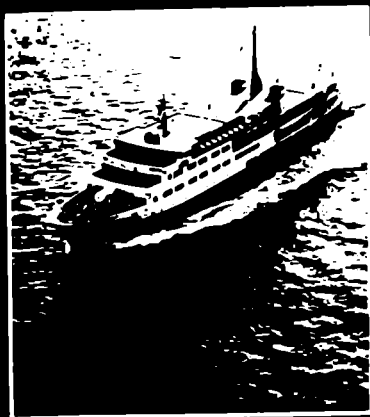
На страницы печати просочились факты о махинациях, которыми занимались владельцы крупных складов готовой продукции вкупе с промышленниками в пригородах Токио, где сосредоточено около 150 складов, арендуемых различными фирмами. Оказалось, что на этих складах скопилось большое количество мыла, моющих средств, сахара, муки и других дефицитных товаров. Правительство отдало распоряжение провести проверку складов и выявить излишки в Иокогаме, Осаке, Кобэ, Нагойе и других портовых городах. В этой кампании участвовало 8 тысяч чиновников министерства финансов, однако даже этой армии, конечно, не решить проблемы в целом.

Энергетический голод Японии — часть общего кризиса мировой капиталистической системы. «Экономика Японии,— признает «Дейли иомиури»,— была выбита из равновесия одним ударом — сокращением поставок нефти с Арабского Востока. Это свидетельствует, насколько слаба вся ее основа». Да, топливный шок с достаточной ясностью вскрыл сущность «японского чуда», показал

его изнанку. Исследовательские институты мрачно предсказывают дальнейшее снижение валового национального продукта, который прежде увеличивался в среднем на 10 процентов в год.

Долгое время стране удавалось за счет дешевой рабочей силы успешно конкурировать на мировых рынках, расплачиваясь за все готовой продукцией. Сокращение ряда отраслей промышленности на 20—30 процентов лишит Японию привычной возможности «выживать за счет других». А сами японцы все чаще задаются вопросом: стоит ли трудиться в поте лица, если уже к середине рабочего дня карман остается пустым?!

ТРАССЫ ЯПОНСКОГО МОРЕЯ

Знакомые газетчики из токийской «Санкэй симбун» как-то сообщили: «Сегодня публикуем результаты опроса читателей о японо-советских отношениях. Цифры весьма показательные...»

Они были правы. Вот они, эти цифры: 88 процентов опрошенных вы-

сказались за необходимость укрепления дружбы с Советским Союзом, 84 процента отметили важность экономического сотрудничества между двумя странами.

С ПОЗИЦИЙ РЕАЛИЗМА

Минувшие годы не были ровной, безоблачной дорогой в советско-японских отношениях. Определенные круги этой страны вопреки здравому смыслу пытались действовать с позиций «холодной войны». Но не они задают сегодня тон. Ныне здесь говорят о реальной возможности и необходимости развития добрососедских связей между Японией и Советским Союзом.

Такой подход диктуется самой жизнью. За последние годы между СССР и Японией заключен ряд важных торговых соглашений, которые уже осуществляются. Так, в 1968 году было подписано соглашение о поставках из Японии машин и материалов для производства на Дальнем Востоке сырья, потребляемого целлюлозно-бумажной промышленностью, в том числе и для экспорта в Японию. В конце 1970 года подписано соглашение о строительстве порта в бухте Врангеля, а затем соглашение о товарообороте и платежах на 1971—1975 годы. Между двумя странами продолжаются переговоры по ряду взаимовыгодных перспективных объектов.

Значение этих сделок трудно переоценить. О них у меня зашла речь во время встречи с председателем торгово-промышленной палаты Японии С. Нагано. Он не раз бывал в Советском Союзе в качестве сопредседателя японо-советского комитета по деловому сотрудничеству, участвовал во многих переговорах.

— Я высоко оцениваю тот факт, что Л. И. Брежнев лично вникает в тонкости вопросов взаимоотношений между нашими странами.

Когда я впервые посетил Советский Союз,— вспоминает С. Нагано,— а это было полтора десятка лет назад, товарооборот между нашими странами не превышал 20 миллионов долларов в год. Ныне он достиг 900 миллионов. Однако я считаю, что это далеко не предел. У нас имеются огромные резервы для развития торговли, расширения деловых связей.

Мой собеседник с удовлетворением отозвался о ходе работ в бухте Врангеля, где при участии японской стороны сооружается современный морской порт.

— Своеобразие нашей страны состоит в том,— говорит С. Нагано,— что Япония не имеет промышленного сырья. Мы ввозим его, перерабатываем и выходим на внутренний и внешний рынки с готовой продукцией. Благодаря своим богатствам Советский Союз может предложить все что угодно: руду, газ, нефть, уголь. А если учесть, что транспортировка сырья и промышленной продукции не составляет большой проблемы,— ведь мы соседи,— то наше сотрудничество становится еще более привлекательным.

В беседе С. Нагано затронул и весьма остро стоящий для Японии вопрос валютных потрясений, охвативших страны капиталистического мира. Различные трудности японской экономики начала 70-х годов усилились после девальвации доллара. Причем особенно болезненно валютный хаос сказался на мелких и средних предприятиях Японии.

В этих условиях отчетливо видны преимущества советско-японских экономических связей, которые развиваются равномерно, без «шоков и нокаутов».

— Выгодно. Очень выгодное дело и для нашей страны, и для Советского Союза,— говорил С. Нагано.— Ваш рынок надежен уже потому, что его гарантом является само государство.

А вот мнение председателя профсоюза учителей Японии М. Макиэда: мы гордимся крепкими связями с со-

ветскими учителями. Обмен посланиями между К. Танакой и Л. И. Брежневым создаст еще более благоприятные условия для расширения контактов, укрепления отношений в области политики, экономики и культуры.

МИЛЛИ- ОННЫЕ ОБОРОТЫ

Традиции и вежливость стали в Японии понятиями-близнецами. Мне, гостю, пришлось первому поклониться, назвать свое имя и вручить хозяину визитную карточку: для документального подтверждения собственной личности, с одной стороны, и для облегчения продолжения возможных контактов на будущее — с другой.

Господин Ногуту ответил мне тем же. Так я узнал, что мой собеседник впервые посетил Советский Союз в 1956 году. Он сопровождал премьер-министра И. Хатояму в Москву и присутствовал при подписании документов о нормализации отношений между Японией и СССР.

— В 1957 году, — рассказывает Ногуту, — между нашими странами был подписан первый торговый договор. Общий объем товарооборота составлял не более 20 миллионов долларов. И я подумал: а не открыть ли мне свое торговое дело, дабы поднять торговый баланс до более зримой отметки...

Теперь, спустя почти двадцать лет, он убежден в правильности своего шага. Созданная им торговая фирма «Японское море» получила достойное признание в японо-советской торговле. Ее оборот достиг 100 миллионов долларов.

— Согласитесь, эта цифра не так уж велика, если учесть, что товарооборот между нашими странами в 1973 году превысил миллиард долларов, — говорит Ногуту. — Но без моих ста миллионов не было бы этого миллиарда!

Фирма «Японское море», созданная на заре наших послевоенных торговых связей, наглядно показала

многим представителям делового мира Японии выгодную перспективную сторону сотрудничества. На складах фирмы я видел советский текстиль, редкие металлы. Советский Союз ежегодно поставляет в Японию 1300 тысяч тонн нефти, часть которой ввозится танкерами фирмы «Японское море».

Ведущее место в деятельности фирмы занимает закупка в Советском Союзе лесоматериалов. В Японию из Советского Союза поступает до 19 процентов всего импортируемого леса. А доля фирмы «Японское море» составила в этом импорте приблизительно шестую часть.

...Сюда, в отсеченную толстым стеклом и бетоном от удушливого смога токийских улиц штаб-квартиру крупнейшей компании «Сумитомо сёдзи», не доносится лающая перебранка автомобильных клаксонов, не проникает липкая духота лета. Бесшумно работают скоростные высотные лифты. Лампы дневного света разливают мягкий свет по всем двадцати этажам компании. Из кабинета в кабинет с деловыми бумагами снуют клерки: мужи и мальчики в белых сорочках, при галстуках.

Вице-президент компании Уэмура говорит, что его компания — давний партнер Советского Союза. И если фирма «Японское море» занимается исключительно торговлей, то «Сумитомо сёдзи» проводит комбинированные операции. Она вышла в число ведущих компаний по закупке в СССР новейших станков и создала у себя отдел по научно-техническому сотрудничеству.

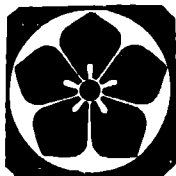
— Такую двуединую форму взаимоотношений с СССР мы считаем более прогрессивной, — отмечает вице-президент.

В чем же конкретно проявляется научно-техническое сотрудничество? «Сумитомо сёдзи» подписала с Государственным комитетом Совета Министров СССР по науке и технике соглашение об обмене информацией и опытом в таких сферах промышленности, как металлур-

гия и энергомашиностроение. Японская сторона уже приобрела в СССР ряд лицензий и патентов.

Вспоминается еще одна встреча с руководителями ведущего сталелитейного концерна «Синниппон сэйтэцу». Этих людей можно считать пионерами в деле внедрения на японских металлургических заводах советской техники. Это по их инициативе на доменах металлургического завода под городом Нагоя уже применяется разработанная в СССР система испарительного охлаждения. По мнению специалистов, новая технология открывает для доменной печи как бы вторую жизнь.

— Мы очень рады, что своевременно приобрели советскую лицензию,— говорили японцы.— Значительная часть всех домен, действующих в Японии, теперь переводится на новый режим. Сотрудничать с вашей страной выгодно и перспективно.

ЧИСТЫЕ ВОДЫ ХАКОНЭ

От ультрасовременной гостиницы, что возвышается неподалеку от древних стен императорского дворца, до озера Хаконэ добрых три часа езды на автобусе. Чтобы не попасть в безнадежную транспортную пробку, профессор Кайя предлагает выехать из столицы пораньше. Выдающийся японский ученый и общественный деятель, он принимает делегацию советских академиков, и ему приятно проявлять о них заботу даже в мелочах.

Физики, математики, медики, генетики занимают Места в комфортабельном автобусе. Машина нанята в одной из туристических компаний. Рядом с водителем на откидном стульчике устроилась изящная девушка-гид в голубой униформе. Всю дорогу она рассказывает через микрофон о достопримечательностях округи. А когда автобус, миновав перевал, легко покатил к темно-синему блюдечку озера Хаконэ, девушка расска-

зала нам легенду и о связанном с ней празднике дракона — хранителя озера.

Профессор Кайя с хитрецой в глазах заметил:

— А вот о том, что на восточном берегу Хаконэ мы устроили дендрарий-заповедник, она еще не знает. Признаться, для этого я и решил привезти вас в эти места.

Пересев из автобуса на прогулочный катер, мы минут за пятнадцать добрались до понтонного причала, с которого открывался вид на густо заросший лесом гористый берег озера.

— Легенды поэтичны и, как веселый праздник, прекрасны, — улыбается Кайя. — Мифический дракон охраняет реальное озеро, а человек пытается осквернить не только его чистоту, но и все вокруг: лес, горы, пляжи. В Японии проблема загрязнения окружающей среды с каждым годом приобретает все более острый характер. Смрад выхлопных автомобильных газов, дым промышленных предприятий, нефтяные пленки на воде, илистая слизь фабричных отходов вдоль морских берегов — все эти порождения технического прогресса заставляют нас, ученых, глубже задуматься над тем, как избежать грозящей катастрофы.

Парк, в котором мы сейчас находимся, — продолжает он, — мы превратили в заповедник, откупив землю у префектуры. Цель одна — чтобы грядущие поколения могли пользоваться всеми благами природы.

— Эта проблема безгранична и требует объединенных усилий ученых всего мира, — вступает в разговор Николай Николаевич Блохин. — Как медик, берусь утверждать, мы реально можем защитить человечество от губительного загрязнения природы отходами производства. В этом плане у советских и японских ученых есть широкое поле для сотрудничества.

Эта мысль была официально зафиксирована на совместном заседании ученых двух стран в Токио, где мне также довелось присутствовать. «Коллективный разум

должен стать символом прогресса, движущей силой общества» — к такому выводу пришли представители науки СССР и Японии.

ДАРЫ КАНДЫ

Мир японских букинистов на токийской Канде таит удивительные неожиданности. В этом книжном Вавилоне смешались эпохи и стили, языки и жанры. Хорошо сохранившиеся издания соседствуют со стопками перевязанных бечевой растрепанных журналов. Увесистые, как желтые снопы, газетные подшивки свисают с полок крошечных лавчонок. Пахнет слежавшейся бумагой, пылью, типографской краской давно минувших лет.

Никто спорить не станет: журнал «Родо оёби сангё» — «Труд и производство» за октябрь-ноябрь 1918 года — редкость действительно библиографическая. Журнал издавался единственной тогда профсоюзной организацией Японии — обществом Юайкай. Редакторы этого издания, судя по всему, были люди неробкого десятка. Они, например, распространили среди читателей анкеты с вопросом: что вы думаете о русской революции?

Некоторые ответы были опубликованы на страницах журнала. «Революция в России возникла потому, что представители дворянства и купечества душили свободу и права низших слоев, то есть рабочих. Наши правители, богачи и капиталисты не слушают, что говорят рабочие и бедняки, не обращают внимания на их социальные нужды. Поэтому-то и возникли нынешние бунты», — такой ответ, например, дал рабочий Эндо.

— Если для правящего класса, — комментирует этот примечательный документ председатель Генерального совета профсоюзов Японии СОХИО М. Итикава, — революция в России — соседней стране, была сильнейшим потрясением, то для трудящихся масс Японии и прежде

всего для рабочего класса победа Октябрьской революции имела совершенно иное значение. Японский пролетариат и беднейшее крестьянство поняли, что социализм не мечта, а реальность, что его можно завоевать в борьбе с эксплуататорами. Эта уверенность в то время стала силой, обрушившей на правящие круги страны шквал «рисовых бунтов», прокатившихся по Японии осенью 1918 года. Как раз их и имел в виду рабочий Эндо из города Нагамацу, приславший ответ в свой профсоюзный журнал. Тогда же по всей стране начались стачки, забастовки. Вместе с ними получали в Японии распространение и идеи социализма.

Пожалуй, не менее уникальным документом можно считать и небольшую книжку, изданную ксилографическим способом в 1861 году в городе Хакодате (остров Хоккайдо). Я получил ее в подарок в городе Саппоро. Она называется «Русская азбука. Русского чиновника. Подарок японским детям. Издание И. Махова».

История появления этой книжки на русском языке с японским подстрочником удивительна. Она связана, прежде всего, с установлением официальных торговых связей между Россией и Японией в середине прошлого века.

1 июля 1859 года японский порт Хакодате наряду с Иокогамой и Нагасаки был открыт для торговых операций с другими государствами. Незадолго до этого, в сентябре 1858 года, в Хакодате прибыл первый российский консул Госкевич. В штате консульства состоял и чиновник Иван Махов, человек по тому времени весьма образованный. Он знал, что еще в 1736 году в Петербурге была открыта при Академии наук первая школа японского языка. Там готовили толмачей (переводчиков), которые могли бы отправиться на кораблях в Японию для налаживания торговли. Школа была крошечная, училось в ней всего несколько человек. Иван Махов решил, что, коли есть возможность и время, надо попытаться обучить и

японцев русскому языку. Эту идею он воплотил в первой «Русской азбуке», издав ее на собственные сбережения в количестве 500 экземпляров. И. Махов долго хранил в секрете работу над своим детищем. Единственным доверенным лицом у него был гравер-японец Ц. Сигэкити, который вырезывал с авторского оригинала печатные формы на дереве. На предпоследней странице учебника Ц. Сигэкити, который немного знал русский, воспроизвел поистине вещие слова: «Вчера пришло сюда русское судно. Завтра большой праздник».

«ГОВО- РИТЕ ПО-РУС- СКИ!»

Так называется учебная программа японского телевидения. Она стала в Японии верным помощником для желающих изучить русский язык. Я посетил редакцию «Уроки русского языка» крупнейшей радиотелевизионной корпорации Эн-эйч-кэй и попросил ее руководителя М. Сасаки, а также составителя уроков, методиста М. Ниитта рассказать об этих передачах.

— Вот уже почти двадцать лет в нашей стране по радио звучат передачи в помощь изучающим русский язык,— говорит М. Сасаки.— Мы получили немало писем с просьбой начать передачу для изучающих русский язык и по телевидению. Потребовалась немалая организационная работа. У нас установились добрые отношения с московским телевидением, которое по нашей просьбе откомандировало в Эн-эйч-кэй своего диктора А. Шатилову. 7 апреля день рождения новой программы. Огромное спасибо московским коллегам за учебные телефильмы, которые мы используем в передачах. Нам оказывает помощь советское посольство в Токио — не только полезными советами, но и юными актерами: во многих скетчах по ходу сценария заняты дети советских сотрудников.

Мой собеседник показал мне экземпляр газеты «Майнити дейли ньюс», которая в передовой статье писала об учебной программе Эн-эйч-кэй, как о весьма примечательном событии. Статья заканчивалась такими словами: «Вы желаете изучать русский по телевидению? Да, да!»

Тексты телеуроков собраны в журнале «Говорите по-русски». М. Ниитта, ведущий эту программу, бывал в Советском Союзе, теперь он один из лучших в Японии лингвистов, преподает в токийском Институте русского языка.

Перед началом учебного года я поехал в это учебное заведение, чтобы познакомиться с порядком приема на 1-й курс.

— Вот они, наши абитуриенты,— сказал заведующий учебной частью Сайто.— Хотите побеседовать?

Знакомимся. Я. Камията закончил аспирантуру университета «Хосэй». Специалист по экономике сельского хозяйства. «Надеюсь,— говорит он,— что смогу изучать советскую литературу по агротехнике. Для моей специальности это необходимо». Двдцатичетырехлетний выпускник философского факультета С. Нагао приехал в Токио из Киото. «Я начал изучать русский на курсах в Киото. Язык настолько меня увлек что решил продолжать занятия, совершенствоваться. Мне это нужно для того, чтобы читать русскую и советскую литературу, труды по философии»

Институт функционирует при обществе «Япония — СССР». Около 700 студентов обучаются на дневном и вечернем отделениях. Вуз возглавляет лауреат Горьковской премии, большой знаток русской и советской литературы Э. Ёкэмура. В институте я познакомился с преподавателями — настоящими энтузиастами своего дела — Сайто, Нисио, Кудо и другими. Одни из них учились в Советском Союзе, другие участвовали в московских семинах по повышению квалификации. Они поддерживают постоянные связи с обществом «СССР — Япония», МГУ.

Токийский Институт русского языка за последние двадцать лет окончили примерно 15 тысяч человек. Все они работают в системе высшего образования, торговых фирмах, научных институтах, библиотеках, в прессе. Одним словом, там, где нельзя обойтись без знания русского языка.

— По нашим подсчетам, сейчас в Японии изучают русский язык до 50 тысяч человек,— говорит на прощание заведующий учебной частью Сайто.— Цифра растет. А это — зримое свидетельство желания японцев еще лучше знать вашу историю, литературу, экономику.

Важной вехой развития советско-японских отношений войдет в историю 16 февраля 1973 года. В этот день в Токио состоялось первое пленарное заседание Парламентской ассоциации японо-советской дружбы — организации, в которой объединились депутаты парламента от либерально-демократической, социалистической, коммунистической партий, партии Комэйто и партии демократического социализма. Инициатива создания ассоциации принадлежит ЛДП.

Мне не раз приходилось встречаться и беседовать с президентом ассоциации, видным деятелем либерально-демократической партии Хирохидэ Исида и ответственным секретарем, депутатом от социалистической партии Хироити Цудзихарой.

— Из года в год в Японии растет интерес к Советскому Союзу — ее ближайшему соседу,— говорили они,— усиливаются настроения в пользу развития дружественных связей. Нормализация отношений между нашими странами обусловила установление и расширение двусторонних контактов в самых различных областях. Цели и задачи ассоциации заключаются в том, чтобы содействовать взаимопониманию между народами-соседями, укреплению мира на Дальнем Востоке и во всем мире. Между нашими странами еще есть некоторые неурегулированные вопросы, но при желании они могут быть ре-

шены. Мы, японские парламентарии, искренне хотим внести в это дело свой посильный вклад. Эта идея четко сформулирована в первом параграфе нашего устава. Двери ассоциации широко открыты для всех членов японского парламента.

НИИГАТЫ У ПИРСА

Загруженный по самый фальшборт дальневосточным лесом, «Воскресенск» тяжело привалился к западному пирсу Ниигатского порта. От солнечных бликов рябит в глазах. Натруженно поскрипывают лебедки, выбирая из трюмов терпко пахнущую смолой сосну. Японские докеры в желтых защитных касках расторопно увязывают на грузовиках тяжелые бревна. Плечистый вахтенный ревниво наблюдает из ходовой рубки за разгрузкой: ведь по графику сухогрузу предписано успеть дважды обернуться за месяц. А сколько уже таких рейсов осталось позади! Ванино — Ниигата, Ниигата — Ванино. Знакома до мелочей каждая миля пути.

По судовой трансляции голос радиста оповещает: «Всех желающих принять участие в волейбольной встрече с японской командой прошу собраться на верхней палубе!»

— Да, это и есть наши морские будни, — говорит капитан «Воскресенска» Виктор Жовтун. — Этим рейсом мы доставили 6300 кубов пиловочного леса. Пока идет разгрузка, ребята должны отдохнуть, набраться сил для следующего рейса.

— Экипаж «Воскресенска» небольшой, — добавляет первый помощник капитана Владимир Коньшин, — работаем по Щекинскому методу. Каждая минута на счету.

Время полуденное. Моряки приглашают вместе отобедать. Отказаться от щедрой флотской кухни трудно. А для нас, живущих и работающих в Японии, пожалуй,

самым лакомым блюдом признан обычный русский хлеб. Его выпекают здесь же, на судне. Оттого он делается еще аппетитнее. Теплый, ароматный, кажется, за один присест осилил бы целую буханку!

А вы слышали историю о русском пекаре? Вот она.

**ИВАН-
САН**

Впервые японцы познакомились с русским заварным хлебом еще в конце прошлого века. Произошло это так. В 1890 году в столичном районе Ямасита-тё были сняты строительные бамбуковые леса с новой гостиницы под пышным названием «Империял-отель». Чтобы как-то оправдать столь высокий «императорский» титул отеля, хозяин надумал пригласить из России опытного кулинару.

Этим кулинаром оказался Иван Косяков. Однажды во время прогулки по Владивостоку Иван заметил на черном от дождей заборе торговую рекламу, на которой была изображена японка в ярком кимоно с пивной бутылкой в руках. На бордовых фонариках, обрамлявших по периметру плакат, русскими буквами значилось: «Саппоро». Текст пониже гласил: «Оптовый склад Мацуду. Семеновская улица. Между Алеутской и Китайской». Реклама произвела на Ивана сильное впечатление. Через несколько дней он подписал контракт с хозяином «Империял-отеля», заявив при этом: «Я еду в Токио для того, чтобы не только мои земляки могли при желании испить японского пива, но и японцы, в свою очередь, имели бы возможность отведать русского хлеба».

Русский обер-пекарь Иван, к имени которого на японской земле прибавилось уважительное «сан», демонстрировал чудеса пекарного искусства, покоряя самых притязательных постояльцев гостиницы булочками-шанежками, крутыми калачами, ковригами из опарного теста.

Хозяин положил Иван-сану фантастическое по тем временам жалование — 4200 иен в год.

Отель «Империаал» сгорел во время землетрясения 1 сентября 1923 года, когда в Токио и Иокогаме погибло более 91 тысячи человек и было уничтожено 558 тысяч домов. После этой катастрофы неподалеку от Гинзы выстроили новый «Империаал-отель». Теперь здесь часто останавливаются советские ученые, писатели, артисты, приезжающие по делам в Японию. И хотя с тех дней, когда в «Империаале» пленял гостей своим искусством Иван-сан, прошло много лет, имя его помнят и подают к столу хлеб, приготовленный по рецептам русского кулинара.

— Столько удивительных историй приходится слышать в разных портах,— замечает Виктор Жовтун.

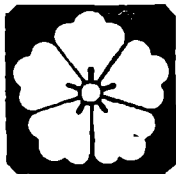
— А вы давно плаваете?

Жизненный путь капитана мало чем отличается от биографий тысяч и тысяч советских людей. Родился и вырос на Дальнем Востоке. Любит свой город Холмск, к которому приписан и его «Воскресенск». Любит море, своих товарищей по нелегкой работе. Виктору исполнилось тридцать шесть. Плавал рядовым матросом, окончил Сахалинскую «мореходку», был помощником капитана, а с 1967 года стал самостоятельно водить в рейсы суда. Ходил в Канаду, Сингапур, доставлял грузы в героический Вьетнам. Теперь «Воскресенск» частый гость Ниигаты.

— Город интересный,— говорит Виктор.— Первый русский корабль стоял на рейде порта в 1869 году. Мелководье не позволило подойти к причалам. А теперь ежегодно более двухсот судов под советским флагом бросает якоря у ниигатских пирсов. Вот, например, в данную минуту под разгрузкой стоит сразу четыре сухогруза — «Прикумск», «Кунгур», «Брест» и наш «Воскресенск».

Кто-то замечает, что город и сам порт Ниигата за последние годы изменились неузнаваемо. Страшное землетрясение 1964 года разрушило две трети построек. Ни-

игатцы мужественно встретили стихийное бедствие. Все как один поднялись на восстановительные работы. В те дни они получили десятки телеграмм из различных городов Советского Союза. Пришли слова сочувствия из Москвы, Хабаровска, Владивостока, Холмска, Ванина...

ОТКРЫТКА ИЗ ЛЕНИН- ГРАДА

Среди немногих строений, уцелевших тогда от землетрясения в Ниигате, есть на улице Минами-Хамадори двухэтажный деревянный особняк под черепичной крышей с мезонином, с печной кирпичной трубой и резными наличниками на окнах. Дом обсажен пальмами, камфарным лавром; на клумбах цветут пионы. Во дворик выходит широкое крыльцо под двускатным навесом, подпирающим два прямоугольных, по-японски фигурно переплетенных, окна верхнего этажа. Двери парадного входа всегда открыты. Здесь рады любому гостю. Особенно тепло братья Канаи встречают советских людей.

История дома Канаи начинается в середине прошлого века. Дед Яити Канаи 14-летним мальчиком отправился из Ниигаты в Токио в поисках счастья и заработка. Там он познакомился с одним из первых японских фотографов и пристроился работать в его студии «тотзэм» — подмастерьем. Со временем «тотэй» превзошел в мастерстве своего учителя, скопил немного денег и пешком возвратился в родные края. Яити открыл первую в Ниигате фотографию и сделался одним из самых уважаемых людей. Большую часть времени он проводил в студии, а на досуге собирал картины, предметы быта, редкие книги, манускрипты.

Любовь к искусству, поэтическое отношение коллекционера к разного рода реликвиям Яити передал своему сыну Кодзи. Эти качества унаследовали от деда и отца

и теперешние обитатели особняка — братья Рютаро и Дзиро Канаи.

Тихий приморский вечер. Сквозь широко растворенную дверь проглядывают мерцающие звезды. По деревянным поскрипывающим ступенькам поднимаемся на мансарду. Высокие стены увешаны картинами, эскизами, плакатами. В углу мольберт, на высокой подставке палитра — будто художник только что держал ее в руках. На стеллажах в художественном беспорядке расставлены гипсовые фигурки рыбаков, рабочих, натурщиц. Некоторые работы еще не закончены, другие уже отлиты в бронзе. Младший брат Канаи Дзиро — художник. Пишет и его жена. Дзиро окончил Академию художеств. За свои работы, которые он начал выставлять еще в 1959 году, был удостоен многих премий и призов.

— Вскоре после капитуляции Японии в Ниигату навелся один из учеников Пикассо, — вспоминает Дзиро. — Мы познакомились. Он был недолгим гостем нашего города, но успел поработать в этой самой мастерской, где мы с вами находимся.

Рютаро, видимо, пошел в деда — он страстный любитель фотографии, хотя Рютаро — профессионал-спортсмен, работает тренером на машиностроительном заводе компании «Ниигата-Теккосё».

— Брат не успел рассказать вам о своей поездке в Хабаровск, — замечает Рютаро. — Он ведь чемпион по самбо.

— Хабаровск! — почти патетически восклицает Дзиро. — Поездка была незабываемой. У меня осталось там столько друзей! — Дзиро перечисляет встречи, называет фамилии хабаровских самбистов, сует мне в руки пачку фотографий. — У нас в доме все с давних времен испытывают чувство огромной любви к России, к Советскому Союзу. Знаете, она зашла к нам вместе с русскими моряками. Они много рассказывали о ваших городах, героях войны, ветеранах труда...

Братья спешат показать нам свою фамильную гордость — музей. В двух комнатах собраны предметы утвари и оружия времен монгольского нашествия, уникальные словари, включая первые русско-японские издания, древние монеты, деревянные «платежные дощечки», которыми горожане рассчитывались в лавках за рис, старинные картины, литографии, диковинные веера. Наиболее полно иллюстрирован быт старой Японии, периода до «революции Мэйдзи». Именно тогда правящие слои японского общества сменили свои вычурные одежды и прически на расшитые золотом мундиры и цилиндры, а воинственные самураи облачились в железные латы и вооружились острыми, как лезвие бритвы, изогнутыми мечами. Все эти предметы убранства покоятся на низеньких стеллажах, в шкафах и на этажерках.

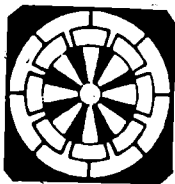
Почти неслышными шагами в комнату входит одетая в скромное кимоно, строго причесанная, с доброй старческой улыбкой Мияо-сан. Мать братьев. Она бережно разворачивает пестрый «фуросику» — платок, достает из него открытку и протягивает мне. Знакомые советские почтовые марки — красная достоинством в один рубль со Спасской башней и синяя в 25 копеек с изображением летчика в шлеме. Будто только вчера оттиснутый штемпель: «Ленинград, 29 апреля 1951 года». Адрес по-японски: Ниигата, Минами-Хамадори. Канаи Мияо-сан. На обратной стороне — репродукция картины Юона «Утро индустриальной Москвы».

Не дожидаясь вопроса, Мияо-сан рассказывает, что эту открытку ей прислала подруга юности Томи Кора. Одна из немногих японских женщин, получивших звание профессора философии, она преподавала в университете. В годы войны за пацифистские взгляды подвергалась преследованиям и арестам. В начале пятидесятых годов Томи Кора решила целиком посвятить себя политической деятельности. Ее избирают в парламент, она пишет острые статьи, выступает на митингах и собраниях. Она

еще больше сближается с домом Канаи, где постоянно собирались ее единомышленники — люди искусства, спортсмены, ученые, видевшие в развитии дружественных связей с СССР будущее Японии.

Наконец, сбывается мечта Томи Кора: увидеть Советский Союз своими глазами. Шел 1951 год. О реальных возможностях установления дипломатических отношений между Японией и СССР тогда еще трудно было говорить. Томи Кора избирает окольный маршрут. Она вылетает из Токио в Западную Европу и во Франции получает советскую визу. И вот первая в послевоенные годы японская женщина сходит по трапу самолета в аэропорту Внуково. После участия в международной экономической конференции она едет в колыбель Октябрьской революции — город на Неве и оттуда посылает весточку в родную Ниигату своей подруге Мияо-сан.

«Я пишу из Ленинграда, города белых ночей, израненного войной города. Народ здесь живет и трудится с верой в будущее. Каждый на своем месте: рабочие, крестьяне. Все здесь замечательно, все прекрасно!»

АДМИРАЛ ПУТЯТИН

Петербургцы провожали в далекий рейс адмирала Путятин. Ему предстояло проделать небывалый по тем временам путь к берегам Японии, чтобы установить дипломатические и торговые отношения с дальневосточным соседом России. 11 декабря 1854 года трехмачтовый фрегат «Диана» приблизился к берегу полуострова Идзу, от которого до Токио оставалось не более однодневного перехода. Но разразившееся в заливе Сагами подводное землетрясение помешало Путятину достичь цели: корабль потерял всякую жизнеспособность.

Тогда адмирал с матросами высаживается на берег, подыскивает удобную бухту близ деревушки Хэда и ре-

шает строить новый корабль. Путятин надеется, что в Японии, морской державе, он без труда найдет опытных мастеровых. Однако в ту пору декретами сёгунов (верховных военачальников) строжайше запрещалась постройка судов дальнего плавания. Деспотичные сёгуны изолировали страну от любых контактов с внешним миром, разрешая лишь рыбакам выходить на неуклюжих джонках в прибрежные воды. Начинается переписка с сёгунатом, в результате которой Путятин добивается разрешения на постройку мореходного судна. Офицеры и матросы «Дианы» делают чертежи будущей шхуны, с помощью японских мастеровых строят стапеля и закладывают на них остои «Хэды».

Жизнь русских моряков в Хэде можно в какой-то степени представить по зарисовкам, предметам утвари, письмам и посланиям, любовно сохраняемым в краеведческом музее Хэды, где значительная часть экспозиции отведена событиям тех далеких дней. Сохранились личные вещи Путятина, венский стул из офицерского кубрика «Дианы», чертежи шхуны «Хэда». Здесь же размещены подарки, полученные дирекцией музея от различных советских организаций. Перед входом в музей несколько лет назад был воздвигнут памятник советско-японской дружбе: два моряка стоят возле корабельного якоря, обняв друг друга за плечи.

В музее всегда много посетителей. Подолгу стоят они возле бронзового бюста человека в мундире адмирала с аксельбантами, который, несмотря на кораблекрушение и прочие невзгоды, до конца выполнил свою гражданскую миссию. В 1855 году Путятин подписал русско-японский договор.

Прошло еще немало лет, прежде чем между Россией и Японией установились регулярные торговые связи, а русские корабли стали желанными гостями в портах Токио, Хакодате, Иокогаме, Нагасаки, Осаке, Ниигате.

Большое развитие получила прибрежная торговля, связав советские и японские порты надежными морскими линиями.

Мы стоим возле зыбкого трапа. Пора прощаться с гостеприимным экипажем «Воскресенска».

— Для моряка каждый рейс — это кусочек его жизни, — говорит Владимир Коньшин. — А здесь у нас много хороших друзей. Ниигата стала побратимом с Хабаровском: Между ними перекинут воздушный мост прямого авиасообщения.

...Взвился на мачте сине-белый флаг «отхода», за ним легко побегал вверх лоцманский флажок. Счастливого пути, «Воскресенск»! До будущих встреч, Ниигата!

ЛОДКА ИЗ СИБИР- СКОГО КЕДРА

Нас было человек двадцать, не больше. И хотя встреча именовалась «приемом» и поначалу были соблюдены все пункты и параграфы японского церемониала, хозяева и гости держали себя просто, непринужденно, словно в этой комнате с раздвижными, заклеенными провощенной бумагой стенами собрались давние знакомые, которым есть о чем потолковать.

Так оно, в сущности, и было: деловые люди портового города Отару (остров Хоккайдо), закрыв двери своих оффисов, контор, припортовых складов, заперев хитроумными цифровыми замками сейфы банков, решили подарить этот осенний вечер советским друзьям.

Произносились тосты, расплывались в улыбках лица, хрустели от крепких рукопожатий пальцы. А потом хозяева показывали нам здесь же, на импровизированном «стенде» из составленных в линейку четырех стульев, образцы своих изделий, которые они могли бы предложить нашим внешнеторговым организациям.

По-купчески расхваливать товар не было нужды хотя бы уже потому, что здешние бизнесмены совершили начиная с 1958 года не один переход через Японское море, провели не одну неделю в наших дальневосточных городах.

— Я уже человек в годах,— повернувшись к молоденькому японскому репортеру из местной газеты, сказал Сабано-сан, глава хоккайдской организации содействия японо-советской торговле,— и хочу, юноша, чтобы все запомнили этот вечер и потом рассказывали о нем своим детям и внукам. Он стоит того. Посмотрите, как нам хорошо и приятно сидеть рядом с русскими!

Когда в октябре 1956 года были нормализованы отношения с СССР, мы, деловые люди Японии, искренне радовались этому событию. Если бы тогда в Москве не была подписана японо-советская декларация, еще не известно, свершились бы многие добрые дела, которыми отмечены годы нашего сотрудничества.

Умудренный жизненным опытом, Сабано-сан говорил правду: трезво мыслящие японцы давно поняли, что движение их страны в фарватере чужой политики, однобокая ориентация, игнорирование перемен, происходящих на международной арене, наносят ущерб интересам самой Японии. Вот почему многие представители деловых кругов приветствовали открывшиеся перспективы развития отношений с соседом, берега которого раскинулись по другую сторону Японского моря.

Как сейчас вижу перед собой коренастую фигуру Сабано-сана, который, прильнув к ночному окну и вглядываясь в беззвездное небо, задумчиво говорил:

— Славен ваш сибирский край. Помню, мой отец, умирая, завещал мне свою рыбацью лодку — самое дорогое, что нажил он за всю свою нелегкую жизнь. Отец сказал тогда: «Знай, сын, эта лодка ходила в море при любой погоде. Она встречала не один тайфун, выдержала

самые трудные испытания, потому что срублена из сибирского кедра...»

...Несколько лет назад в Советском Союзе находилась большая группа японских лесопромышленников. В портфелях у них лежали полномочия фирм и банков на переговоры с советскими внешнеторговыми организациями — экспортерами леса, они запаслись перечнем товаров, которые могли бы предложить в обмен. А перед отъездом на родину японцы встретились с журналистами из «Известий».

Разговор свидетельствовал о том, что деловые люди остались довольны визитом в Москву. Их миссия завершилась успешно. В советской и японской прессе было опубликовано первое генеральное соглашение о поставках в Японию технологической щепы и лесоматериалов лиственных пород. В свою очередь, Япония обязалась оснастить наши леспромхозы необходимым для лесоразработок оборудованием.

Вскоре после этого журналистская судьба забросила меня в небольшой городок Сидзуока. Он хотя и значится в списках промышленных городов, но славится прежде всего замечательными кустарями, резчиками по дереву. Этот промысел широко распространен и в соседних префектурах. Признаюсь: я не большой любитель пропахших пылью краеведческих музеев. Однако муниципальные власти уговаривали: «Не пожалеете».

И я не пожалел. Я знал, что дерево скрипки может плакать человеческим голосом. Я знал, что кокосовая пальма — это дерево жизни народов, населяющих тихоокеанские острова. Я знал, что дерево — это тепло и свет, домашняя утварь и надежный щит от вражеских снарядов.

В музее Сидзуоки я понял, что дерево может еще и говорить. Прикоснувшись резцом к древесине, мастер, казалось, передавал мертвому обрубку свои сокровенные мысли, возвышенные думы, характер. И дерево

обретало живой язык, то в образе грациозной куклы, то в незатейливой народной сценке.

— Все, что поразило ваше воображение,— наклонившись ко мне, заметил Ниядзо-сан, сопровождавший меня муниципальный чиновник,— сделано из русской березы или сосны.

Возле такси, которое я остановил, чтобы ехать в гостиницу, он нагнал меня и, с трудом переводя дыхание, прерывисто заговорил:

— Извините, забыл! Забыл сказать: расскажите там, в Москве или Владивостоке, о наших нуждах. Поставьте нам побольше леса. Без русской березы совсем погибнет наш кустарный промысел.

А теперь я процитирую статью из весьма сведущей газеты «Майнити»: «Сейчас, когда у нас сократился импорт леса из США и Канады, обеспечить страну лесоматериалами практически невозможно за счет вырубки леса внутри страны. Мы должны опираться на ввоз древесины из СССР. Правительство возлагает особые надежды на увеличение импорта лесоматериалов из Советского Союза и намерено обратиться к Советской стране с просьбой увеличить поставки леса в Японию...» И еще: «Вопрос об обеспечении страны лесоматериалами становится одной из важнейших политических задач наряду с вопросами обеспечения Японии нефтью».

Обратите внимание — лес и нефть поставлены в один ряд, возведены в разряд поставок первостепенной государственной важности. От советских портов Дальнего Востока до западного побережья Японии лесовоз или танкер идет одни сутки. Лесоматериалы составляют примерно треть всего советского экспорта в Японию. Без них не может обойтись, пожалуй, ни одна отрасль современной японской промышленности, несмотря на обилие химических заменителей.

Столь же остра для Японии и нефтяная проблема. Мы продаем ей сейчас небольшое количество нефти. Но

если говорить о перспективах, то они многообещающи. Между нашими странами ведутся переговоры о возможностях советско-японского сотрудничества в разработке месторождений нефти в Тюменской области. Их смысл заключается в том, что Япония передает нам на условиях банковского кредита средства для строительных работ на приисках и транспортировки нефти, а мы погасим кредит будущими поставками сырой нефти. Определен и объем этих поставок: 25 миллионов тонн в год!

Разговор о взаимовыгодных экономических связях наших стран не может, конечно, быть ограничен лесоматериалами и нефтью, равно как и само советско-японское сотрудничество развивается не только в экономических, но и в других сферах жизни.

Выступая 8 октября 1973 года на завтраке в честь премьер-министра К. Танаки, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отметил: «За последние годы в результате усилий обеих стран в различных областях сделано многое.

Все более оживленными становятся взаимные визиты государственных деятелей обеих стран. Активизировались парламентские связи. Начинают входить в практику консультации наших министров иностранных дел. Установились широкие связи по линии государственных органов и общественных организаций. Существенно расширилось торговое и экономическое сотрудничество, что приносит, как это теперь вполне очевидно, определенные выгоды народам обеих наших стран. Развиваются научно-технические связи, культурные обмены, туризм.

В итоге — общая атмосфера советско-японских отношений, которая после войны, естественно, была сложной, сейчас значительно улучшилась».

СВЕТ РАМПЫ ТЕАТРА «МИНГЭЙ»

В этом особняке допоздна не гаснет свет. В этом особняке поселились служители муз. Их двести — ревнивых, преданных искусству, влюбленных до самопожертвования в театр. Драматический театр «Мингэй». Это слово написано выразительными черными иероглифами на

увитом плющом кирпичном фронте дома в токийском районе Аояма. Здесь репетиционные залы, библиотека, просторная гостиная, артистические уборные.

Мощный дворик по периметру обсажен тополями, соснами, кустарником. Когда смотришь с улицы на этот оригинальный дом с легкими колоннами, углубленной нишей-входом и ненавязчивыми балкончиками, создается впечатление, что сидишь в театре. Дворик — это сцена, а особняк с наружной винтовой лестницей, убегающей под самую крышу, и широкими маршами боковой лестницы, ведущей на второй этаж, — самая настоящая декорация к какому-то удивительно знакомому спектаклю. Кажется, что вот сейчас зажгутся огни рампы, появятся актеры, зазвучит музыка и начнется первое действие. Это впечатление усиливается со вкусом оформленными афишами. Перед входом в особняк крупно, славянской вязью в три краски написано: «Тень». Автор — драматург Шварц. Режиссер — художественный руководитель театра «Мингэй» — Дзюкити Уно.

— Вопрос о своем собственном театральном пристанище для нас не праздный, — так началась наша беседа с известным японским режиссером Дзюкити Уно. — В Токио, пожалуй, кроме типично национального «Кабуки» да еще одного-двух старейших коллективов, никто из актеров не имеет постоянной прописки. Жизнь артиста — это театр. Театр — его дом. Родной дом. А разве есть жизнь без дома?

— Скажите, а с чего вы начали свою жизнь?

— Думаю, что она мало чем отличалась от сотен других жизней. Во всяком случае, как и многие мои приятели — односельчане из префектуры Фукусима, я мечтал стать моряком. Ходить по морям-океанам, изучать неведомый мир. Но, как видите, все обернулось не так, как думалось. Мне уже за шестьдесят. Возраст...

— Когда же вы приплыли в «гавань театра»?

— Пожалуй, в тот год, когда научился по-настоящему читать книги. Меня вдруг неистово потянуло к литературе. Хватал все подряд. Книги буквально проглатывал и чувствовал, что не могу утолить духовный голод. Как-то однажды я попал в театр. Замечу, что в конце двадцатых годов в Японии было создано объединение союзов деятелей пролетарской культуры. Несколько театральных коллективов стали его членами, взяв на вооружение провозглашенный объединением творческий метод работы — пролетарский реализм. Тогда многие театры мы так и называли — пролетарскими. Мое приобщение к театральному искусству состоялось как раз в пролетарском театре. И было мне тогда, если не изменяет память, лет девятнадцать.

— Как назывался первый театр, где вы сыграли свою первую роль?

— Сказать, как он назывался, можно — «Саёку гэкидзё», то есть «левый театр». Он играл в Токио. Считался ведущим среди пролетарских театральных коллективов. А вот что касается моей первой роли — вопрос более сложный. Меня взяли в труппу статистом. Ставили тогда пьесу «Перевернутые рельсы» — о стачке работников метрополитена. В ней я и дебютировал, если это слово подходит к статисту-самоучке.

— В первые выходы на сцену вас не смущало отсутствие профессиональной подготовки?

— Видите ли, в то время на японской сцене работало много актеров-самоучек. Нередко в пьесах участвовали простые рабочие, люди, хорошо знавшие жизнь и умевшие донести до зрителя своей бесхитростной игрой правду этой жизни. Поэтому зритель верил им, иногда больше, чем маститым профессионалам. Но я не хочу этим сказать, что актерскому мастерству нет нужды учиться. Настоящий театр может черпать из самостоятельности таланты, но должен подниматься выше, расти, совершенствоваться на знании законов драматургии, сцены.

Поэтому я для себя сделал тогда вывод: если хочешь связать свою жизнь с театром — надо учиться. Однако бросить сцену я уже не мог. Пришлось совмещать подмостки и институт. Я поступил в частный университет «Ниппон» на факультет художественных искусств. Он имел широкий профиль. Мы занимались историей театра, кино, живописью, скульптурой и даже фотографией. Все эти дисциплины особенно полезны для будущего режиссера. А я тогда стремился стать актером. Поэтому многое приходилось «доделывать» самому. Параллельно со студенческой аудиторией у меня шла напряженная работа в театре. Мне начали давать роли. С огромным удовольствием играл в горьковской пьесе «На дне».

— К какому жанру драматургии вы лично тяготеете?

— Сложные перипетии человеческих судеб, отношений, взрывной накал борьбы крутых характеров — все это как-то сильнее воздействует на нашего зрителя. Может быть, этим объясняется и моя склонность к драме, хотя мне не чужды и комедийные произведения.

— Вам лично в жизни приходилось переживать драматические ситуации?

— Да. Это было в августе 1940-го. Власти начали тогда преследовать артистов, работавших в прогрессивных театрах. В их числе оказался и я. Правящие круги решили поставить под строжайший контроль деятельность этих театров и лишить тем самым зрителя пьес с правдивым, реалистическим содержанием. Многие актеры и режиссеры были брошены в тюрьму. Арестовали и меня. Однако противникам прогресса добиться своего так фактически и не удалось. После войны, вместе со своими коллегами я создал театр «Минсю гэйдзюцу гэкидзё», который с 1950 года стал носить название «Мингэй». Эти иероглифы вы только что видели на фронте нашего особняка.

— Как началась ваша режиссерская деятельность?

— В 1959 году внезапно скончался замечательный режиссер нашего театра С. Окакура. Мне пришлось заменить его и продолжать готовить постановку пьесы современного японского писателя Хотта «Судьба». А в 1960 году в моих руках оказалась пьеса Арбузова «Иркутская история». Она взволновала меня. Я несколько раз возвращался к тексту пьесы, взвешивал возможности постановки «Иркутской истории» в нашем театре. Надо сказать, что в других театрах уже игрались произведения современных советских драматургов — «Русские люди» Симонова, «Платон Кречет» Корнейчука и другие. Однако нам, артистам, режиссерам, театральным критикам, казалось, что в этих спектаклях чего-то недостает. Поэтому, прежде чем взяться за постановку «Иркутской истории», я хотел взвесить все за и против. Что касается японского зрителя, то его давно привлекали произведения советских писателей. Поэтому в одном можно было не сомневаться — если спектакль поставить хорошо, убедительно, сама идея «Иркутской истории» прозвучит привлекательно и полюбит зрительному залу.

— Мне приходилось слышать от критиков, что эта пьеса в вашей постановке имела грандиозный успех, не так ли?

— Думается, что здесь прежде всего следует отметить саму драматургию «Иркутской истории», а во-вторых, игру актеров. С точки зрения режиссерской, скажу, что я работал с увлечением. Но, повторяю, на свой личный счет всю благодарность зрителя я принять не могу. Важно отметить другое — арбузовской «Иркутской историей» открылись новые горизонты в постановке современных советских пьес в нашем театре, да и в других коллективах. Это, если хотите, явилось для нас своеобразным «вторым дыханием». Об этом тогда много писали театроведы, критики. Лично я люблю Арбузова, его драматургию. Мы показали в 1964 году его пьесу «Потерянный сын».

— Какие еще советские пьесы вы ставили?

— Успех, большой успех, выпал на долю «Поднятой целины» Шолохова. Поначалу я побаивался, что тема коллективизации будет не совсем понятна японскому зрителю. Слишком уж далекая от Японии обстановка и по времени и по существу. Но тревога оказалась напрасной. Образы Нагульнова, Щукаря полюбились зрителю. Признаюсь, кое-что в плане оформления спектакля мы заимствовали из постановки «Поднятой целины» в Большом драматическом театре имени Горького в Ленинграде.

Этапным спектаклем можно назвать на сцене нашего театра пьесу М. Шатрова «Шестое июля». Мы поставили и сыграли ее к столетию со дня рождения В. И. Ленина. Очень удачно провел роль Ленина талантливейший актер Осаму Такидзава. Меня с ним связывают долгие годы совместной работы. Вместе с ним мы были арестованы, вместе создавали и наш нынешний театр. В пьесе «Шестое июля» Такидзава превзошел сам себя. Когда мы работали над образом Ленина, мы забывали о времени, трудились в состоянии огромного творческого подъема, горения. И мы были вознаграждены.

— Что больше всего вас, как режиссера, привлекает в советской драматургии?

— И меня, и зрителя прежде всего привлекает в вашей драматургии правда социалистического реализма. Если хотите — социализм, отраженный в искусстве. Донести идеи социализма до масс через повседневную жизнь, воссозданную в пьесе, — разве это не прекрасно! Мы черпаем эти идеи из произведений Шолохова, Шатрова, Арбузова и других авторов. Сейчас я завершаю работу над «Тенью» и одновременно готовлюсь к постановке «Как закалялась сталь» Островского. Эта вещь мне представляется очень значительной. Она полюбится зрителям.

— Вы много играете в телефьесах. Вы поклонник телевидения?

— На этот вопрос нельзя ответить однозначно. Прежде всего есть телевидение и есть телетеатр. Эти понятия не идентичны. Я действительно играю на телевидении. В частности, в многосерийной постановке «Наша Гинза». Автор пьесы — Онода — большой знаток телетеатра. Он пишет легкие бытовые комедии, которые очень хорошо принимаются телезрителями. Что меня привлекло в телевидении? Прежде всего его, так сказать, просветительский характер. Когда выезжаешь на гастроли в «глубинку», где никогда не было (да и вряд ли скоро будет) своего театра, и видишь тысячи телевизионных антенн — искренне радуешься за людей. Ведь с помощью телевидения они приобщаются к культуре, искусству. Но есть и другая, отрицательная сторона нашего телевидения. Она заключается в чисто коммерческой демонстрации фильмов и иных пьес с убийствами, насилием, кровью, гангстерами. К сожалению, избавиться от этого зла в нынешних условиях трудно. Как вы понимаете, я играю лишь в тех телеспектаклях, которые поднимают людей духовно, а не сбрасывают их в пропасть безысходности и мрака.

— Как оплачивается труд актера в нынешней Японии?

— Это тоже сложный вопрос. В нашей печати уже отмечалось, что, например, в театре «Кабуки» многие актеры с трудом сводят концы с концами. Большинство актеров Японии должны постоянно искать дополнительный заработок, так как на зарплату прожить нелегко. Поэтому телевидение, кино являются дополнительными источниками бюджета актерской семьи. Если администрации театра удастся договориться с киностудией или телекомпанией и занять в постановке или фильме своих профессиональных актеров, заработанные средства идут не только лично артисту, но и в общую копилку театра.

— Я слышал, что при вашем театре создана киностудия?

— Совершенно верно. С 1951 года мы выпустили 70 художественных и телевизионных фильмов силами коллектива «Мингэй». Успех имели такие фильмы, как «Перед рассветом», «Дети Хиросимы».

— Как вы оцениваете творческие контакты между театром «Мингэй» и советскими театрами?

— Были бы несказанно рады их расширить. К сожалению, в Японии нет такой организации, как ВТО, которая имеет возможность проводить встречи с зарубежными актерами, режиссерами, художниками. У нас нет настоящего творческого центра, и это отрицательно сказывается на нашей работе. Мы также мечтаем о том, чтобы на принципах взаимного обмена наши лучшие студенты могли заниматься в советских театральных вузах. Как это помогло бы нашим театрам нового направления, обогатило их! Мне хочется верить, что общее улучшение отношений между Японией и СССР положительно скажется и на упрочении наших контактов. Я как поклонник советского театра, бывавший в вашей замечательной стране, верю в торжество демократического театра Японии и в наше крепнущее творческое содружество. Пусть оно будет движущей силой искусства наших народов.

Дзюкити Уно задумчиво листает странички полученной из Москвы новой пьесы Арбузова «Мое загляденье». Я смотрю на его умное спокойное лицо, чуть прищуренные глаза, и мне кажется, что он уже мысленно воссоздает сцену за сценой будущей постановки. В гостиную почти неслышно входит девушка. Она делает глубокий поклон и обращается к режиссеру с привычной, но всегда волнительной для Уно фразой: «Актеры, занятые в пьесе «Тень», готовы к спектаклю. Они ждут вас, Уно-сан».

БАНКИР ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

Фешенебельный отель «Сима канко» на побережье живописного полуострова утопает в зелени. Все здесь располагает к неге и мечтам, к доверительным беседам и общению с природой. Здесь можно превосходно провести время в будни и не хуже того — в праздники. Именно

так рассудил банкир Мантавара, когда несколько лет назад под новый год впервые оказался в этих райских местах.

С той поры он не упускает случая, чтобы потешить усталую от забот мирских душу в «Сима канко» на рождественские каникулы, а заодно провести ночь за искусно убранными цветами и шампанским новогодним столом. Причем наезжает в эти благословенные места не один, а со всей семьей. Позволить себе такое удовольствие Мантавара может: его имя в длинном списке финансовых тузов страны прочно стоит на десятом месте, а это кое-что да значит! В «Сима канко» его уважают все — от ливрейного привратника до управляющего. Да и постояльцы, прослышав о его приезде, высыплют в холл, чтобы лично засвидетельствовать свое почтение именитому гостю или хотя бы поглазеть из любопытства.

Мантавара и на сей раз трепетно встречен и сполна обласкан вышколенной гостиничной прислугой. Но вдруг его лицо омрачает тревога. Неприятную весть принес муж старшей дочери, служащий казначеем в министерстве финансов: готовится решение о реорганизации банка Мантавара... Нужно действовать. И немедленно! С проворством лихого эквилибриста банкир делает «политическое пожертвование» самому министру финансов. Тот, не краснея, кладет крупную взятку в карман и — дело улажено, семейные новогодние торжества продолжают...

Так начинается фильм, выпущенный известной в Японии, да и за ее рубежами, киностудией «Тохо» совместно с независимой кинофирмой «Тэйэнься» по роману Т. Ямадзуки «Блестящее семейство». Режиссер С. Ямото и сценарист Н. Ямада сохранили это название и для картины.

Если главным действующим лицом в фильме является банкир Мантавара, то пружиной, которая, как бы распрямляясь по ходу сценария, придает фильму все на-

растающую динамику, бесспорно является Айко Такасо — гувернантка в доме банкира. Двадцать лет она нянчила и воспитывала его детей, цепко держала в руках хозяйство, поучала, как нужно жить отрешенную от мира сего изнеженную аристократку — супругу Мантавару. Предвидя, что рано или поздно на этот дом (ее дом!) могут обрушиться несчастья (мир так неустойчив!), она благополучно выдала старшую дочь Мантавара замуж за казначея министерства финансов; младшего сына женила на дочке директора крупной промышленной компании «Осака-дзюко», а младшую дочь успешно сосватала за племянника премьер-министра. Так оборотистая, ловкая от природы Айко Такасо окружила дом банкира надежным родственно-семейным заслоном, которому были уже не страшны никакие козни недругов или превратности судьбы, а сама обрела покой в объятиях Мантавара, став его любовницей.

При внешнем благополучии отдельных персонажей фильма перед зрителем открывается картина страшного внутреннего опустошения этого «Блестящего семейства». Физически в картине гибнет лишь один герой — старший сын банкира, которому отец, считая его не своим кровным отпрыском, отказывает в денежной ссуде, и тот, в конце концов, пускает себе пулю в лоб. Но в подтексте фильма ясно звучит главная мысль авторов: все его герои — морально искалеченные людишки, которые пытаются устроиться в жизни за счет себе подобных, потопить соперников, лишь бы самим выбраться из трясины загнивающего общества. У них нет будущего. Они — живые трупы, хотя в финале картины хищник Мантавара прибирает к рукам еще один банк, его имя в списке финансистов страны с десятого места автоматически поднимается на пятое, и он с помпой переезжает из Осака в столицу.

Мне думается, что талантливый режиссер С. Ямомото, который завершил в Советском Союзе съемки тре-

твей серии эпопеи «Война и человек» (фильм получил высокую оценку критики), справился со своей задачей по экранизации романа «Блестящее семейство». Именно о проблемах экранизации и зашел у меня поначалу разговор с руководителем отдела киностудии «Тохо» Кодзуя Утида. По его словам, многие режиссеры и известные артисты японского кино полагают, что экранизация произведений современных авторов помогает решить в условиях нынешней Японии сразу несколько проблем. Во-первых, сценарий пишется по роману или повести, которую уже принял читатель. Стало быть, имеются почти все шансы за то, что и фильм придется по вкусу зрителю. Во-вторых, экранизация избавляет от погони за сценаристами, которые, по образному выражению одного из критиков, все еще «бродят в потемках с пустыми портфелями». И, наконец, на апробированный материал легче подобрать хороших актеров, заранее привлечь зрителя «знаменитостями».

Опыт экранизации литературных произведений показал, что зритель хочет видеть на экране не сентиментальные подделки, которые заполняют телевизионные студии Японии, а социальные драмы с заостренным сюжетом, бичующие пороки современного буржуазного общества. Кодзуя Утида отметил также, что если некоторые студии еще надеются заработать себе капитал на порнографических или гангстерских лентах, то они глубоко заблуждаются. Дешевенькое подражание западным образцам должно так же быстро исчезнуть с японского горизонта, как и возникло.

Я спросил у Кодзуя Утида, сколько фильмов в 1973 году выпустила его студия, которая входит в число «Большой пятерки».

— Сорок картин. Последняя вышла на экран 29 декабря. Она называется «Тонущая Япония». Это экранизация бестселлера писателя Сакё Комацу под тем же названием. Научно-фантастический роман «Тонущая Япо-

ния» за короткий срок разошелся в 3200 тысячах экземпляров. Тираж беспрецедентный. Для кинематографа ставка почти беспроигрышная. Тем более что сценарий для нас написал сам автор. Режиссер картины — Сиро Моритани. Впервые в истории японского кино для консультаций мы пригласили крупнейших специалистов по геофизике Земли, сейсмологии, океанографии, вулканологии. Вот, пожалуй, ответ на ваш вопрос, — поправил очки Кодзуя Утида.

— Что привлекло студию в этом романе?

— Прежде всего мы давно, с первых послевоенных лет, специализируемся на комбинированных съемках. Павильоны «Тохо» признаны лучшими в Японии для этой цели. Сюжет картины таков, что без комбинированных съемок ее сделать невозможно. Но это, конечно, производное от главного. «Япония — вечно трясущаяся страна» — это крылатое выражение могло бы стать, пожалуй, эпиграфом к книге С. Комацу. Извержение вулканов, частые подземные толчки, сдвиги земной тверди, цунами, рождаемые вспучиванием океанского дна, — все это и дало автору «Тонущей Японии» богатую пищу для раздумий на тему: что произойдет, если разбушевавшиеся подземные силы вдруг вздыбят океан и затопят архипелаг, если под водой останутся города, села, поля Японии.

Японские ученые всерьез заняты этой проблемой. Они ищут пути для своевременного предупреждения губительных землетрясений. В научно-исследовательских институтах разрабатываются различные проекты, конструируются сверхчувствительные приборы. Одни склонны полагать, что уже наличествует возможность предсказать, а стало быть, и победить внезапность подземного толчка огромной разрушительной силы. Другие ученые берут эту точку зрения под сомнение. А научные фантасты пытаются увидеть возможную катастрофу и главное — ее последствия своими глазами. Фильм «Тонущая Япо-

ния» — не простая констатация катастрофы. Он как бы бросает смелый вызов ученым, призывает напрячь силы, отдать опыт во имя великой гуманной цели спасения людей, предотвращения трагедии.

В фильме есть главный герой — ученый-сейсмолог Тадо Коро (его играет известный артист кино Кобаяси), есть приобретенная во Франции сверхмощная подводная лодка, есть участники экспедиции на дно океана под кодовым названием «Проект Д». Есть премьер-министр, члены кабинета и народ, переживающий невиданной силы разрушительную катастрофу. Но нет пока главного — ответа на вопрос: что же будет потом? И эта неизвестность, пожалуй, еще больше интригует читателей и будет интриговать зрителей, пока автор не завершит работу над второй частью своего романа и не даст на это ответа.

ВЕЛИЧИЕ ПОДВИГА

Очереди за билетами у кинотеатров в Японии — явление крайне редкое. Во-первых, места на фильмы первого экрана весьма дороги. Во-вторых, зритель привык не торопиться: «Успею посмотреть, когда картина будет демонстрироваться повторно». В-третьих: «Смогу уви-

деть по телевидению» (опять-таки из-за финансовых затруднений).

Однако, когда в Японии появились рекламы фильмов «Огненная дуга», «Прорыв», «Направление главного удара», «Битва за Берлин», люди спешили к кассам, толпились на улицах.

Непривычность ситуации, свидетельствующая о притягательной силе советского искусства, натолкнула руководителей кинокомпании «Сётику-Энхан» на интересный эксперимент: конкурс среди учащихся и студентов на лучшее сочинение о фильмах цикла «Освобождение».

Я попросил заведующего отделом пропаганды компании Т. Ивакура рассказать об условиях и результатах конкурса, его победителях. Компания также любезно предоставила в мое распоряжение несколько лучших сочинений, удостоенных премий.

— Наш эксперимент,— сообщил Т. Ивакура,— носил социологический и психологический характер. Было очень интересно узнать, как к этому спрессованному в кадры нескольких лент материалу отнесутся те, кто знает о войне лишь по книгам, понаслышке. Что думает японская молодежь о советских людях, боровшихся в 1941—1945 годах против фашизма, за мир и справедливость?

В конкурсе приняло участие 2862 человека. Предварительный отбор сочинений производила группа, которую возглавил кинокритик, знаток советского кино Кадзуо Ямада.

По результатам конкурса победителями вышли двое учащихся средней школы первой ступени, один ученик средней школы второй ступени и два студента. Первую премию мы решили не присуждать. И не потому, что не оказалось участника, ее заслужившего, а потому, что мы решили разделить ее и поощрить большее число ребят, принявших участие в этом интересном соревновании.

Итак, передо мной пять небольших, бесхитростных, может быть, наивных, но искренних сочинений, на тему: «Твое впечатление о киноэпопее «Освобождение».

Начнем с учащихся. Сатоси Урано и Акимити Мори по четырнадцать лет. Оба мальчика, судя по сочинениям, активно любят фильмы «про войну». Сатоси Урано так и пишет: «Я стараюсь не пропустить ни одного фильма или телефильма про войну». Его одноклассник Акимити Мори уточняет: «Особенно меня интересуют военные фильмы, рассказывающие о боевых действиях на европейском театре».

Сатоси Урано признается, что прежде его представление о второй мировой войне было иным. Он полагал, что против Гитлера воевали только американские и британские солдаты. «Теперь я узнал правду! — с жаром восклицает автор сочинения. — Я с жадностью стал смотреть и третью и четвертую части картины. И вы себе не представляете, как мне хотелось поторопить время, чтобы увидеть финал грандиозной схватки — «Битву за Берлин»!

«Я узнал, — пишет Акимити Мори, — что война — это вовсе не развлекательная прогулка лихих вояк, как это иногда выглядит в приключенческих книгах западных авторов. Война — это насилие, кровь, гибель людей. Но на одной стороне она священна, потому что ведется защитниками народа, а на другой — вероломна, потому что ведется извергами, поработителями, грабителями. В фильме идет борьба добра со злом. И добро одерживает верх. Как это прекрасно! Хотя мороз пробегает по коже, когда читаешь заключительные цифры: погибло 20 миллионов человек... Русские — герои! У них есть чему учиться, есть чему подражать».

Сатоси Урано в своем сочинении воздает должное операторскому и режиссерскому мастерству. Зритель, пишет он, сумел получить яркое представление о грандиозной «битве танков» под Прохоровкой, где столкну-

лись сотни боевых машин и где победила советская военная мощь. А вот какой вывод делает этот учащийся. «Советская кинематография принадлежит государству, а не частным лицам. Этому можно лишь по-хорошему завидовать. Ей подвластно сценическое решение гигантских батальных эпизодов, размах, достойный величия народа, сотворившего подвиг».

Сатоси Урано и Акимити Мори были особенно потрясены двумя эпизодами эпопеи. «Мне думается,— пишет первый,— что в гибели молодого советского танкиста повинен не тот немецкий солдат, который послал в него пулю, а фашизм, отправивший на фронт этого солдата». И дальше: «Сами немцы решили затопить метро, где нашли убежище берлинцы. А кто их спасает? Кто приходит им, немцам, на помощь? Советский солдат! На первый взгляд, противоречие. Как может советский солдат спасти немца? Оказывается, может, потому что он прежде всего гуманист. Он воюет против фашизма, а не против Человека».

Просмотрев не менее двух десятков конкурсных работ, я обратил внимание на то, что оба эти эпизода отмечаются почти во всех рукописях. Видимо, в них нашло свое, какое-то особое, трогательное душу японца, отражение внутреннего мира советского человека, его благородство при исполнении долга.

«Столько лет прошло со дня окончания второй мировой войны, но гул снарядов и вой бомбардировщиков все еще режет слух, они делают людей седыми, несут трагедии семьям. Я хочу спросить: почему мы, японские школьники, учимся по учебникам, в которых страшной атомной бомбардировке Хиросимы и Нагасаки отведено всего лишь несколько строчек? Вот почему, мне кажется, так своевременно вышла на экраны кинолента «Освобождение». Эта лента придает силы борцам за правду, учит мужеству и отваге, гуманизму и стойкости, любви к человеку и ненависти к врагу». Автор этого сочинения,

шестнадцатилетний Хисао Кимура, заканчивает его словами, высеченными на памятнике жертвам Хиросимы: «Трагедия не должна повториться!..»

И, наконец, рецензия третьекурсника Токийского университета Ясуко Моримия: «Судорога боли свела мое сердце: 20 миллионов погибших. Страшно! Страшно думать, что этих людей нет и никогда не будет среди нас, живых. Казалось бы, советский солдат должен остервенеть от всей этой адской махины, имя которой война, зачерстветь, навсегда потерять чувство нежности. А он не покрывается ржавым налетом грубости, не превращается в злобствующего демона. Суровая простота Цветаева не лишает образ внутренней чуткости, а, наоборот, оттеняет тонкость его души. Цветаев — интернационалист. Он уходит из жизни во имя того, чтобы другие поколения людей на разных материках, мое поколение могли жить без страха за свою судьбу».

Двадцатидвухлетний студент Такаси Кубо продолжает развивать эту тему. Он видит символику в трепещущем на майском ветру флаге над рейхстагом — призыв к людям всех стран сплотиться под знаменами мира и дать решительный отпор всем, кто посягает на мир и счастье народов. «Мы должны быть бдительны, помнить, что стратеги «холодной войны» еще ходят по нашей планете».

Автор этого сочинения отмечает, что только тот военный фильм может занять подобающее место в истории, полюбить зрители, который не просто копирует события минувших лет, фотографирует батальные подвиги, а заставляет человека, зрительно воспринимающего прошлое, думать о настоящем.

К этим бесхитростным сочинениям молодых японцев трудно что-либо добавить.

СОДЕРЖАНИЕ

Третья встреча	5
Волны стачечной борьбы	14
Почему ушел из жизни Кимура	24
Домик на дороге	34
Талисман за триста иен	42
Дело о миллионах Мацумото	52
Эхо автомобильной войны	60
Бриллиантовый клуб «Мицубиси»	70
Коридор ужасов	76
Парады иobelisks	83
Индустрия игрального бизнеса	105
Полицейские и воры	117
Преступление в отеле «Гранд палас»	129
Под личиной спортсменов	147
Цунами банкротств	169
На страже прибылей	178
Хоккайдо в двух измерениях	185
Токио гасит огни	198
Трассы Японского моря	210
Свет лампы театра «Мингэй»	235
Банкир перед рождеством	243
Величие подвига	249

Вадим Борисович Кассис

ЯПОНИЯ БЕЗ РЕТУШИ

М., «Известия», 1975, 256 стр. с илл.

Редактор **Б. Пиляцкий**

Художник **О. Теслер**

Художеств. редактор **И. Смирнов**

Технический редактор **А. Березина**

Корректор **Л. Сухоставская**

Б04444. Подп. в печать 7/VII 1975 г. Формат 70×108^{1/32}. Бумага печ. № 1. Печ. л. 8,0. Усл. печ. л. 11,2. Заказ 5-37. Тираж 50 000. Цена 33 коп.

Издательство «Известия Советов депутатов трудящихся СССР». Москва, Пушкинская пл., 5.

Книжная фабрика имени М. В. Фрунзе Республиканского производственного объединения «Полиграфкнига» Госкомиздата УССР, Харьков, Донец-Захаржевская, 6/8.

33 коп.